

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

CONTRASTIVE LINGUISTICS

2018. №7

*«Знать много языков – значит иметь много ключей
к одному замку»
Вольтер*

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА **CONTRASTIVE LINGUISTICS**

2018. №7

Научное издание ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»
г. Екатеринбург, Россия

The journal of
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia

Электронное сетевое издание

ISSN 2587-8107

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации
сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN)
с присвоением международного стандартного номера

ISSN 2587-8107

от 22.05.2017

Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов
Уральского государственного педагогического университета:
journals.uspu.ru

Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
Российской универсальной научной
электронной библиотеки.

ББК Ш104
С 64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богоявленская Юлия Валерьевна – главный редактор
доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
Плотникова Мария Вячеславовна – заместитель главного редактора
кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
Лукина Ольга Ивановна – зам. главного редактора
кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
Буженинов Александр Эдуардович
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Уральского государственного экономического университета
Томилова Александра Игоревна
кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
Уральского государственного педагогического университета
Макарова Елена Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Уральского государственного педагогического университета

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

доктор филологии, профессор	Р. Гусман Тирадо	Испания
доктор филологии	К. Пайкин	Франция
доктор филологии	Т. Миллиаресси	Франция
доктор философии	И. Юбэнкс	Великобритания
доктор философии	Е. Головушкина	Аргентина
доктор филол. наук, профессор	Е. А. Нахимова	Россия
доктор филол. наук, профессор	Н.Н. Кошкарлова	Россия
доктор филол. наук, профессор	Т.И. Зеленина	Россия

С 64 Сопоставительная лингвистика / гл.ред. Ю. В. Богоявленская; ФГБОУ
ВО «Урал.гос.пед.ун-т». – Екатеринбург, 2018. – Вып. 7. – 127 с.

УДК 81.0
ББК Ш104
С 64

Журнал представляет собой международное научное рецензируемое издание по сопоставительной лингвистике, межкультурной коммуникации и переводоведению, а также методике их преподавания. Журнал призван стать открытой международной научной площадкой как для известных российских и зарубежных исследователей, так и для молодых ученых. «Сопоставительная лингвистика» публикует статьи на русском, английском, французском, испанском и немецком языках.

ISSN 2587-8107

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2018
© Сопоставительная лингвистика, 2018

EDITORIAL BOARD

Bogoyavlenskaya Yu. V. - editor-in-chief

Doctor of Philology with habilitation, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University

Plotnikova M. V. - deputy editor-in-chief

Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University

Lukina O. I. - deputy editor-in-chief

Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University

Buzheninov A. E.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics

Tomilova A. I.

Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University

Makarova E. V.

Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the German Philology, Ural State Pedagogical University

EDITORIAL COUNCIL

PhD, Professor	R. GuzmánTirado	Spain
PhD, Associate Professor	K. Paykin	France
PhD, Associate Professor	T. Milliaressi	France
PhD, Associate Professor	I. Eubanks	Great Britain
PhD, Associate Professor	E. Golovushkina	Argentina
PhD, Professor	E. A. Nakhimova	Russia
PhD, Professor	N.N. Koshkarova	Russia
PhD, Professor	T.I. Zelenina	Russia

The journal is an international peer-reviewed edition on contrastive linguistics, interpretation and translation, cross-cultural/intercultural communication, foreign language teaching and methodology for teaching interpreting and translating. The aim of the journal is to serve as a platform for both young researchers and eminent overseas and Russian scientists. *Contrastive linguistics* publishes papers in five languages (Russian, English, German, French, Spanish).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Редакция журнала выражает глубокую благодарность *Генеральному Консульству Франции* и *Почетному Консульству Испании в Екатеринбурге по Уральскому федеральному округу* за поддержку журнала, а также лично

Франсиско де Борха Родригес-Пантоха де Ори, Почетному консулу Испании в Екатеринбурге, за участие и ценные рекомендации;

Кате Пайкин, доктору филологии, руководителю международных программ в сфере гуманитарных наук Университета Лилля (Франция), за плодотворное сотрудничество и профессионализм;

Ивану Юбенксу, доктору философии, главному редактору журнала «Pushkin Review», Университет Каймановых островов (Великобритания), за содействие в распространении информации о журнале и экспертизу статей;

Марии Борисовне Воропиловой, начальнику управления научно-образовательной деятельности УрГПУ, за ценные практические советы, оперативное решение вопросов и понимание;

коллективу кафедры романских языков УрГПУ за энтузиазм, конструктивные и творческие идеи, моральную поддержку,

а также **всем, кто принял участие** в подготовке и публикации этого номера.

Особая признательность выражается российской и зарубежной **редакционным коллегиям** журнала за проявленную компетентность и профессионализм. Ваш труд обеспечивает высокое научное качество журнала, позволяет развиваться, продвигаться вперед, поддерживать международные стандарты.

Редакция искренне благодарит **авторов** за оригинальные содержательные работы, направленные в «Сопоставительную лингвистику» и нашедшие высокую оценку у рецензентов.

Мы надеемся на дальнейшее активное и плодотворное сотрудничество в будущем году.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	11
<i>Богоявленская Ю. В.</i> ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ИНТРОТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ	11
<i>Буженинов А. Э.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ГОМЕПАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....	21
<i>Кипина М. А., Плотникова М. В., Тулайкина С. С.</i> ЖЕРТВА РУССКОГО МЕДВЕДЯ: ОБРАЗ УКРАИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ 2014-2018 ГГ.....	26
<i>Клюева А. Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ РАССВЕТА И ЗАКАТА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «THE EARLY STORIES: 1953-1975» ДЖ. АПДАЙКА).....	33
<i>Лутфуллина Г. Ф.</i> ОСОБЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	40
<i>Медведева Д. И., Васильева В. А.</i> СИНОНИМЫ ЛЕКСЕМЫ ПРАЗДНИК И ИХ АНАЛОГИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ.....	45
<i>Медведева Т. С., Филимонова А. Н.</i> КОНЦЕПТЫ <i>CHALLENGE</i> И <i>ВЫЗОВ</i> В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	54
<i>Пономарева Е. Ю., Павлюк А. С.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ВЕРХНЯЯ КОНЕЧНОСТЬ».....	62
<i>Хренова А. В.</i> ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТОВ <i>PRESIDENT</i> И <i>ПРЕЗИДЕНТ</i>	71
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	78
<i>Абейкайе Д.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ В АФРИКАНСКОЙ ФРАНКОГРАФИИ: СТРАТЕГИЯ НАТИВИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ.....	78
<i>Блакори Т.</i> СЛАБОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	89
<i>Гадомска К.</i> ЖАН-ПЬЕР АНДРЕВОН - УЖАСЫ ПО-АМЕРИКАНСКИ. ПЕРЕКРЕСТНОЕ ЧТЕНИЕ <i>ТУМАНА</i> СТИВЕНА КИНГА И <i>ДОМА, КОТОРЫЙ СКОЛЬЗИЛ</i> АНДРЕВОНА.....	97

<i>Томилова А. И.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИСПАНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ГРАДУИРОВАНИЕ.....	105
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	115
<i>Лобос О.</i> РЕЧЕВЫЕ СТИЛИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА.....	115
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	126

CONTENTS

EDITOR'S FOREWORD.....	9
CONTRASTIVE LINGUISTICS.....	11
<i>Bogoyavlenskaya Yu. V.</i> PARCELING IN INTROTEXT POSITIONS.....	11
<i>Buzheninov A. E.</i> SYNTACTIC METHOD OF TERM FORMATION IN HOMEOPATHIC TERMINOLOGY IN RUSSIAN AND FRENCH.....	21
<i>Kipina M. A., Plotnikova M. V., Tulaykina S. S.</i> VICTIM OF RUSSIAN BEAR: IMAGE OF UKRAINE IN FRENCH POLITICAL CARTOONS 2014-2018.....	26
<i>Klyueva A. N.</i> COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF LANGUAGE FEATURES OF VERBAL-VISUAL IMAGES OF DAWN AND SUNSET (ON THE MATERIAL OF STORY COLLECTION «THE EARLY STORIES: 1953-1975» BY J. UPDIKE).....	33
<i>Lutfullina G.F.</i> SPECIAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH PERCEPTION VERBS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES.....	40
<i>Medvedeva D. I., Vasilyeva V. A.</i> SYNONYMS OF THE LEXEME <i>PRAZDNIK</i> (HOLIDAY) AND THEIR ANALOGUES IN THE EUROPEAN LANGUAGES.....	45
<i>Medvedeva T. S., Filimonova A. N.</i> CONCEPTS <i>CHALLENGE</i> AND <i>VYZOV</i> IN AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE	54
<i>Ponomareva E. Y., Pavlyuk A. S.</i> CONCEPTUALIZATION OF REALITY BY MEANS OF RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY WITH THE SOMATIC COMPONENT "THE UPPER LIMB"	62
<i>Khrenova A. V.</i> GENERAL REGULARITIES OF DEVELOPMENT OF CONCEPTS <i>PRESIDENT</i> AND <i>ПРЕЗИДЕНТ</i>	71
GENERAL LINGUISTICS.....	78
<i>Abaikaye D.</i> LANGUAGE STRUCTURES IN AFRICAN FRANCOGRAPHY: AN INDIGENIZATION STRATEGY OF FRENCH IN THE FRANCOPHONE NOVEL.....	78
<i>Blakqori T.</i> THE WEAK DEFINITION IN ALBANIAN: COMPARATIVE STUDY.....	89
<i>Gadomska K.</i> JEAN-PIERRE ANDREVON: THE AMERICAN-STYLE HORROR. COMPARATIVE READING OF <i>BRUME</i> BY STEPHEN KING AND <i>LA MAISON QUI GLISSAIT</i> BY ANDREVON.....	97
<i>Tomilova A. I.</i> SEMANTIC CLASSIFICATION OF SPANISH ADJECTIVES: GRADABILITY.....	105
INTERPRETATION, TRANSLATION AND CROSS-CULTURE COMMUNICATION.....	115

<i>Lobos O.</i> DISCURSIVE STYLES IN ANDREI PLATONOV'S PROSE.....	115
INFORMATION FOR AUTHORS.....	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия рада представить очередной, уже седьмой, выпуск научного рецензируемого журнала «Сопоставительная лингвистика». Среди авторов – как известные зарубежные и отечественные специалисты, доктора филологии, доктора и кандидаты филологических наук, так и молодые исследователи, представляющие университеты России, Польши, Аргентины, Косово и Камеруна. Представители различных школ и направлений имеют возможность ознакомиться и обсудить результаты новейших научных изысканий в области сопоставительной лингвистики, а также смежных областей на страницах российского журнала.

Журнал «Сопоставительная лингвистика» зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий с присвоением международного стандартного номера ISSN2414-4843. Для обеспечения общедоступности и формирования авторского рейтинга научного цитирования статьи планируется размещать в системе РИНЦ и на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета www.journals.uspu.ru.

Приоритетными задачами мы считаем публикацию качественных научных статей, соответствующих международным стандартам, и максимальное их распространение в мировой научной среде, укрепление и установление новых научных связей между учеными из различных регионов России и других стран.

Поскольку специалисты по сопоставительной лингвистике владеют по крайней мере двумя, а чаще тремя или четырьмя языками, журнал принимает статьи на русском, английском, французском, немецком и испанском языках.

Для обеспечения высокого научного уровня журнала статьи рецензируются ведущими российскими и зарубежными специалистами из Франции, Великобритании, Испании, Аргентины и других стран.

Журнал имеет постоянные рубрики: *Проблемы сопоставительной лингвистики* и *Проблемы перевода и межкультурной коммуникации*. В число постоянных также введена рубрика *Общие вопросы филологии*. Сопоставительные изыскания, как известно, опираются на исследования, которые были проведены на материале хотя бы одного из сопоставляемых языков. Данная рубрика, таким образом, призвана стать своеобразным «поставщиком» этой ценной информации.

Научная жизнь не стоит на месте, и ее проявления также достойны освещения на страницах научного журнала. Поэтому мы принимаем к публикации *рецензии, обзоры и сообщения* (хроника совещаний, конференций, семинаров, отчеты и др.), так или иначе связанные с тематикой журнала.

Редакционные принципы журнала опираются на принятые в мировой практике основы редакционной этики. Редакция следует рекомендациям таких организаций, как Международный комитет публикационной этики (Committee on Publication Ethics – COPE) (<http://publicationethics.org/about>), Европейская ассоциация научных редакторов (European Association of Science Editors – EASE) (<http://www.ease.org.uk>), а также Комитет по этике научных публикаций (<http://publicet.org/code/>). В своей работе редакторы

журнала придерживаются положений Publishing Ethics Resource Kit (<http://www.elsevier.com/editors/perk>), а также Кодекса этики научных публикаций (<http://publicet.org/code/>).

Правила оформления статей, шаблоны и точную информацию о журнале можно найти в конце номера, а также на сайте научных журналов УрГПУ <http://journals.uspu.ru/>.

С уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество,

гл. редактор,

Юлия Валерьевна Богоявленская,

заместители гл. редактора

Мария Вячеславовна Плотникова,

Ольга Ивановна Лукина

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42
ББК Ш105.51

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ИНТРОТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена изучению функционирования парцелляции в структуре абзаца как глобального компонента дискурса, границы которого наглядно графически маркированы. Целью статьи является анализ корреляции между локализацией парцелляции в структуре абзаца и ее функциональным назначением. Эмпирической базой исследования стал корпус текстов статей французских и российских газет. Комплексная методика анализа объединяет когнитивный, структурно-лингвистический и прагмалингвистический подходы. Позиция когнитивного подхода позволяет рассмотреть парцелляцию как материализованную репрезентацию аттенциального фокусирования в сознании и языке. Структурно-лингвистический компонент методики способствует выявлению потенциала парцелляции в зависимости от ее локализации в глобальных структурах дискурса, а также участие в обеспечении когерентности дискурса. Прагмалингвистический ракурс позволяет учитывать интерактивный характер дискурса, его прагматические свойства и отношения, существенные для адекватного восприятия и понимания текстов. На первом этапе уточняются значения основных терминов, используемых в исследовании: парцелляция, парцеллема, парцеллографема. Затем изучается функциональная нагрузка парцелляции в выделенных нами интротекстовых позициях: начально-абзацной, внутриабзацной, финально-абзацной, полноабзацной, разноабзацной и парцелляция через подзаголовок. Делается вывод о способности парцеллятов, находящихся в аттенциальном фокусе, выполнять проспективную, ретроспективную и проспективно-ретроспективную функции. Сопоставительный анализ выявил сходства, заключающиеся в преобладании внутриабзацных парцеллем и соотносимой частотности финально-абзацных, начально-абзацных и полноабзацных парцелляций, а также в схожести их функционального потенциала. Различия состоят в различной частотности выделенных типов в корпусах. Отличительной чертой русского корпуса является наличие разноабзацных парцеллем, французского - наличие парцеллемы через подзаголовок. Результаты проведенного исследования могут оказаться полезными для дальнейших исследований парцелляции в различных типах дискурса, а также в практике преподавания ряда теоретических и практических дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парцелляция, синтаксис, когнитивная лингвистика, газетный дискурс, фокус внимания.

Сведения об авторе: Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент кафедр романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail: jvbog@yandex.ru.

Yu. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

PARCELING IN INTROTEXT POSITIONS

ABSTRACT. This article is devoted to the study of the functioning of parceling within the structure of a paragraph as a global component of discourse with graphically marked confines. The purpose of the article is to analyze the correlation between the localization of parceling within the structure of a paragraph and its function. The empirical basis of the study is the corpus of French and Russian newspapers texts. The complex analysis method combines cognitive, structural-linguistic and pragmalinguistic approaches. The position of the cognitive approach allows us to consider parceling as a materialized representation of attentional focusing in consciousness and language. The structural and linguistic component of the methodology contributes to the identification of parceling potential, depending on its localization within the global discourse structures, as well as its participation in ensuring the coherence of discourse.

Pragmalinguistic perspective allows taking into account the interactive character of discourse, its pragmatic properties and relations, significant for the adequate perception and understanding of texts. At the first stage, the meanings of the main terms under study such as parceling, parcellème, parcellogramme are clarified. Then, the functional role of parceling in the identified intertextual positions is studied: initial-paragraph, intra-paragraph, final-paragraph, full-paragraph, multiparagraph and parceling by means of the subtitle. The conclusion is made about the ability of parcels located in the attentional focus to perform prospective, retrospective and prospective-retrospective functions. Contrastive analysis revealed similarities consisting in the predominance of intra-paragraph parcellèmes and the corresponding frequency of the final-paragraph, initial-paragraph and full-paragraph parcellèmes, and also in the similarity of their functional potential. Meanwhile the frequencies of the identified types in the corpora are different. A distinctive feature of the Russian corpus is the presence of multiparagraph parcellèmes; a particularity of the French corpus is the presence of parceling by means of a subtitle. The results of the study can be useful for further studies of parceling in different types of discourse, as well as in teaching a number of theoretical and practical disciplines.

KEYWORDS: Parceling, Syntax, Cognitive Linguistics, Newspaper Discourse, Focus of Attention.

About the author: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, PhD with habilitation, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University; address: 620017, pr. Kosmonavtov, 26, Ekaterinburg, Russia; e-mail: jvbog@yandex.ru.*

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX в. и вплоть до настоящего времени парцелляция привлекает к себе пристальное внимание исследователей. На данный момент существует уже около 400 работ, выполненных на материале различных языков и в русле различных направлений (обзор исследований парцелляции во французской лингвистике см. [Богоявленская 2018]). В качестве объекта исследования называются те или иные аспекты парцелляции: структурно-семантический, стилистический, коммуникативно-прагматический, когнитивно-семиотический [Богоявленская 2016]. В последнее время появился ряд работ, базирующихся на ранее не изученном материале, например, кинотекстов [Белоусов 2014], использующие новые подходы к исследованию: рассмотрение парцелляции как стратегии авторского дискурса [Гурьева 2014], как синтаксического экспликатора субъективной модальности [Богоявленская 2015], как микротекст [Юнгерова 2010], как проявление дезинтеграционных синтаксических процессов [Марьина 2011], как особенность синтаксиса современной публицистики [Харитоновна 2014] и т.д. Несмотря на обилие работ по данной проблеме, такой важный вопрос как функционирование парцелляции в дискурсе практически не затрагивался в научной литературе. Однако анализ использования парцелляции выявил определенную корреляцию между локализацией парцеллированной конструкции в структуре текста / дискурса и ее функциональным назначением. В рамках настоящей статьи под локализацией парцеллемы понимаем ее размещение как в сильных позициях (заголовке, лиде, концовке), так и внутри текстов (интротекстовые позиции). Поскольку преобладание парцеллем наблюдается в интротекстовых позициях, целью работы является изучение локализации парцелляций внутри текста и их функциональной нагрузки. Эмпирической базой исследования стал корпус текстов статей, содержащих парцеллированные конструкции, собранных с сайтов современных французских и российских газет за период 2010-2014 гг. Обработка материала и статистические процедуры осуществлялись с помощью программы Linguistica, предназначенной для создания специализированных лингвистических корпусов, обработки языкового материала и получения статистических данных [Богоявленская, Буженинов 2015].

Реализация цели исследования предполагает обращение к комплексной методике анализа, объединяющая когнитивный, структурно-лингвистический и прагмалингвистический подходы. Позиция когнитивного подхода позволяет нам рассматривать парцелляцию и ее результат – парцеллему как материализованную репрезентацию аттенционального фокусирования в сознании и языке. Структурно-лингвистический компонент методики позволит выявить потенциал парцеллемы в зависимости от ее локализации в глобальных структурах дискурса (тексте и абзаце), а также участие в обеспечении когерентности дискурса. Прагмалингвистический ракурс позволит учитывать интерактивный характер дискурса, его эмоциональную и информационную составляющие, прагматические свойства и отношения, существенные для адекватного восприятия и понимания текстов.

1. Парцелляция и парцеллема: определение основных понятий исследования

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурно-семантическом аспекте явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода мы не можем не признать, что данные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые проявляются при рассмотрении парцелляции с когнитивно-семиотической позиции. В связи с чем в рамках настоящей статьи в качестве рабочего используется термин «парцеллема».

Под **парцеллемой** понимаем интенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии - фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Предлагаемый термин имеет два значения. Во-первых, это эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей. Другими словами, парцеллема в первом значении есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов - конструкций с парцелляцией. Во втором значении парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе.

Материально-графическое воплощение парцеллемы получает благодаря **парцелляции** - *специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конstituенты*. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая **основу парцеллемы, парцеллографему**, которую мы определяем как *финальную синграфему, используемую для операции парцелляции и создающую визуальный разрыв между основой и третьим конstituентом - парцеллятом*, начинающимся с заглавной буквы. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения фокуса на парцеллят.

Эффект, производимый парцеллемой, строится на конфликте между визуально-графическим (пунктуационным) и семантико-синтаксическим аспектами, на нарушении контекстного ожидания. Финальная синграфема, обычно означающая завершение одной самостоятельной структурно-семантической единицы и переход к следующей, в составе парцеллемы меняет свое назначение: разрывая линейную последовательность графических вербальных знаков, она выделяет наиболее значимый с точки зрения автора информационный отрезок. Такая функциональная трансформация указывает на *амбивалентную, деструктивно-конструктивную природу парцелляции*.

Парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он *деавтоматизирует и стимулирует внимание* к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в интенциональном фокусе¹ какого-либо аспекта информации о референтной ситуации. Выбирая парцеллятную аранжировку высказывания, субъект полагает, что *в данном случае и в данный момент, она является оптимальным средством, способным представить описываемую ситуацию в соответствии с авторским восприятием (интенцией)*: в фокус внимания вынесен именно тот объект / отношение / аспект ситуации, который ему представляется наиболее значимым. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, как субъект «сканирует» описываемую сцену, о том, как он воспринимает наблюдаемые объекты и события и как их конструирует.

¹ Под фокусированием, вслед за О.К. Ирихановой, понимаем целостный многофункциональный когнитивный процесс, имеющий широкий диапазон разноформатных языковых воплощений, как лексико-семантических, так и синтаксических, активно взаимодействующих в дискурсе [Ириханова 2014: 14].

2. Анализ функционального потенциала парцелляции в абзацных позициях

Участие парцеллемы в построении дискурса заметно при анализе ее расположения в структуре абзаца, который мы, вслед за А.А. Кибриком, рассматриваем как глобальную структуру (блок, компонент) дискурса, границы которого наглядно графически маркированы [Кибрик 2003: 4, 32].

Как показывает исследование, парцеллема может быть использована в различных частях абзаца. Для анализа мы выделили начальную-абзацную, внутриабзацную и финальную-абзацную позиции, которые определяют специфику выполняемых парцеллемой функций.

2.1. Начальная-абзацная позиция парцеллемы

Обратимся к анализу парцеллированной конструкции в *начальной абзацной позиции*.

Как отмечают Дж. Браун и Дж. Юл, переход к новому абзацу вызван сменой топика [Brown, Yule 1983: 95], что говорит о снижении связности - совокупности общих для фрагмента дискурса характеристик (референциальной, пространственной, временной и событийной [Givón 1984: 896]). На стыке абзацев прогнозируется разрыв хотя бы одного из этих видов связности, что мы и можем наблюдать в приведенном ниже примере:

Brigitte Sibona, ex-responsable des opérations de HSBC Private Bank, ne fait pas mystère des intentions de la banque: «L'intérêt du client est qu'il évite la taxe ESD et la banque a réalisé une marge en vendant des sociétés offshore, dit-elle aux enquêteurs. La finalité pour la banque, c'est de garder le client.»

C'est donc forts de ces divers éléments que les juges Daïeff et Bilger se sont résolus à poursuivre la banque elle-même. Au risque d'entrer en conflit avec la justice suisse. En effet, l'office fédéral de la justice a peu apprécié que les juges français aient directement convoqué HSBC, le 1er août, par voie postale, en vue d'une mise en examen. (Le Monde, 03.11.2014)

В данном примере заметен прежде всего локальный сдвиг: действие переносится из швейцарского банка во французский правоохранительный орган, происходит смена точки перспективы, с которой автор предлагает смотреть на описываемую ситуацию. Также происходит референциальный (меняются субъекты действий), временной и событийный сдвиги. В начальной позиции абзаца парцеллема создает определенную коммуникативно-прагматическую «напряженность», выводя в парцеллят информацию, ключевую для всего абзаца и требующую последующей расшифровки (Почему возможен конфликт со швейцарским правосудием? Почему это связано с риском? Что предшествовало описываемым событиям? Уже имелся прецедент?). Таким образом, парцеллят в данном положении является темой, раскрываемой в абзаце, задает правосторонний вектор ее дальнейшего развития. Такие парцелляты выполняют проспективную функцию и обеспечивают таким образом развитие прежде всего горизонтальной содержательной структуры текста.

Подобные парцелляты частотны и в русском корпусе. Например:

У нас в Одессе в саду завелась белка, ела сливы, абрикосы, самое неожиданное, что это был белка-мужчина. Уже седой, одинокий, холостой, незапасливый. Никого не боится - одинокие вообще никого не боятся: детей нет, жизни не жалко, на кота плюёт огрызками, на пса замахнулся. Передним ходом сбегал вниз, задним ходом вверх, потом опять опустился вниз и что-то сказал псу, потом опять задним ходом вверх, пёс умолк и отвалил. Белка уже пожилой, лет 5-6, абсолютно одинокий. От этого злопамятный. Урожай слив и абрикосов то бывает, то нет. И белка такой - то жирный, то тощий. (АиФ, 15.11.2014)

В фокусной зоне начальной-абзацной парцеллемы размещен парцеллят, содержащий такие характеристики «белки» как возраст, отсутствие семьи, неумение запасаться, которые более подробно раскрываются в абзаце. Такие парцелляты «высвечивают» фокус новой микротемы и нацелены на выполнение проспективной функции.

2.2. Внутриабзацная позиция парцелляции

Обратимся к анализу функционирования *внутриабзацной парцеллемы*:

Le procureur de Paris, François Molin, décide de l'ouverture d'une enquête

préliminaire. Le dossier Cahuzac devient alors officiellement une «affaire judiciaire». François Molins a été successivement directeur de cabinet de Michèle Alliot-Marie puis de Michel Mercier, il connaît par cœur les rouages de la Chancellerie. La tradition non écrite veut que le procureur de Paris informe le cabinet, outre la direction des affaires criminelles et des grâces. Et que le cabinet lui-même traite directement avec l'Élysée... Le dossier Cahuzac fait partie de ces dossiers «signalés» qui sont suivis en temps réel ou presque par la Chancellerie. Christiane Taubira en connaîtra donc personnellement tous les rebondissements. (La Tribune, 15.03.2010)

Основная часть парцеллемы опирается на анафорический элемент *les rouages de la Chancellerie*, под которым подразумеваются политические и бюрократические тонкости работы в Министерстве Юстиции, раскрывает его значение, а парцеллят фокусирует необходимость учета иерархических отношений и согласования каждого шага расследования с вышестоящими структурами (метонимия *Élysée* – Елисейский дворец), на что «работает» каждый элемент парцеллята. Парцеллятная комбинированная сетка, включающая две парцеллографемы – многоточие и точку, указывает на особый подход, требуемых в делах, подобных делу Жерома Каюзака, министра финансов, ушедшего в отставку из-за скандала, разразившегося по поводу его незадекларированных многомиллионных счетов в швейцарском банке и находящимся в настоящее время под следствием (следующее предложение). Многоточие кодирует многозначительную паузу. Парцеллят звучит предупреждающе. Последствия несоблюдения «неписанной традиции» могут отразиться на самом министре Юстиции, Кристиан Тобира (последнее предложение абзаца). Реконструкция смыслов возможна при условии знания реалий и «погруженности» в дискурсивную среду, созданную в связи с этим делом.

Обратимся к еще одному примеру.

Предвыборная борьба в Воронеже, Москве, Екатеринбурге, Ярославле и других городах и регионах в очередной раз демонстрирует обоюдный правовой нигилизм, как со стороны государства, так и оппозиции. В Ф3 и региональных законах загодя были приготовлены лазейки для власть имущих, позволяющие им не покидать свои посты на время предвыборных компаний. И на полную мощь использовать административный ресурс. Вертикаль законы пишет и принимает для себя. (Московский комсомолец, 28.08.2013)

Парцеллема, занимающая промежуточное абзацное расположение, таким образом, активно участвует в семантической прогрессии текста, выполняя ретроспективно-перспективную функцию.

2.3. Функционирование парцелляции в финально-абзацной позиции

Конец глобального дискурсивного компонента, как и начало, – сильная позиция текста. В *финально-абзацной позиции* парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, которая представляется автору наиболее значимой:

Ces éléments, évoqués tant par Eliane Houlette, la procureure nationale financière, que par Philippe Lagache, avocat général à la cour d'appel de Paris, dans leurs rapports du 26 février brandis imprudemment par Christiane Taubira, mercredi 12 mars, attestent que la justice dispose d'éléments tangibles dans cette affaire. Les juges Patricia Simon et Claire Thépaut, forts des mails et documents saisis lors des perquisitions du 4 mars, vont donc continuer leur enquête. Sous haute pression. (Le Monde, 13.03.2014)

Приведем пример из русского корпуса. На вопрос журналиста о возможности усыновления ребенка однополрой семьей, уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов отвечает:

Позиция России выражена в наших базовых законах, в Конституции и Семейном кодексе. Там прямо указано, что, во-первых, браком считается союз мужчины и женщины. Во-вторых, у нас усыновление возможно только семейными парами. В исключительных случаях допускается, когда одиночка берет ребенка. Но для этого должны быть какие-то определенные обстоятельства. Например, родственное усыновление. (Российская газета, 04.02.2013)

Первый парцеллят фокусирует внимание на ограничении возможности усыновления ребенка одиноким человеком, второй – на примере этого

ограничения. Тема абзаца раскрыта полностью, следующий абзац открывает новую тему.

Приведем еще один интересный пример, демонстрирующий возможности финально-абзацной парцелляции. Основная часть выполняет здесь двойственную функцию: 1) дублируя промежуточный заголовок (*conclusions édifiantes*), повторно фокусирует внимание на значимости, обоснованности выводов доктора Кьезельбака относительно недостаточного учета человеческого фактора при анализе неэффективности реструктуризации предприятий; 2) вместе с парцеллятом прогнозирует содержание следующего, «правого» абзацного компонента. Его функцию здесь можно определить как ретроспективно-перспективную:

Des conclusions édifiantes

Que 25 scientifiques aient étudiés, sous la houlette du professeur Dr Thomas Kieselbach de l'université de Brême, l'impact des décisions prises en comité de direction sur des bataillons entiers de salariés, impact physique et psychologique, voilà qui reste inédit. Leurs conclusions sont édifiantes. Et malheureusement toujours d'actualité!

60% à 75% des restructurations se traduisent par un échec imputable non pas à la stratégie mais à la dimension humaine. Ne pas comprendre que chaque personne faisant partie de l'organisation montre des réactions différentes vis-à-vis du changement est une grave erreur. (La Tribune, 06.12.2013)

Завершая абзац, парцеллема подготавливает дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступени, т.е. включает проекцию будущего абзаца, раскрывающего актуальность этой научной работы. Таким образом осуществляется вертикально-ступенчатый принцип смысловой организации. Семантические связи конструкции с «правым» компонентом достаточно сильны, но автор оставляет конструкцию в сильной финальной позиции, усиливая выделенность парцеллята, заключенного в комбинированную парцеллятную сетку с восклицательным знаком, а ее «расшифровку» помещает в следующий графически маркированный компонент. На наш взгляд, имеет место субъективный, эмоциональный подход к определению границ абзаца, оправданный в данном случае содержательной структурой текста и его прагматической направленностью. В этом контексте весьма интересно обратиться к результатам эксперимента А.А. Кибрика, в ходе которого ученый установил, что границы абзацев «не являются простой графической условностью, они маркируют границы между компонентами глобальной структуры дискурса, и носители языка с 90-процентной вероятностью сходятся в том, где эти границы находятся». Однако восприятие «существенности» разрывов связи различно, а это означает, что «границы между абзацами не полностью выводимы из прочей формы текста. То, как их расставляет редактор или автор, несет самостоятельную семантическую информацию» [Кибрик 2003: 33].

3. Анализ функционального потенциала парцелляции в межабзацной, разноабзацной и полноабзацной позициях

Наиболее ярким примером приращения семантической и прагматической информации при абзацировании являются *межабзацные парцеллемы*, парцеллят которых выносятся в отдельный, новый абзац. Специфика парцеллирования заключается здесь в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень – в следующую глобальную структуру:

M. Sarkozy n'a pas réussi à obtenir un score soviétique et à s'imposer comme le candidat naturel de son camp pour la présidentielle. Résultat: celui qui s'imagine comme le chef incontesté de son camp n'a pas les pleins pouvoirs. Le successeur de Jean-François Copé va devoir composer avec ses rivaux.

Et en premier avec Bruno Le Maire, qui est l'autre gagnant du scrutin interne. En obtenant plus 29,18%, le député de l'Eure a réussi son pari: il a émergé en portant le thème du «renouveau». (Le Monde, 30.11.2014)

Высокая салиентность межабзацного парцеллята обуславливает его функцию в организации содержательной структуры текстового пространства – максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом:

К счастью для УГМК, запал хозяек иссяк, а Сандрин Груда вновь взяла игру на себя. Ее быстрый отрыв на последней минуте остановить удалось только за счет фола. Груда оба броска исполнила точно и фактически поставила точку в матче - 63:58.

А заодно и в сезоне, по ходу которого УГМК выиграл три турнира из четырех, в которых участвовал. Речь помимо победы в чемпионате России идет о выигрыше Кубка России (четвертый раз подряд) и Суперкубка Европы. Единственной осечкой стало поражение в полуфинале Евролиги, которую УГМК выиграл в прошлом сезоне. (Коммерсантъ, 30.05.2014)

Парцеллят на новой абзацной ступени – значимый компонент все той же разворачиваемой макротемы (успехи команды УГМК), задающий новую перспективу (переход от персональных успехов С. Груда к командным). Этот прием необычен, в силу чего его частотность в газетном дискурсе остается невысокой.

Анализ материала также дает основания для выделения еще одного типа парцеллем – *полноабзацных*:

Le hic dans ce type de fête, c'est la frontière entre vie privée et vie professionnelle. La crainte d'y dévoiler une partie de soi qui échappe à l'environnement professionnel. Le risque qu'entre un canapé au saumon et trois coupes de champagne, on laisse tomber son masque. (La Tribune, 22.12.2013)

Пример из русского корпуса:

Каждый может удостовериться - документы подлинные. С ошибками, кляксами, входящими номерами. Иной раз трудночитаемые. И не только из-за клякс... (АиФ, 09.04.2014)

В приведенных примерах размер парцеллемы равняется размеру абзаца. Выделение парцеллемы в отдельный дискурсивный блок обусловлен прагматической установкой автора визуально маркировать особую значимость того знания, которое он хочет донести до адресата.

В ряде случаев размер парцеллемы может разрастаться до нескольких абзацев (*разноабзацная парцелляция*), что представляет собой достаточно редкое явление и зафиксировано только в русском корпусе:

Самый поверхностный мониторинг сайта Госдумы показывает, что депутаты прислушались к совету трёхвековой давности. И попытались запретить всё. Или почти всё.

Детские конкурсы красоты, продажу «антироссийских» компьютерных игр, курение, хождение долларов, усыновление российских детей иностранцами, продажу энергетических напитков несовершеннолетним, употребление алкоголя на борту самолёта, бесплатное скачивание фильмов и музыки из интернета...

Использование обценной лексики в личных сетевых дневниках, суррогатное материнство, выезд «уклонистам от армии» за границу, пропаганду сепаратизма, оскорбление чувств верующих, сомнительную и коллаборационистскую символику... (АиФ, 21.03.2014)

Во французском корпусе с небольшой частотностью встречается еще один оригинальный тип интротекстовой парцелляции – *парцелляция через подзаголовок*, например:

Loin de s'effusquer, Hassan II « est parti d'un grand éclat de rire et a quitté la pièce en se bidonnant ».

PLAISANTERIES SALACES

Jusqu'au jour où le roi ne rit plus. Non pas à cause du bouffon et de ses blagues vulgaires. Mais à cause de son fils, un humoriste lui aussi, prénommé Hassan (comme le roi), un gagne-petit qui anime les soirées privées « de l'élite ». (Le Monde, 29.05.2014)

Confronté par les policiers à Guy Alvès, l'autre patron de Bygmalion, qui l'accuse sur procès-verbal d'avoir autorisé les fausses factures, il continuera à nier.

RÉUNIONS

Mais les enquêteurs disposent d'éléments nouveaux. (Le Monde, 06.10.2014)

4. Сопоставительный анализ использования парцелляции в интротекстовых позициях во французском и русском газетном дискурсе

Обратимся к статистическим данным корпуса.

Таблица 1. Квантитативные показатели использования парцеллемы в интротекстовых позициях французского и русского газетного дискурса.

Интротекстовые позиции	Французский корпус, %	Русский корпус, %
начально-абзацная парцелляция	22,05	18,35
внутриабзацная парцелляция	42,82	37,17
финально-абзацная парцелляция	24,49	27,9
полноабзацная парцелляция	4,49	12,27
разноабзацная парцелляция	0	0,28
межабзацная парцелляция	4,49	4,02
парцелляция через подзаголовки	1,67	0

Сопоставительный анализ корпусной статистики дает основания для следующих выводов.

Сходства в использовании парцелляции в интротекстовых позициях:

- 1) преобладание внутриабзацных парцеллем в обоих корпусах (42,82% и 37,17%), с небольшой разницей $\Delta = 5,65\%$;
- 2) порядок убывания по частотности финальноабзацных (24,49% и 27,9%), начальноабзацных (22,05% и 18,35%) и полноабзацных парцеллем (4,49% и 12,27%);
- 3) наиболее редкий тип - парцелляция через подзаголовки (1,67% и 0,09%).

В ходе анализа были зафиксированы следующие **различия**:

- 1) преобладание русских финальноабзацных парцеллят ($\Delta = 3,41\%$) и французских начальноабзацных парцеллят ($\Delta = 3,7\%$);
- 2) преобладание полноабзацных парцеллем в русском корпусе: разница в 2,7 раза;

Специфической чертой русского корпуса является такой тип парцелляции как разноабзацный, не востребованный во французской прессе. Специфика русского корпуса - в отсутствии парцелляции через подзаголовки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в глобальном дискурсивном блоке - абзаце - парцелляция может занимать различные позиции. Начально-абзацные парцеллемы наводят аттенциальный фокус на новую микротему и нацелены на выполнение проспективной функции. Внутриабзацные парцеллемы участвуют в семантической прогрессии текста, выполняя ретроспективно-проспективную функцию. В финально-абзацной позиции парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, который представляется автору наиболее значимым. Однако финально-абзацная парцелляция может выполнять и ретроспективно-проспективную функцию, подготавливать дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступени, т.е. задавать проекцию будущего абзаца. Специфичность межабзацных парцеллем состоит в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень - в следующую глобальную структуру. Функция межабзацной парцелляции заключается в организации содержательной структуры текстового пространства - максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом.

Кроме перечисленных, в корпусах были зафиксированы также полноабзацные, разноабзацные и парцеллемы через подзаголовки, которые объединяет выделенность парцеллята в отдельный дискурсивный блок. Данный прием обусловлен прагматической установкой автора - визуально маркировать особую значимость того знания, которое он стремится донести до адресата.

Сходства, выявленные в процессе сопоставительного анализа корпусов, заключаются в преобладании внутриабзацных парцеллем и соотносимой частотности финально-абзацных, начально-абзацных и полноабзацных парцеллем. Различия состоят в различной встречаемости выделенных типов в корпусах. Наличие разноабзацных парцеллем является отличительной чертой русского

корпуса. Французский корпус отличают парцеллемы через подзаголовки.

Полагаем, что результаты проведенного исследования могут оказаться полезными для дальнейших исследований парцелляции и ее функционирования в различных типах дискурса, а также в практике преподавания ряда теоретических и практических дисциплин: «Теоретическая грамматика», «Дискурсология», «Редактирование текста», «Интерпретация текста» и других. В качестве перспективы исследования рассматриваем дальнейший анализ функционирования парцелляции в английском газетном дискурсе, а также в художественном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, В. Ю. Интонация как основной аспект разграничения парцелляции и смежных с ней конструкций в кинодиалоге гангстерского фильма / В. Ю. Белоусов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2014. - № 12-1. - С. 274-276.
2. Богоявленская, Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен: монография / Ю. В. Богоявленская. - Екатеринбург, 2016. - 180 с.
3. Богоявленская, Ю. В. Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования / Ю. В. Богоявленская, А. Э. Буженинов // Политическая лингвистика. - 2015. - № 2. - С. 137-143.
4. Гурьева, Н. Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ / Н. Н. Гурьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. - 2014. - № 3. - С. 216-223.
5. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. - М.: Языки славянской культуры, 2014. - 320 с.
6. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.19 / Кибрик А. А. - Москва, 2003. - 90 с.
7. Марьина, О. В. Взаимодействие дезинтеграционных синтаксических процессов в русских художественных текстах, созданных в 1980-2000-е годы / О. В. Марьина // Вестник Удмуртского университета. - 2011. - № 5-2. - С. 118-123.
8. Харитоновна, Е. В. Парцелляция как особенность синтаксиса современной публицистики / Е. В. Харитоновна // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2014. - № 2 (87). - С. 91-94.
9. Юнгеровна, О. В. Парцеллированная конструкция как микротекст / О. В. Юнгеровна // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2010. - № 7. - С. 330-336.
10. Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 288p.
11. Givón, T. (1990). *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins. 406 p.

REFERENCES

1. Belousov, V. Ju. Intonacija kak osnovnoj aspekt razgranichenija parcelljacija i smezhnyh s nej konstrukcij v kinodialoge gangsterskogo fil'ma / V. Ju. Belousov // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. - 2014. - № 12-1. - S. 274-276.
2. Bogojavlenskaja, Ju. V. Parcelljacija kak kognitivno-semiotičeskij fenomen: monografija / Ju. V. Bogojavlenskaja. - Ekaterinburg, 2016. - 180 s.
3. Bogojavlenskaja, Ju. V. Precedentnoe imja «Napoleon» v istoričeskoj pamjati Francii: opyt korpusnogo issledovanija / Ju. V. Bogojavlenskaja, A. Je. Buzheninov // Politicheskaja lingvistika. - 2015. - № 2. - S. 137-143.
4. Gur'eva, N. N. Parcelljacija kak strategija avtorskogo diskursa v pechatnyh SMI / N. N. Gur'eva // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. - 2014. - № 3. - S. 216-223.
5. Irishanova, O. K. Iгры fokusa v jazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija / O. K. Irishanova. - M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. - 320 s.
6. Kibrik, A. A. Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive: dis. ... dokt. filol. nauk v forme nauch. dokl.: 10.02.19 / Kibrik A.A. - Moskva, 2003. - 90 s.

7. Mar'ina, O. V. Vzaimodejstvie dezintegracionnyh sintaksicheskikh processov v russkikh hudozhestvennyh tekstah, sozdannyh v 1980-2000-e gody / O. V. Mar'ina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. - 2011. - № 5-2. - S. 118-123.
8. Haritonova, E. V. Parcelljacija kak osobennost' sintaksisa sovremennoj publicistiki / E. V. Haritonova // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. - 2014. - № 2 (87). - S. 91-94.
9. Jungerova, O. V. Parcellirovannaja konstrukcija kak mikrotekst / O. V. Jungerova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. - 2010. - № 7. - S. 330-336.

УДК 811.161.1'373:811.133.1'373
ББК Ш141.12-324+Ш147.11-324

А. Э. Буженинов

Екатеринбург, Россия

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставительному анализу терминов, образованных синтаксическим путем, в гомеопатической терминологии в русском и французском языках. Выявление закономерностей построения составных терминов является актуальной проблемой современного терминоведения и терминографической практики. В статье показана неоднородность терминологической лексики гомеопатического дискурса. Компонентный и словообразовательный виды анализа позволили выявить доминирующие модели терминов-словосочетаний в исследуемой терминологии. В первую очередь речь идет о двухкомпонентном термине с атрибутивной связью в обоих языках; термин-словосочетание с генетивной связью в русском языке и номинативная группа с предлогом во французском языке. Показано, что в гомеопатической терминологии однословные термины, образованные при помощи морфолого-синтаксического способа терминообразования, также испытывают влияние синтаксиса, что проявляется в редуцированной форме термина с несколькими компонентами. Синтаксически образованные термины, включающие более чем два компонента, распространены количественно и репрезентированы более разнообразными моделями в русском языке, что в значительной мере объясняется производностью русского гомеопатического дискурса от французского. Полученные результаты могут служить отправной точкой при разработке двуязычных словарей, словников и тезаурусов по гомеопатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин-словосочетание, однословный термин, синтаксические способ терминообразования, терминология, гомеопатическая терминология, французский язык, русский язык.

Сведения об авторе: Александр Эдуардович Буженинов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, к. 519; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru.

A. E. Buzheninov

Ekaterinburg, Russia

LE MOYEN SYNTAXIQUE DE LA FORMATION DES TERMES DANS LA TERMINOLOGIE HOMEOPATHIQUE EN RUSSE ET EN FRANCAIS

RÉSUMÉ. Cet article est consacré à l'analyse contrastive des termes complexes dans la terminologie homéopathique en russe et en français. La révélation des régularités de la formation des termes complexes est un problème d'actualité dans la science de terminology moderne et dans la pratique terminographique. L'article présent montre la hétérogénéité des termes dans le discours homéopathique. L'analyse componentielle et l'étude de la formation des mots ont permis de dégager les modèles dominants des termes complexes dans la terminologie étudiée. Il s'agit notamment du terme à deux composants au lien attributif pour les deux langues. C'est aussi le cas du terme complexe au lien génétif en russe et le groupe nominal avec la préposition en français. Nous avons montré pour la terminologie homéopathique que les termes simples formés à l'aide du moyen morpho-syntaxique en même temps sont formés surtout sous l'influence du facteur syntaxique ce qui est manifesté dans la forme réduite du terme à plusieurs composants. Les termes formés à l'aide du moyen syntaxique and ayant plus que deux composants sont plus nombreux et sont présentés par des modèles plus variés en russe ce qui est en grande partie expliqué par la derivation du discours homéopathique russe de celui du français. Les résultats obtenus pourraient servir de point d'appui lors de l'élaboration des dictionnaires, glossaires et thesaurus bilingues de l'homéopathie.

MOTS-CLES: terme composé, terme simple, moyen syntaxique de formation des termes, terminologie, terminologie homéopathique, Français, Russe.

Auteur: Alexandre Buzheninov, Docteur ès lettres, Maître de conférences, Département des langues étrangères, l'Université Economique de l'Etat; adresse: 620144, 62, 8 Marta, Ekaterinburg, Russia; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru.

A. E. Buzheninov
Ekaterinburg, Russia

SYNTACTIC METHOD OF TERM FORMATION IN HOMEOPATHIC TERMINOLOGY IN RUSSIAN AND FRENCH

ABSTRACT. This article is devoted to the contrastive analysis of terms formed by the syntactic method of term formation in terminology of homeopathy in Russian and French. The revelation of regularities of terminological word-combinations' building is an actual problem of modern terminological science and terminographical practice. In this paper is shown the heterogeneity of homeopathic discourse's terms. By the means of component and word-formative analysis are revealed dominant models of terminological word-combinations in homeopathic terminology. In the first place it is two-component term with attributive connection both in Russian and French; terminological word-combination with genitive connection in Russian and substantive term word-combination with preposition in French. It is shown that one-component terms for the most part are formed by morphological and syntactic method of term formation that reveals the influence of the syntax. It is expressed in the form's reduction of the multicomponent term. Terms formed by syntactical method and including more than two components are more numerous and presented by more various models in Russian which is explained in a great measure by derivative character of Russian homeopathic discourse from the French one. This paper's results may be a reference point in the elaboration of bilingual dictionaries, glosses and thesauruses of homeopathy.

KEYWORDS: terminological word-combination, one-component term, syntactic method of term formation, terminology, homeopathic terminology, Russian language, French language.

About the author: *Alexander Buzheninov, PhD in Philology, assistant professor of Ural State University of Economics, Department of Foreign Languages; address: 620144, st. 8 Marta, 62, Ekaterinburg, Russia; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru.*

INTRODUCTION

Des questions liées aux problèmes de la formation des termes des jeunes terminologies, des domaines de connaissances pas très largement répandus (dont la terminologie ne s'est pas encore transformée en système des termes) sont le champ actuel des recherches terminologiques de nos jours. Il n'y a pas de doutes que l'analyse des terminologies pareilles joue un rôle important dans la standardisation et unification suivantes des unités terminologiques pour composer des dictionnaires et de toute sortes d'ouvrages de référence. A notre avis, des recherches contrastives des termes appartenant aux jeunes terminologies ont encore plus d'importance: la nécessité de création des dictionnaires (vocabulaires, glossaires) bi- et multilingues est dû à l'importance de communication internationale des savants dans tel ou tel domaine de science.

L'homéopathie est un jeune domaine de science médicale, elle est apparu à la fin du XVIII siècle en Allemagne et s'est répandu après en Europe, surtout en France. En Russie l'homéopathie n'a été officiellement reconnue qu'en 1996. Cela détermine ce fait que la terminologie homéopathique russe du point de vue structure est dérivée de celle des langues européennes; d'un côté elle se trouve sous l'influence de la tradition grecque et latine dans la nomination des notions médicales, d'autre côté sous l'influence des termes déjà créés par des écoles homéopathiques européennes.

A présent il n'y a pas beaucoup d'ouvrages de référence sur l'homéopathie en Russie, des ouvrages bi- ou multilingues n'existent pas du tout. L'analyse contrastive de la structure syntaxique des termes, la découverte et la description des modèles productifs de formation des termes sont des aspects importants de la création de tels ouvrages.

Le problème de formations des mots en général (en de termes en particulier) est l'objet d'étude dans plusieurs recherches de nos jours: cf., par exemple, des recherches de certains aspects sémantiques du lexique spécialisé [Томилова 2014; Соколова 2009; Лукина 2015a; Dépecker 2014; Vandaele et al. 2006; Normand 2002; Oliveira 2006; Rossi 2014]; aspects morphologiques [Зеленина 2010; Heyna 2012]; aspects syntaxiques [Лукина 2015b; Haralambous, Lavagnino 2011b; Ahronian, Béjoint 2008].

1. Problème de l'identification des termes homéopathiques

Dans cet article notre objet d'étude est l'analyse contrastive des termes complexes dans la terminologie homéopathique en russe et en français. Nous allons aussi étudier les cas des termes formés à l'aide du moyen morpho-syntaxique de formation des termes qui sert à réduire le terme à plusieurs composants.

Les recherches terminologiques de ces dernières années montrent que le moyen syntaxique de formation des termes est très productif du point de vue de la croissance constante des connaissances scientifiques, l'intégration permanente des différents sciences et liens interdisciplinaires. Comme l'indique M.- C. L'Homme, «la prédominance de ce mode de formation est souvent expliquée par la volonté de rendre explicite le contenu sémantique des termes» [L'Homme 2015: 109]. Cela permet d'exprimer détaillément des aspects différents du concept scientifique, toute la complexité de tel ou tel phénomène.

La terminologie homéopathique n'a pas de longue histoire. L'essence de l'homéopathie comme une branche particulière de la connaissance médicale conditionne ce fait que les unités des niveaux différents de la terminologisation y sont utilisées: 1) le lexique usuel de la langue nationale, 2) lexique scientifique utilisés dans tous les domaines scientifiques, 3) les termes des sciences du même domaine (la médecine), 4) la terminologie qui n'est utilisé que dans tel ou tel sphère de science (l'homéopathie dans notre cas). Juan C. Sager explique qu' «en utilisant à la fois des termes et des mots, les langues de spécialité offrent des possibilités d'expression spécialisée à plusieurs niveaux» [Sager 2000: 47].

Dans cet article notre objet d'étude est la quatrième couche uniquement, c'est-à-dire, la terminologie homéopathique. Nous allons extraire 229 termes homéopathiques en français et 282 termes en russe des ouvrages homéopathiques (articles, ouvrages monographiques, manuels).

2. Modèles syntaxiques des termes complexes à deux composants en russe et en français

La formation des termes complexes est un moyen dominant de formation des termes dans la terminologie homéopathiques dans les deux langues. Tout d'abord nous allons préciser que nous sous-entendons sous le terme complexe «une unité monoréférentielle (critère de monoréférentialité) qui appartient à une langue de spécialité (critère terminologique), et qui représente une notion univoque (critère notionnel)» [Collet 2000]. Notre analyse montre que la partie des termes simples est de 39 % en français (91 termes) et de 26 % en russe (75 termes). Il est à noter que la majorité totale des termes simples sont formés par le moyen morpho-syntaxique. Tout d'abord c'est la composition (*аутонозодотерапия, тканетропность, врач-микродозист, nosodothérapie, symptôme-clé, tube-granule* etc.). Parmi ces procédés c'est le cas aussi de l'ellipse lorsqu'on omet un des composants (*индивидуализация - de индивидуализация гомеопатического назначения, испытание - de испытание лекарств, répertorisation - de répertorisation des symptômes* etc.). Encore un procédé est l'abréviation (*CH - centésimale hahnemanienne*)

Ainsi même des termes simples homéopathiques sont souvent formés dans les deux langues à l'aide des procédés syntaxiques: l'abréviation, la composition, l'ellipse servent à la réduction de l'unité terminologique initiale ce qui permet de créer les unités secondaires répondant à la critère de brièveté du terme.

Les termes complexes sont présentés dans la majorité des cas par des termes à deux composants (53 % pour le français et 61 % pour le russe). Le modèle de base y est le groupe de mots attributif verbalisant la notion avec son composant concrétisant. Pour le russe il s'agit du modèle A+N (46 % - 131 termes): *гомеопатический анамнез, антимиазматическая терапия, дренажный препарат, иммуномодуляционная терапия, регрессивная викариация, ключевой симптом*. Le groupe attributive emploie parfois le participe au lieu de l'adjectif (participe + substantif): *элиминирующий симптом, сопутствующий симптом*. En français le groupe attributif se forme sur le modèle N + A / Part. vue que l'adjectif en français est postposé (36 % - 84 termes): *traitement étiotrope, homéopathie clinique, latéralité droite, sémiologie homéopathique, type sulfurique, type constitutionnel, latéralité gauche*.

Un des modèles répandu et le groupe N + N2 - 14 % en russe (*модальность улучшения, диагноз гомотоксикоза, составление патогенеза, ранжирование*

симптомов, тип лекарства). En français ce modèle est représenté aussi par 14 % des termes. La plupart des termes sont construits sur le modèle N+Prep.+N: *individualisation du remède, régulation de base, loi de Héring, phase de dégénérescence, remède de fond*. Il est à noter que c'est le modèle de tous les termes-éponymes homéopathiques (*loi de Héring, dilution de Korsakoff, dilution de Hahnemann*). Il n'y a qu'un seul terme créé sur le modèle sans préposition (N+N): *remède satellite*.

3. Modèles syntaxiques des termes complexes à plusieurs composants en russe et en français

La périphérie de formation des termes complexes est présentée par des termes à plusieurs composants. En russe c'est 10 % (30 termes) tandis qu'en français il n'y en a que 6 % (14 termes). La particularité de la terminologie homéopathique russe consiste en ce qu'il y a des modèles variés des termes. La plupart des termes à trois composants sont formés sur le modèle N+A+N: *лечение пароксизмальных состояний, применение малых доз, потенцирование жидких субстанций, экспертиза гомеопатических лекарств*. Rares sont d'autres modèles:

- N+ (N+N2): *степень усиления симптомов, величина потенции препарата, индивидуализация назначения лекарств*;
- A/Part. + N+N2: *гомеопатическая дифференциальная диагностика, потенцированный аллопатический препарат*. Dans ce cas la notion est caractérisée par deux signes concrétisants ce qui assure la spécialisation plus profonde du concept du point de vue de sa catégorisation.
- A + (N+N2): *лекарственное насыщение крупинок, сотенная шкала разведения*;
- D+A+N: *бесконечно малая доза*.

La terminologie homéopathique française ne réalise que trois modèles des termes complexes. Le modèle le plus fréquent est le modèle N+A+A (*mode réactionnel chronique, préparation homéopathique unitaire, mode réactionnel luétique*). Le modèle N+N2+A est aussi fréquente (au niveau des termes complexes à trois composants): *remède d'origine minérale, médicament d'affinité féminine*. Le modèle N+A+Part. est présenté par un seul terme: *préparation allopatique homéopathisée*.

Les termes à quatre composants ne sont présentés que dans la terminologie homéopathique russe. Il n'y a que deux termes (*степень разведения гомеопатического препарата, количество крупинок на прием*) et sont en périphérie de la formation des termes.

Les unités comportant 5 et plus de composants sont absolument rares dans les textes homéopathiques et ne peuvent pas être qualifiés comme termes: ce ne sont pas des notions ni même concepts; ce sont les unités verbalisant des présentations imprécises; ces unités ne sont pas terminologisées¹ et peuvent être considérées comme pré-terminologiques: *гомеопатическое обострение, проявляющееся впервые возникшими симптомами, относящимися к патогенезу данного препарата; l'aggravation par l'apparition d'autres symptômes*.

CONCLUSION

Les résultats de l'analyse contrastive des termes complexes homéopathiques ont montré que la formation des termes complexes (par le moyen syntaxique) est le moyen dominant et productif: la majorité des termes simples de telle ou telle façon sont formés en recourant au moyen syntaxique (des termes créés à l'aide du moyen morpho-syntaxique). La majorité totale des termes complexes dans la terminologie étudiée est présentée par des termes à deux composants dans les deux langues: il n'y a que des modèles structurels qui se différencient par les particularités typologiques du russe et du français.

Il est à noter enfin que la prédominance des termes complexes à deux composants dans la terminologie homéopathique (qui est une jeune terminologie) montre que le modèle de base de la verbalisation y est la nomination d'un objet ou phénomène et son

¹ La terminologisation est, au sens large, le processus lexico-sémantique du développement de la signification terminologique des unités de la langue commune (Cf. Н. Д. Андреев, З. И. Комарова, В. М. Лейчик, С. В. Гринев-Гриневич, Y. Gentilhomme-Koutyrine, J.-C. Sager, N. Obrocea, M.-C. L'Homme, E. Andrews, Th. Brunner, F. Robert et autres).

signe caractérisant et concrétisant. Grâce au modèle pareil on atteint un certain niveau de plénitude d'expression, d'explication et de précision du concept ce qui est nécessaire pour la communication adéquate dans le domaine professionnel. Cette dernière observation pourrait servir de point d'appui lors de l'élaboration des dictionnaires, glossaires et thesaurus bilingues de l'homéopathie.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленина, Л. Е. Стилистическая и грамматическая специфика языка делового общения (на примере итальянского языка) / Л. Е. Зеленина // Казанская наука. - 2010. - № 9. - С. 489-492.
2. Лукина, О. И. Полисемия терминов фонетики во французском и русском языках / О. И. Лукина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2015а. - № 1-2 (43). - С. 126-129.
3. Лукина, О. И. Синтаксический способ образования терминов фонетики во французском и русском языках / О. И. Лукина // Педагогическое образование в России. - 2015б. - №10. - С. 146-150.
4. Соколова, О. Л. Семантические свойства вещественных существительных в русском и французском языках / О. Л. Соколова. - Екатеринбург, 2009. - 209 с.
5. Томилова, А. И. Семантическое словообразование в испанском языке / А. И. Томилова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. - Нижний Новгород, 2014. - С. 180-184.
6. Ahronian C., Béjoint H. (2008). Les noms composés anglais et français du domaine d'Internet : une radiographie bilingue. *Méta : journal des traducteurs*. Vol. 53. № 3. Pp. 648 - 666.
7. Collet T. (2000). La réduction des unités terminologiques complexes de type syntagmatique. PhD thesis, Université de Montréal. 580 p.
8. Dépecker L. (2014). Entre signe et concept. *Eléments de terminologie générale*. Paris: Presses Sorbonne nouvelle. 200 p.
9. Haralambous Y., Lavagnino E. (2011). La réduction des termes complexes dans les langues de spécialité. *TAL*. Vol. 52. № 1. P. 37-68.
10. Heyna F. (2012). Etude morpho-syntaxique des parasynthéiques. Bruxelles : Editions Duculot. 305 p.
11. L'Homme M.-C. (2015). La terminologie: principes et techniques. Montréal : Presses de l'Université de Montréal. 278 p.
12. Normand S. (2002). Les mots de la dégustation du champagne. Analyse sémantique d'un discours professionnel. Paris: Editions CNRS. 224 p.
13. Oliveira I. (2006). Pour une approche de la métaphore terminologique. *La banque des mots*. № 72. Pp. 59-71.
14. Rossi M. (2014). Métaphores terminologiques: fonctions et statut dans les langues de spécialité. *SHS Web de conférences*. Vol. 8. Pp. 713-724.
15. Sager J.-C. (2004). Pour une approche fonctionnelle de la terminologie. *Le sens en terminologie*. Pp. 20 - 40.
16. Vandaele S. et al. (2006). La conceptualisation métaphorique en biomedicine: indices de conceptualisation et réseaux lexicaux. *Glottopol*. № 8. Pp. 73-94.

REFERENCES

1. Zelenina, L. E. Stilisticheskaja i grammaticheskaja specifika jazyka delovogo obshhenija (na primere ital'janskogo jazyka) / L. E. Zelenina // Kazanskaja nauka. - 2010. - № 9. - S. 489-492.
2. Lukina, O. I. Polisemija terminov fonetiki vo francuzskom i russskom jazykah / O. I. Lukina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. - 2015a. - № 1-2 (43). - S. 126-129.
3. Lukina, O. I. Sintaksicheskij sposob obrazovanija terminov fonetiki vo francuzskom i russskom jazykah / O. I. Lukina // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. - 2015b. - № 10. - S. 146-150.
4. Sokolova, O. L. Semanticheskie svojstva veshhestvennyh sushhestvitel'nyh v russskom i francuzskom jazykah / O. L. Sokolova. - Ekaterinburg, 2009. - 209 s.
5. Tomilova, A. I. Semanticheskoe slovoobrazovanie v ispanskom jazyke // Aktual'nye voprosy perevodovedenija i praktiki perevoda / A. I. Tomilova. - Nizhnij Novgorod, 2014. - S. 180-184.

УДК 811.133.1'42:811.133.1'27
ББК Ш147.11-51 + Ш147.11-006.21

М. А. Кипина, М. В. Плотникова, С. С. Тулайкина
Екатеринбург, Россия

ЖЕРТВА РУССКОГО МЕДВЕДЯ: ОБРАЗ УКРАИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ 2014-2018 ГГ.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу основных концептуальных метафор, представленных в текстах политических карикатур, отобранных на различных французских сайтах в период Украинского кризиса (2014-2018 гг.). Были проанализированы карикатуры, отражающие отношение французских журналистов к ситуации на Украине, а также к действиям, предпринимаемым другими государствами в свете отношений с Украиной. Анализ проводится в русле когнитивной методологии; политические карикатуры рассматриваются как креолизованные тексты, содержащие графические метафоры. Метафоры классифицированы в соответствии со сферой-источником метафоризации, описаны основные способы метафорической репрезентации Украины.

В ходе исследования была выявлена основная модель изображения Украины - страна находится в положении жертвы, абсолютно беспомощной, уничтожаемой, казалось бы, дружественными государствами. Представлен анализ графических метафор, отражающих поведение ведущих мировых держав по отношению к Украине, характеризующееся как потребительское, иногда прикрытое желанием помочь. Кроме того, можно констатировать, что в абсолютном большинстве случаев основные события Украинского кризиса представлены в креолизованных текстах сквозь призму двусторонних отношений Украины и России, что априори создает образ России как непосредственной участницы и, зачастую, виновницы бедственного положения Украины. Анализ показал, что образ России, представленный во французских политических карикатурах, имеет стереотипные черты - в большинстве случаев издания апеллируют к традиционному образу медведя. Соответственно, зооморфная метафора представлена достаточно широко.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *оценочность, медиалингвистика, украинский кризис, политическая лингвистика, креолизованный текст, политическая карикатура.*

Сведения об авторах: *Кипина Мария Андреевна, студентка Института иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail : kipina.m@yandex.ru.*

Плотникова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail : plotnikova_mary@mail.ru.

Тулайкина Светлана Сергеевна, учитель французского языка MAOU СОШ №22 г. Екатеринбурга, соискатель кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail : sffetka92@mail.ru.

М. А. Kipina, M. V. Plotnikova, S. S. Tulaykina
Ekaterinbourg, Russie

LA VICTIME DE L'OURS RUSSE: L'IMAGE DE L'UKRAINE DANS LA CARICATURE POLITIQUE FRANÇAISE

М. А. Kipina, M. V. Plotnikova, S. S. Tulaykina
Ekaterinbourg, Russia

VICTIM OF RUSSIAN BEAR: IMAGE OF UKRAINE IN FRENCH POLITICAL CARTOONS 2014-2018

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the basic metaphorical models reflected in the texts of political cartoons selected from different French websites during the Ukrainian crisis (2014-2018). The cartoons reflecting the attitude of French journalists to the situation in Ukraine, as well as to the actions taken by other countries in connection with Ukraine were analyzed. The analysis is made by applying cognitive methodology; political cartoons are considered as creolized texts containing graphical metaphors. Metaphors are classified according

to the source domain of conceptual metaphors, the main methods of metaphorical representation of Ukraine are described.

We identified the main model of the image of Ukraine - the country is in the position of a victim, absolutely helpless, destroyed, by so-called friendly states. We also carry out the analysis of visual metaphors reflecting the behavior of the leading world powers towards Ukraine, characterized as a consumer metaphor lying behind a desire to help. Besides, it can be stated that in the vast majority of cases the main events of the Ukrainian crisis are represented in creolized texts through the prism of bilateral relations between Ukraine and Russia, which a priori creates the image of Russia as a participant and frequently, the culprit of the distressful situation of Ukraine. The analysis revealed that the image of Russia represented in French political cartoons has stereotyped features: in most cases, publications appeal to the traditional image of a bear. Accordingly, zoomorphic metaphor is presented quite widely.

KEY WORDS: evaluation, media linguistics, the Ukrainian crisis, political linguistics, creolized text, political cartoon.

About the authors: *Kipina Maria Andreevna, Student of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e-mail : kipina.m@yandex.ru.*

Plotnikova Maria Vjatcheslavovna, PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e-mail : plotnikova_mary@mail.ru.

Tulaykina Svetlana Sergeevna, Teacher of French, School 22, Ekaterinburg, Postgraduate Student of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e-mail : sffetka92@mail.ru.

INTRODUCTION

Les événements qui ont eu lieu en Ukraine à partir de 2013 ont marqué les esprits et ont immédiatement attiré l'attention de tous les pays, et par conséquent, l'attention des médias. Comme toute évolution importante sur l'échiquier mondial, la crise ukrainienne ne pouvait pas éviter de provoquer une résonance dans la société ce qui en résulte se manifeste dans l'activité des médias des pays différents.

La médialinguistique est un des domaines en développement actif de la linguistique moderne [Averina et al, 2012; Bogoyavlenskaya 2015; Bogoyavlenskaya, Buzheninov 2015; Issers 2016]. L'évaluation, étant l'une des fonctions principales des textes médiatiques, occupe une place importante dans des articles politiques. Elle est caractérisée par l'ambiguïté des jugements, par des déclarations parfois provocatrices et des divergences de points de vue sur les mêmes actions des pays et des politiciens. Dans ce contexte, les textes médiatiques servent souvent d'une source féconde pour des recherches effectués dans le cadre de la linguistique politique [Plotnikova, Kipina 2016].

Selon les médias russes, la crise politique en Ukraine a été déclenchée en Novembre 2013 par la déclaration des autorités ukrainiennes de refuser la signature de «L'Accord d'association entre l'Ukraine sur et l'UE». Cela a abouti au début des rassemblements, à la fois dans la capitale et dans d'autres villes de l'Ukraine. Cette manifestation a été nommée dans les médias et les réseaux sociaux « Euromaydan ». L'injustice sociale, la divergence énorme des revenus et des niveaux de vie de de la population ukrainienne aussi que la corruption endémique des pouvoirs exécutifs et judiciaires ont été les raisons fondamentales de l'ampleur des manifestations. À la lumière de ces événements, nous pouvons observer une augmentation de l'intérêt des médias à l'image de la Russie parce que dans la plupart des cas la Russie est présentée comme un des participants du conflit ukrainien.

1. Elements de theorie et methodes de recherche

En raison du développement constant de la linguistique des médias, l'apparition de nouvelles formes des textes politiques tels que, par exemple, des textes créolisés est évidente et inévitable.

Le texte créolisé est assez populaire dans la conception moderne de travaux scientifiques, où on étudie une variété de discours: publicitaire et politique, artistique et scientifique. Dans l'ensemble des recherches contemporaines russes un texte créolisé est un phénomène particulier dont les composants verbales et non verbales forment un tout fonctionnel, visuel, structurel et sémantique, ce qui implique son effet pragmatique complexe sur le récepteur. [Voroshilova, 2013].

L'intérêt pour la caricature politique est aussi une des tendances linguistiques des dernières décennies [Buzheninov 2017; Greenberg 2002; Laskova, Zueva 2016; Plotnikova 2017; Shustrova 2014; Vorochilova 2012].

Dans le cadre de cet article, on analyse les textes des caricatures politiques en termes de la linguistique cognitive en tant que métaphores visuelles.

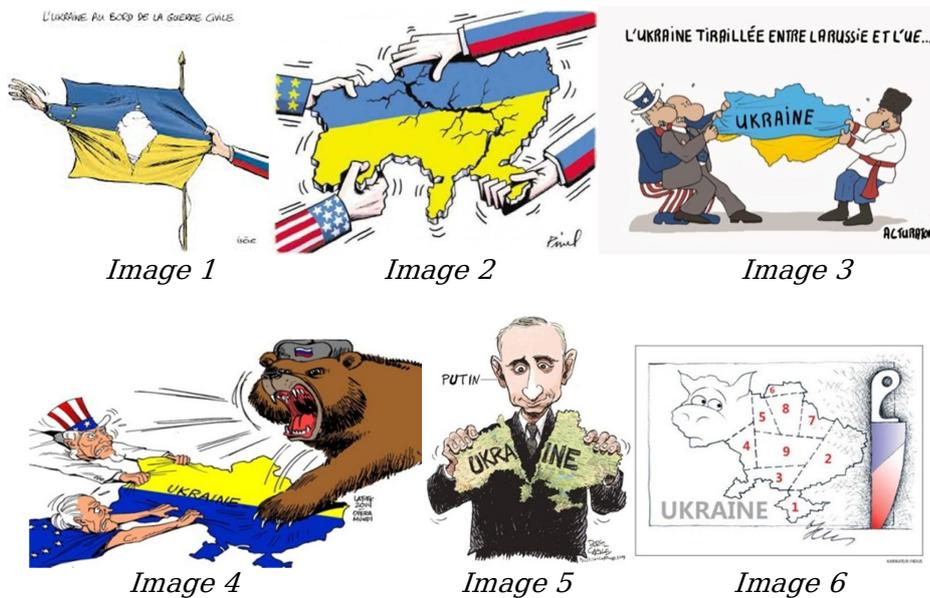
Notre étude est consacrée à l'analyse des modèles mentaux qui sont à la base des métaphores graphiques apparues sur les sites français à partir 2013 suite au début de la crise en Ukraine.

2. L'Ukraine comme la victime de la Russie

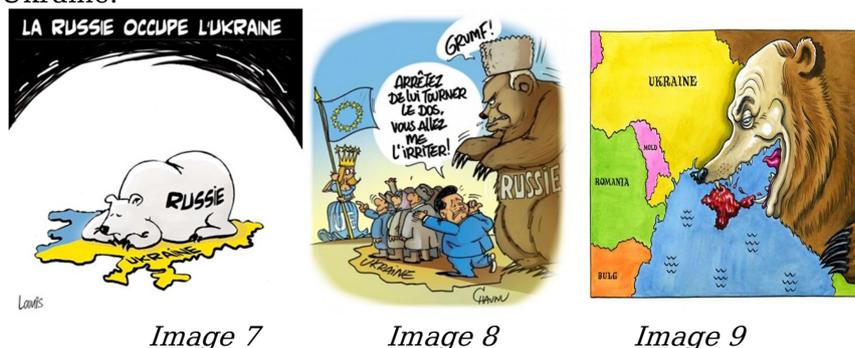
L'analyse des caricatures françaises qui reflètent l'attitude de la société vis-à-vis des événements en Ukraine, relève que l'Ukraine est toujours positionnée en victime. En utilisant des métaphores et d'autres techniques, les caricaturistes poursuivent le même objectif: imposer au public l'image de la situation lamentable de l'Ukraine sur la scène mondiale. En utilisant tous les clichés associés dans la conscience collective avec ce pays, les journalistes cependant décrivent d'un ton sarcastique situation branlante des autorités ukrainiennes, leur incapacité à résoudre les problèmes vitaux. Leur ironie porte aussi sur les autres pays qui mettent cette instabilité dans leur jeu.

Par exemple, la plupart des caricatures utilisent le drapeau ukrainien en tant que le symbole de ce pays qui est toujours sous l'influence de l'agression d'autres pays, leurs dirigeants. Le drapeau peut être déchiré, divisé par d'autres moyens. Ainsi, la tendance à la destruction de l'Ukraine en tant qu'un pays indépendant et unique est exprimée.

En outre, l'image de l'Ukraine est représentée par une métaphore zoomorphique sous forme d'une carcasse d'animal qu'on coupe avec un couteau peint en tricolore russe.

Il est intéressant que l'image de la Russie est souvent très stéréotypée ce qui se voit par l'utilisation de la métaphore zoomorphe (Russie - ours, prédateur, extrêmement dangereux, images 4, 7, 8, 9.). Dans la plupart des cas l'animal est fort, solide, il se fait craindre. On a trouvé une seule image où la Russie est représentée sous forme d'un ours blanc, inoffensif mais obèse, maladroit et volumineux, qui occupe presque la totalité du territoire de l'Ukraine.

2.1 L'adhésion de la Crimée

L'idée de violation de l'intégrité de l'État s'exprime également à travers l'image de l'adhésion de l'Ukraine à d'autres pays (en particulier à la Russie). Le plus souvent cette adhésion est d'une nature violente et artificielle (par exemple, le drapeau ukrainien est grossièrement et scrupuleusement dopé au drapeau russe).

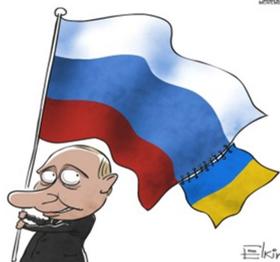

Image 10

Il est à noter que l'adhésion de la Crimée à la Russie ne reste sans attention des caricaturistes non plus. Le protagoniste de ces images est V. Poutine qui est représenté comme un agresseur, un ruse autocrate qui atteint toujours son but de manières différentes. Il a violé l'intégrité de l'Ukraine, ayant mis la main sur la péninsule de Crimée (image 10) « Je nouveau rejoint la Crimée à la Russie, puis de se connecter Ukraine en Crimée ». Le thème des Jeux olympiques de 2014 à Sotchi a été largement couvert par les journalistes aussi. V. Poutine y agit en tant qu'arbitre qui donne le signal de départ aux événements à l'Ukraine par un tir:

Image 11

Image 12

Image 13

2.2 L'approvisionnement en gaz

L'état déplorable de l'Ukraine s'exprime aussi par la mention des problèmes réels de ce pays: l'incapacité d'exister sans aide d'autres états (en particulier, de la Russie) liée principalement au gaz russe à l'Ukraine. Il est intéressant de constater que la Russie est de nouveau montrée sous un mauvais jour, étranglant l'Ukraine par les prix de l'essence, et menaçant d'arrêter ses livraisons. Ainsi l'image 15 représente la référence aux années 90s où Poutine est dépeint comme un bandit coupant les doigts de la victime, ce qui fait l'analogie avec la cessation de l'approvisionnement en gaz. D'après l'image 14, il est tout à fait évident que le gibet où le président de la Fédération de Russie retient l'Ukraine est un indice que l'Ukraine est sous le contrôle absolu de la Russie, et ses mains sont attachées? On peut aussi constater un seul cas de l'emploi de la métaphore sexuelle (image 16):

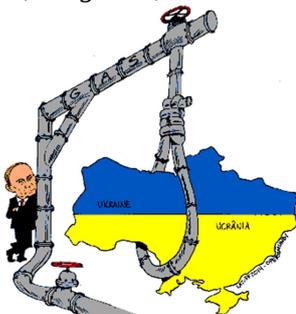

Image 14

Image 15

Image 16

2.3 Les relations avec l'UE et d'autres pays

Un autre modèle fréquemment rencontré dans les médias est le consumérisme vis-à-vis de l'Ukraine. Une attention particulière est accordée aux relations avec l'Union européenne. Les caricatures font une allusion transparente au fait que l'adhésion de l'Ukraine à l'UE est un phénomène qui détruit absolument l'Ukraine et enrichit les pays de l'UE. C'est un sens unique. La réticence des chefs d'Etats européens à agir dans les circonstances actuelles pour soutenir l'Ukraine est également mise en relief. (image 19): « Ne t'inquiète pas, Angela ! Ils finiront bien par s'aimer ». Cependant, malgré la majorité écrasante de caricatures consacrées à l'impact éventuel des autres pays sur l'Ukraine, il y en a celles où les journalistes ridiculisent le comportement des autorités ukrainiennes qui détruisent l'économie du pays en gardant tous les bénéfices (image 17):

Image 17

Image 18

Image 19

Un petit pourcentage du matériel sélectionné sont des caricatures contenant une métaphore sexuelle. L'image la plus commune de l'Ukraine en tant que représentant typique de ce groupe ethnique: le jeune, la jeune fille innocente, sexuellement attrayante en costume national, qui tirèrent, aussi, ou critiqué par les représentants de la Russie, est représenté, en passant, femme grincheux, luxuriante, stéréotypé avec béquille dans la main ou la violence d'autres pays, leurs têtes, etc.

Image 20

Image 21

Image 22

CONCLUSION

Ainsi, l'analyse des caricatures politiques françaises consacrées à la crise ukrainienne a relevé les particularités de l'image du pays. Dans la plupart des cas l'Ukraine est représentée comme une victime ce qui, en fait, reflète sa position réelle à cette période historique: le pays est vraiment affaibli non seulement par la pression externe, mais aussi par des perturbations internes. Le pouvoir fait preuve d'être incapable de résoudre tous les problèmes réels, ce qui aggrave la situation déplorable de l'Etat. D'où vient le ton ironique et même sarcastique des caricaturistes français. Le rôle de la Russie n'a point été négligé. L'image de celle-là est assez simple: un agresseur profitant de la faiblesse de l'Ukraine pour ses propres fins. Le chef de l'Etat, Vladimir Poutine, est un génie diabolique, resserrant les boulons. Quoi qu'il en soit, une image pareille est due aux informations transmises par les médias qui couvrent les événements de la crise ukrainienne d'un côté particulier et forment l'opinion public.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина, М. А. Проблемы лингвистики. Современный подход: коллективная моногр. / М. А. Аверина [и др.]. - Челябинск: Цицеро, 2012. - 267 с.
2. Богоявленская, Ю. В. Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития / Ю. В. Богоявленская // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. - 2015. - № 1 (3). - С. 72-81.

3. Богоявленская, Ю. В. Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики / Ю. В. Богоявленская, А. Э. Буженинов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. - 2015. - № 31. - С. 11-19.
4. Буженинов, А. Э. Что союз грядущий нам готовит? (отношения В. В. Путина и Д. Трампа во французской политической карикатуре) / А. Э. Буженинов // Сопоставительная лингвистика. - 2017. - № 6. - С. 17-23.
5. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. - 2012. - № 4 (42). - С. 94-99.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. - М.: Флинта: Наука, 2008. - 264 с.
7. Иссерс, О. С. Две модели гражданского общества в современных масс-медиа: взгляд лингвиста / О. С. Иссерс, Н. В. Орлова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2016. - № 1 (46). - С. 121-127.
8. Кипина, М. А. Оценочность в медиатексте. Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики / М. А. Кипина, М. В. Плотникова // Материалы восьмой международной студенческой научно-практической конференции. - 2016. - С. 35-40.
9. Ласкова, М. В. Политическая карикатура как социально-культурная универсалия в современной политической лингвистике / М. В. Ласкова, Р. С. Зуева // Гуманитарные и социальные науки. - 2016. - № 1. - С. 71-75.
10. Плотникова, М. В. Президентская кампания во Франции - 2017: сказка о справедливых выборах (на материале политических плакатов) / М. В. Плотникова // Сопоставительная лингвистика. - 2017. - № 6. - С. 128-135.
11. Плотникова, М. В. Образ современной России во французском политическом дискурсе / М. В. Плотникова, Т. И. Зеленина // Политическая лингвистика. - 2016. - № 5. - С. 176-179.
12. Плотникова, М. В. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В. В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса / М. В. Плотникова, М. А. Кипина // Политическая лингвистика. - 2016. - № 4 (58). - С. 200-204.
13. Шустрова, Е. В. Методики анализа графических метафор / Е. В. Шустрова // Педагогическое образование в России. - 2014. - № 6. - С. 70-80.
14. Шустрова, Е. В. Последствия политического кризиса на Украине в американской карикатуре / Е. В. Шустрова // Языковое образование сегодня - векторы развития: материалы V международной научно-практической конференции-форума. - 2014. - С. 72-88.
15. Greenberg J. Framing and Temporality in Political Cartoons: A Critical Analysis of Visual News Discourse // Canadian Review of Sociology and Anthropology. - 2002. - V. 39. - № 2. - P. 181-198.

REFERENCES

1. Averina, M. A. Problemy lingvistiki. Sovremennyy podkhod: kollektivnaya monogr. / M. A. Averina [i dr.]. - Chelyabinsk: Tsitsero, 2012. - 267 s.
2. Bogoyavlenskaya, Yu. V. Sovremennye sopostavitel'nye issledovaniya: novye vektory razvitiya / Yu. V. Bogoyavlenskaya // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. - 2015. - № 1 (3). - S. 72-81.
3. Bogoyavlenskaya, Yu. V. Sopostavitel'naya medialingvistika kak novoe napravlenie sovremennoy sopostavitel'noy lingvistiki / Yu. V. Bogoyavlenskaya, A. E. Buzheninov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. - 2015. - № 31. - S. 11-19.
4. Buzheninov, A. E. Chto soyuz gryadushchiy nam gotovit? (otnosheniya

- V. V. Putina i D. Trampa vo frantsuzskoy politicheskoy karikature) / A. E. Buzheninov // Sopotavitel'naya lingvistika. - 2017. - № 6. - S. 17-23.
5. Voroshilova, M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki / M. B. Voroshilova // Politicheskaya lingvistika. - 2012. - № 4 (42). - S. 94-99.
 6. Dobrosklonskaya, T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech' / T. G. Dobrosklonskaya. - M.: Flinta: Nauka, 2008. - 264 s.
 7. Issers, O. S. Dve modeli grazhdanskogo obshchestva v sovremennykh mass-media: vzglyad lingvista / O. S. Issers, N. V. Orlova // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. - 2016. - № 1 (46). - S. 121-127.
 8. Kipina, M. A. Otsenochnost' v mediatekste. Romanskie i germanskie yazyki: aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki / M. A. Kipina, M. V. Plotnikova // Materialy vos'moy mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. - 2016. - S. 35-40.
 9. Laskova, M. V. Politicheskaya karikatura kak sotsial'no-kul'turnaya universaliya v sovremennoy politicheskoy lingvistike / M. V. Laskova, R. S. Zueva // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. - 2016. - № 1. - S. 71-75.
 10. Plotnikova, M. V. Prezidentskaya kampaniya vo Frantsii - 2017: skazka o spravedlivykh vyborakh (na materiale politicheskikh plakatov) / M. V. Plotnikova // Sopotavitel'naya lingvistika. - 2017. - № 6. - S. 128-135.
 11. Plotnikova, M. V. Obraz sovremennoy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse / M. V. Plotnikova, T. I. Zelenina // Politicheskaya lingvistika. - 2016. - № 5. - S. 176-179.
 12. Plotnikova, M. V. Sovetskiy Dzheyms Bond: politicheskiiy portret V. V. Putina vo frantsuzskikh mediatekstakh v svete ukrainskogo krizisa / M. V. Plotnikova, M. A. Kipina // Politicheskaya lingvistika. - 2016. - № 4 (58). - S. 200-204.
 13. Shustrova, E. V. Metodiki analiza graficheskikh metafor / E. V. Shustrova // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. - 2014. - № 6. - S. 70-80.
 14. Shustrova, E. V. Posledstviya politicheskogo krizisa na Ukraine v amerikanskoj karikature / E. V. Shustrova // Yazykovoe obrazovanie segodnya - vektory razvitiya: materialy V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii-foruma. - 2014. - S. 72-88.

УДК 821.111-32(Апдайк Д.)
ББК Ш33(7Сое)63-8,444

А. Н. Ключева

Ростов-на-Дону, Россия

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ РАССВЕТА И ЗАКАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
«THE EARLY STORIES: 1953-1975» ДЖ. АПДАЙКА)**

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка сопоставительного исследования языковых особенностей словесного отображения визуальных образов рассветов и закатов в произведениях Дж. Апдайк. Цель статьи заключается в анализе визуально-вербальных образов начала и конца дня, имеющих свои характерные черты, как общие, так и частные в текстах жанра короткого рассказа американского писателя Дж. Апдайк. Материалом для исследования послужили рассказы из сборника «The Early Stories: 1953-1975». Образы рассвета и заката были выделены в статье как частные образы, так как они являются составляющими элементами в целостной картине визуального пространства рассказа. В ходе исследования анализировались отрывки, выражающие явления природы – начало и конец дня с элементами восхода и захода солнца, с их распределением в тематические синонимические группы. Методом сплошной выборки было отобрано 23 тематических контекста, в котором описывается рассвет и 18 контекстов, относящихся к закату. Было выявлено, что для раскрытия визуальных образов явлений природы писатель Дж. Апдайк оперирует разнокачественными элементами: визуальными, психическими, пейзажными, ландшафтными, темпоральными. Анализ вербально-визуальных контекстов образов рассветов и закатов показал, что наиболее распространенными элементами восприятия этих явлений у Дж. Апдайк являются световые показатели, цветообозначения и показатели времени. При этом для создания словесного образа писатель пользуется материалом не вещественным – языком. В данных контекстах Апдайк отталкивается от ассоциативных связей изображаемого образа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рассвет, закат, визуальный образ, визуальное пространство, лексическая единица, языковая особенность, рассказ, Джон Апдайк

Сведения об авторе: Ключева Анжела Николаевна, аспирант кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный Федеральный Университет; адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, дом 105/42; e-mail: yoarlen@mail.ru.

A. N. Klyueva

Rostov-on-Don, Russia

**COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF LANGUAGE FEATURES OF VERBAL-
VISUAL IMAGES OF DAWN AND SUNSET
(ON THE MATERIAL OF STORY COLLECTION
«THE EARLY STORIES: 1953-1975» BY J. UPDIKE)**

ABSTRACT. The article focuses on a comparison of the linguistic features of verbal representation of visual images of dawns and sunsets in John Updike's works. The purpose of the article is to analyze the visual-verbal images of the beginning and the end of a day, that have their own characteristics, both general and private, in the texts of the genre of short story of the American writer J. Updike. The material of the research was taken from the story collection «The Early Stories: 1953-1975». The images of dawn and sunset were highlighted in the article as private images as they are constituent elements in the whole picture of visual space of a story. During the research there were analyzed the fragments expressing the phenomena of nature – the beginning and the end of a day with the elements of dawn and sunset, with their distribution into thematic synonymous groups. Using the method of continuous sampling, there were selected 23 thematic contexts of dawn and 18 contexts related to sunset. It was identified that for the disclosure of visual images of natural phenomena, the writer J. Updike operates with different quality elements: visual, mental, landscape, temporal. Analysis of the verbal-visual contexts of the images of dawns and sunsets showed that the most common elements of perception of these phenomena in Updike's stories are light indicators, color naming and time organization. For

creating verbal images the writer uses nonmaterial tool – language. In these contexts, Updike builds upon the associative links of depicted images.

KEYWORDS: dawn, sunset, visual image, visual space, lexical unit, language feature, story, John Updike

About the author: *Klyueva Anzhela Nikolaevna, post-graduate student of the language theory and the Russian language department of Institute of philology, journalism and intercultural communication, Sothern Federal University; Rostov-on-Don, Russia.*

ВВЕДЕНИЕ

Для понимания принципов организации пространства и времени в художественных произведениях были предприняты исследования в различных направлениях. Самые ранние исследования, касающиеся рассмотрения времени и пространства в литературе, предпринял М. М. Бахтин [Бахтин 1975] и описал понятие художественного хронотопа. Он считал, что время и пространство, как основные составляющие реальной действительности, так и художественной реальности соединяются и переплетаются в тексте произведения. Его исследования продолжил Р. И. Енукидзе [Енукидзе 1987], который считал, что моделирование времени и пространства в художественном тексте является текстообразующим элементом.

Отмечаются и другие направления исследования организации пространства и времени в тексте художественного произведения: пространственно-временной континуум [Гальперин 2007], типологизация пространственно-временных отношений в сфере искусства [Зобов, Мостепаненко 1974], локально-временная ось текста [Москальская 1981]. Зарубежные учёные рассматривают хронотоп (пространственно-временную составляющую) художественного текста, как «текстуальный мир» («text world») [Werth 1999] и «художественный мир» («storyworld») [Herman 2002].

Визуальное пространство художественного произведения занимает большую часть всего художественного текста. Поэтому именно визуальная сторона, выраженная словесно, и привлекает нас в предпринятом исследовании. Визуальное пространство представляет собой определённый способ освоения и восприятия художественного пространства и связанное с ним художественное время, что позволяет говорить о непосредственной связи визуальных образов с хронотопом произведения.

Визуальный образ, не смотря на то, что он относится к области зрительного восприятия действительности, отражает также чувства персонажей и имеет пространственно-временную протяжённость. Выраженный вербально образ принадлежит к внутреннему миру художественного произведения. Понятия и представления визуальной действительности генерируются исходя из визуальной картины мира автора и читателя. Отражение внешней визуальной действительности происходит в процессе мыслительной деятельности, посредством опыта, кругозора и понятийных форм об окружающем мире.

Под визуальными образами в предпринятом исследовании понимаются фактуально-содержательные образы, связанные со зрительным восприятием художественной действительности. Частные визуальные образы в рамках визуального пространства представляют собой концептуально выделенные визуальные элементы в масштабе целостного образа.

Следует сказать о раннем исследовании творчества Дж. Апдайка зарубежным учёным Р. Детвейлером, который в своей одноименной книге «Джон Апдайк» отмечал, что произведения превратились у американского писателя в место, где актуализируется визуальный мир. Он также изучал характер авторской нарративного стиля [Detweiler 1972, 1984]. Кроме этого проводились исследования отдельных рассказов другими зарубежными филологами [Edwards 1971; Griffith 1974; McFarland 1983; Hait 1989; Kleiman 1992; Ford 1994; Saldivar 1997]. Эти рассказы позднее (в 2003 году) вошли в сборник «Ранние рассказы: 1953-1975» с авторской редакционной правкой (с общим числом рассказов в сборнике – 103).

Растущий интерес к визуальной сфере художественного текста в современное время и наличие огромного числа неисследованных произведений Дж. Апдайка, относящихся к жанру короткой прозы, позволяет говорить об актуальности исследования. Визуальное пространство охватывает художественный мир рассказов. В своём исследовании мы не останавливаемся на каком-нибудь

одном рассказе, а рассматриваем рассказы, относящиеся к творчеству писателя в период с 1953 по 1975 года, чтобы сделать обобщающий анализ, касающийся конкретных визуальных контекстов, связанных с изображением рассветов и закатов. Данная тема нам думается областью неизученной в творчестве американского писателя, чем и обуславливается новизна предпринятого исследования.

Цель статьи состоит в том, чтобы проведя сравнительную характеристику вербально-визуальных образов рассветов и закатов выявить языковые особенности их репрезентации в текстах жанра короткого рассказа американского писателя Джона Апдайка.

Сравнительная характеристика вербально-визуальных образов рассвета и заката

Языковой материал отбирался из сборника рассказов «The Early Stories: 1953-1975». Для анализа визуальной составляющей художественных произведений будем рассматривать особенности языковой репрезентации визуального пространства, которое состоит из частных визуальных образов рассвета и заката. При этом для создания образа писатель использует не реальный материал – краски, предметы и др., а вербальный. В процессе творческой реализации визуальных образов в текстах коротких рассказов, происходит соединение субъективного (авторского) с объективным. Автор инкорпорирует в текст произведения разнообразные зрительные явления, соединяя их в одно целое, благодаря чему получается пересечение смыслового, визуального и предметного рядов.

Образы рассвета и заката были определены нами как частные образы так, как являются составляющими элементами в целостной картине визуального пространства рассказа. Материал отбирался методом сплошной выборки исходя из нескольких основных языковых параметров построения визуальных образов. Во-первых, на основе использования лексических единиц из синонимического ряда «*утро – morning*», с которым связан «*рассвет – dawn*». Во-вторых, использование языковых единиц из синонимического ряда «*вечер – evening*», с которым связан «*закат – sunset*». Но прежде всего, необходимо разобраться подробнее с данными синонимическими рядами. Также стоит отметить, что тема времени особенно важна при исследовании визуальных образов явлений природы.

В соответствии с Англо-русским синонимическим словарём П. П. Литвинова, автор разделяет стадии дня на четыре этапа – sunrise, noon, evening, night, два (sunrise и evening) из них относятся к восходу солнца и к вечеру, который связан с заходом солнца. Слово *sunrise – восход солнца* имеет несколько синонимов. Они представлены следующими словами, которые характеризуют рассвет: *dawn (рассвет, утренняя заря), daybreak (рассвет), aurora (утренняя заря), sun-up (восход солнца), sunlight (солнечный свет), sunshine (солнечный свет)* [Литвинов 2002: 210]. Выбор лексемы sunrise для выделения одной из стадий дня не кажется нам логичным. Наиболее подходящим было бы слово *morning – утро*, которое не вошло в блок «стадии дня» по замыслу автора и с которым слово *sunrise (восход солнца)* имеет ассоциативную коннотацию по нашему мнению.

В разделе *вечер – evening* выделяется ряд синонимов, которые характеризуют закат: *sundown (заход солнца), sunset (заход солнца), twilight (сумерки), dusk (сумерки), day's end (конец дня), eventide (вечер), nightfall (наступление ночи)* [Литвинов 2002: 210].

Обратившись к зарубежным источникам, было обнаружено, что для лексемы *dawn* выделяются следующие синонимы: *daybreak, morning, sunrise, dawning, daylight* [Collins Thesaurus Dictionary of Synonyms URL: <https://www.collinsdictionary.com>] и *beginning of day, dawning, daybreak, daylight, morning, aurora, cockcrow, light, morn, sunrise, sunup, break of day, bright, crack of dawn, day peep, early bright, first blush, first light, wee hours* [Thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com>]. А для *sunset – nightfall, dusk, sundown, eventide, gloaming* [Collins Thesaurus Dictionary of Synonyms URL: <https://www.collinsdictionary.com>] и *fall of sun below horizon, dusk, nightfall, sundown, twilight, eve, evening, eventide, gloaming, close of day, crepuscular light* [Thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com>]. Собранный словарный материал существенно дополняет и полностью заполняет синонимические ряды утра и вечера, и связанное

с этим временем суток движение солнца.

Слова *morning* (утро), *evening* (вечер) можно назвать тематическими. Ещё И. В. Арнольд писала, что «слово можно считать тематическим, если у него обнаруживаются лексические связи с последующими словами» [Арнольд 2002: 188]. При анализе примеров из рассказов видно, что в отрывках с употреблением *рассвета и утра / заката и вечера* прослеживаются коннотативные связи.

Раскрывая явления природы в образах, писатель Апдайк оперирует разнокачественными элементами: визуальными, психическими, пейзажными, ландшафтными, темпоральными.

В ходе исследования было отобрано 23 контекста, относящихся к рассвету, и 18 – к закату. Распределив отобранные визуальные образы рассветов и закатов, каждый в своей синонимической группе, было выявлено, что наиболее распространенными элементами восприятия этих явлений является во-первых, свето- и цветообозначения, а во-вторых, показатели времени.

Для изображения рассвета автор использует следующие языковые выражения с обозначением свето-цветовых характеристик начала дня (утра): «*a pre-dawn light*», «*the black slate roofs*», «*the air brightened*», «*the glowing wall of my home*», «*sunlight*», «*a cool pure element*», «*the webs of gray paint*», «*the air of his bedroom was tinted blue*», «*the day, dawning cloudy, had been forecast as sunny*», «*as the windowpanes brighten from purple to mauve to white*», «*in the pre-dawn darkness of her ignorance*», «*the rosy mirror of the dawn-stilled sea*», «*in the moist brown muddle*», «*the slanting light*», «*when daylight dawned bleak*», «*sunshine spread broad bars of dust*», «*unfurled a brown scroll scribbled with industry*», «*the morning was sharply sunny*», «*through the gauzy blue sky*», «*the whiteness edging the windows*», «*cutting the light of the sun*», «*burning behind the sky like a bulb in a paper lampshade*», «*the wallpaper flowered with pale violets*», «*glowed evenly*», «*the shadowless glow of early morning*», «*the gray sky*», «*a shield of lace interwoven with black thread*», «*the shredding sky*», «*the oblique placemat of sunlight*», «*a gold dome*», «*the sun on one chalk-yellow side*», «*a curious double horizon of hazed blue*», «*sun-sparkle on the sea beyond the sand beyond the pond*» [Updike 2003].

Выражения, которые обозначают время, представлены следующим образом: «*The moon-sized clock of a beer billboard said ten after six.*», «*There was the quality of the ten a.m. sunlight ...*», «*At dawn the horizon all around us was unbroken ...*», «*at the second dawn its arms were reaching for us*», «*early this morning*», «*early on a Friday morning*» [Updike 2003].

Для закатов нами были отобраны следующие примеры, связанные с типичным изображением вечера и наступлением ночи: «*Darkness did not fall*», «*the branches of the trees underpainted with budding russet*», «*the bronze sun slanting*», «*the path in the dusk*», «*the dark bar of dunes between the sunset and its reflection in the pond*», «*the dying light*», «*darkness descended too soon*», «*a sea fan superimposed on a cockleshell sunset*», «*the little sandstone house was pink in the declining sunlight*», «*after the sun had drowned, light*», «*evening shadows*», «*the gray range*», «*the precise barbaric shadows*», «*sunlight falls flat*», «*sun was leaving even the tips of the hills*», «*the windows of the house burned golden*», «*a vein of haze in the sky passingly dimmed the sunlight*», «*a conflagration of clouds*», «*the round white face, dim in the dusk of the evening*», «*the dusk little snags*», «*New Jersey began in twilight and ended in darkness*», «*the house was in twilight*», «*the outdoors still brimmed with light, the lovely waste light of high summer*» [Updike 2003].

Показатели времени заката представлены следующим образом: «*During these short winter days <...> between six and seven o'clock*», «*evening*», «*dusk*», «*twilight*» [Updike 2003].

Из приведённых примеров видно, что для описания рассветов писатель пользуется сопутствующими лексическими единицами такими, как *light* (свет), *sunlight* (солнечный свет), *air* (воздух), *sky* (небо), *horizon* (горизонт), *sea* (море), *early* (ранний), *darkness* (темнота). Что касается закатов, то следует выделить следующие лексемы: *light* (свет), *twilight* (сумерки), *dusk* (сумерки), *shadow* (тень), *sun* (солнце), *sunset* (заход солнца).

Во многих рассказах представлена прямая визуальная перцепция от персонажа к визуальному образу: «*I had seen a dawn.*», «*Jack wondered if he had ever seen anything so beautiful before.*», «*In the broad gaps between brick walls he*

*could see a skyline that had a gold dome in it ...», «It seemed to me for this sunset hour that the world is our bride ...», «Ever notice how sunsets upside down look like stairs?», «she saw the robed shadow of Jesus moving in its branches, and prayed that the end of the world be not yet come» [Updike 2003]. Лексически визуальное восприятие отображено в тексте рассказов посредством глаголов зрительного восприятия *to see* (видеть), *to notice* (замечать). Глагол *to seem* (казаться, представляться) относится к выражению психического элемента и передаёт соответственно своего рода определённое чувственное переживание от воспринимаемого визуального образа.*

Тема явлений природы подкрепляется темой пейзажного описания: «*the branches of the trees underpainted with budding russet, the meadows nubbled like new carpets, the bronze sun slanting on Valley Forge and Levittown alike», «Evening shadows have slid down from the mountain. The sun sets in the west, everywhere. The gray range to the east basks in light like an X-rayed bone.»* [Updike 2003]. Данное сочетание не случайно, ведь идея, что выбранная тема затрагивает один из ярких и запоминающихся моментов в явлениях природы – начало и конец дня, лежит на поверхности.

Анализ также показал, что в вербально-визуальных образах рассветов число использования лексемы *dawn* превалирует над всеми остальными из синонимического ряда (17 раз). При этом отмечается наличие в текстах, как существительных, так и авторских творческих словообразований, выступающих в качестве прилагательных – *pre-dawn, dawned, dawning, post-dawn, dawn-stilled*. В отобранных отрывках с описанием утренних часов, писатель использовал в повествовании 11 раз лексему *morning*. Что касается лексемы *sunlight*, то она была употреблена в четырёх контекстах, тогда как *daylight* лишь в двух, а лексема *light* в шести.

Визуальные образы закатов характеризуются частотой использования в текстах лексемы *sunset* (6 раз), а также сумеречных визуальных образов с лексемами *twilight* (3 раза) и *dusk* (6 раз). Тематическое слово *evening* автор вписал в 3 контекста.

Из примеров, представленных ранее видно, что цветовая гамма в образах, как рассветов, так и закатов разнообразна. Спектр цветов варьируется от оттенков основного цветового ряда (белый, черный, коричневый, серый, синий, жёлтый) до оттенков второстепенных, но не менее ярких (бронзовый, золотой, каштановый, пурпурный, розовый, розовато-лиловый).

Следует отметить, что Апдайк часто описывает процесс начала дня со смысловым содержанием, отражающим движение солнца по небу и сменой красок (например, «*the windowpanes brighten from purple to mauve to white»* [Updike 2003]). Отмечается поступательность и плавность движений небесного тела, которое можно заметить в ускоренном движении, записав на видео. Что до заката, то писатель чаще всего отмечает быстроту солнца в вечерние часы («*darkness descended too soon»* [Updike 2003]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визуальная составляющая художественного пространства в текстах жанра короткого рассказа писателя Джона Апдайка представлена как на лексическом, так и на морфологическом и синтаксическом уровнях. С использованием в тексте лексико-семантических сочетаний у читателя появляется возможность ассоциативно представить описываемый визуально-вербальный образ. Что касается морфологического уровня, то он представлен разнообразными морфологическими средствами: существительными, прилагательными, числительными, глаголами. К синтаксическим средствам можно отнести вопросительные предложения и лексико-синтаксические повторы.

Рассвет и закат являются мерилами дня. Актуализируя определённые промежутки времени в сутках, они отмеряют день и ночь. Визуальные образы начала / конца дня представлены не как обособленные элементы визуального ряда, а вписаны в общий сюжет рассказов. Сложно не согласиться с М.М. Бахтин, который писал, что время актуализируется в пространстве, а пространство воспринимается и измеряется временем [Бахтин 1975].

Таким образом, можно сделать вывод, что визуальные образы в текстах

рассказов Дж. Апдайк являются своеобразными вербальными единицами, которые передают эстетическое видение автора. Образы рассвета и заката представляют собой разномасштабные фрагменты визуального пространства текста произведения, состоящие или из кратких, или из развёрнутых описаний. Каждому визуально-вербальному образу автор отводит свои характерные языковые единицы, такие как тематические слова *morning* и *evening*, окрашивание в цвета, которые свойственны тому или иному временному отрезку суток. При этом словесный образ представлен материалом не вещественным – языком – системой знаков, при создании которого писатель оперирует, прежде всего, смысловыми и ассоциативными связями изображаемого образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Лексическая стилистика / И. В. Арнольд // Стилистика. Современный английский язык: еч. для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. 150-190.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереот. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Зобов, Р. А. Ритм, время, пространство в литературе и искусстве / Р. А. Зобов, А. М. Мостепаненко. – Л.: Наука, 1974. – 299 с.
5. Енукидзе, Р. И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация: (На материале англ.-амер. рассказа) / Р. И. Енукидзе. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1987. – 194 с.
6. Котова Н. С. Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте / Н. С. Котова, И. А. Кудряшов // *European Social Science Journal*. – 2013. – № 8-1(35). – С. 235-242.
7. Литвинов, П. П. Англо-русский и русско-английский синонимический словарь с тематической классификацией. Продвинутый английский через синонимию: учеб. пос. / П. П. Литвинов. – М.: «Яхонт-А», 2002. – С. 210.
8. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
9. Bar M. (2004). Visual objects in context. *Nature Reviews Neuroscience*. № 5. P. 617-629.
10. Collins Thesaurus Dictionary of Synonyms. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>.
11. Detweiler R. (1972). John Updike. New York: Twayne Publishers. 365 p.
12. Detweiler R. (1984). John Updike. Boston: Twayne Publishers. 200 p.
13. Dunning W.V. (1991). Changing Images of Pictorial Space: A History of Spatial Illusion in Painting. NY: Syracuse University Press. 254 p.
14. Edwards A. S. G. (1971). Updike's «A Sense of Shelter». *Studies in Short Fiction*. No 8. Pp. 467-478.
15. Ford Th. W. (1994). Updike's «Ace in the Hole». *Explicator*. No 52. Pp. 122-125.
16. Goddard C., Wierzbicka A. (2014). Words and meanings. Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford: Oxford University Press. 314 p.
17. Griffith A. J. (1974). Updike's Artist's Dilemma: «Should Wizard Hit Mommy». *Modern Fiction Studies*. No 20. Pp. 111-114.
18. Hait E. A. (1989). John Updike's «A Sense of Shelter». *Studies in Short Fiction*. No 26. Pp. 555-557.
19. Herman D. (2002). Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative. Lincoln: University of Nebraska Press. 452 p.
20. Kleiman Ed. (1992). John Updike's «Giving Blood»: An experiment in Genre. *Studies in Short Fiction*. No 29. Pp. 153-160.
21. McFarland R. E. (1983). Updike and the Critics: Reflections on «A & P». *Studies in Short Fiction*. No 20. Pp. 95-100.
22. Saldivar T. (1997). The Art of John Updike's «A & P». *Studies in Short Fiction*. No 34. Pp. 215-225.
23. Thesaurus. Available at: <https://www.thesaurus.com>.

24. Updike J. (2003). *The Early Stories: 1953-1975*. - New York: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc. 1152 p.
25. Werth P. (1999). *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman. 390 p.

REFERENCES

1. Arnol'd, I. V. *Leksicheskaya stilistika / I. V. Arnol'd // Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: ech. dlya vuzov. - 4-e izd., ispr. i dop. - M.: Flinta: Nauka, 2002. - S. 150-190.*
2. Bakhtin, M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane / M. M. Bakhtin // Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let. - M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. - 504 s.*
3. Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya / I. R. Gal'perin. - Izd. 5-e, stereot. - M.: KomKniga, 2007. - 144 s.*
4. Zobov, R. A. *Ritm, vremya, prostranstvo v literature i iskusstve / R. A. Zobov, A. M. Mostepanenko. - L.: Nauka, 1974. - 299 s.*
5. Enukidze, R. I. *Khudozhestvennyy khronotop i ego lingvisticheskaya organizatsiya: (Na materiale angl.-amer. rasskaza) / R. I. Enukidze. - Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta, 1987. - 194 s.*
6. Kotova N. S. *Problema vyrazheniya tochki zreniya avtora i personazha-rasskazchika v khudozhestvennom tekste / N. S. Kotova, I. A. Kudryashov // European Social Science Journal. - 2013. - № 8-1(35). - S. 235-242.*
7. Litvinov, P. P. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy sinonimicheskiy slovar' s tematicheskoy klassifikatsiyei. Prodvintyy angliyskiy cherez sinonimiyu: ucheb. pos. / P. P. Litvinov. - M.: «Yakhont-A», 2002. - S. 210.*
8. Moskal'skaya, O. I. *Grammatika teksta / O. I. Moskal'skaya. - M.: Vysshaya shkola, 1981. - 183 s.*

УДК 811.133.1'367:811.161.1'367

ББК Ш147.11-22+Ш141.12-22

Г. Ф. Лутфуллина

Казань, Россия

ОСОБЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Цель данной статьи состоит в выявлении синтаксических конструкций, свойственных только глаголам восприятия во французском и русском языках. Материалом исследования послужили примеры на французском и русском языках из основного и параллельного корпусов Национального корпуса русского языка. В работе применялись методы компонентного анализа, интерпретационный метод. Актуальность данного исследования заключается в доказательстве гипотезы о существовании в разных языках особых синтаксических конструкций, присущих только глаголам восприятия. Объектом исследования являются синтаксические конструкции с глаголами восприятия. Предметом анализа выступают специфические конструкции с глаголами восприятия во французском и русском языках: инфинитивные предложения французского языка и конструкции с причастием русского языка. Синтаксические конструкции, свойственные только глаголам восприятия, имеют одну общую черту: одновременность воспринимаемой ситуации и ситуации восприятия. Конструкции, управляемые глаголами восприятия, используют другие способы присоединения и дополняют инвентарь синтаксических конструкций в разных языках. Глаголы восприятия функционируют в составе сложноподчиненных предложений. Во французском языке конструкция *en train de + инфинитив* не рассматривается большинством лингвистов как свойственная только глаголам восприятия. В русском языке в безличных предложениях функционируют не только глаголы восприятия. Во французском языке особой синтаксической конструкцией глаголов восприятия является инфинитивное предложение. В русском языке специфической конструкцией глаголов восприятия выступает конструкция с причастием настоящего или прошедшего времени в комплементаривной функции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: синтаксическая конструкция, глагол восприятия, одновременность, инфинитивное предложение, причастие.

Сведения об авторе: Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет; адрес: 420066, г. Казань, ул. Абсалямова, д. 13, кв. 61; e-mail: gflutfullina@mail.ru.

G. F. Lutfullina

Kazan, Russia

SPECIAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH PERCEPTION VERBS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

ABSTRACT. The purpose of this article is to identify syntactic constructions peculiar only to perception verbs in French and Russian. The study material are examples of the National Corps of Russian language. The methods of component analysis, interpretation method are used in the work. The relevance of this study is to prove the hypothesis of the existence in different languages of special syntactic constructions inherent only to perception verbs. The research object is syntactic constructions with perception verbs. The analysis subject is specific constructions with perception verbs in French and Russian languages: infinitive sentences of French and constructions with participle of Russian. The syntactic constructions peculiar only to perception verbs have one common feature: the simultaneity of the perceived situation and the situation of perception. Constructions with perception verbs use other ways of joining. They supplement the inventory of syntactic constructions in different languages. In French and Russian perception verbs function in complex sentences. In French, the construction *en train de + infinitive* is not considered by most linguists as inherent only to perception verbs. In Russian, impersonal sentences don't contain only perception verbs. In French, the special syntactic construction of perception verbs is an infinitive sentence. In Russian, the specific construction of perception verbs is a construction with participle in its complementary function.

KEYWORDS: syntactic construction, perception verb, simultaneity, infinitive sentence, participle.

About the author: *Lultullina Gulnara Firdavisovna, Doctor of Philology sciences, Professor of Department of Foreign Languages, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia. Address: 420066, Kazan, Absalamov St., 13 building, flat 61; e-mail: gflutfullina@mail.ru.*

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи состоит в выявлении синтаксических конструкций, свойственных только глаголам восприятия во французском и русском языках. Материалом исследования послужили примеры Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). В работе применялись методы компонентного анализа, интерпретационный метод. Актуальность данного исследования заключается в доказательстве гипотезы А. Лемарешала о существовании в разных языках особых синтаксических конструкций, присущих только глаголам восприятия [Lemarechal 2017]. Объектом исследования являются синтаксические конструкции с глаголами восприятия. Предметом анализа выступают специфические конструкции с глаголами восприятия во французском и русском языках: инфинитивные предложения французского языка и конструкции с причастием русского языка.

В исследованиях подчинительной и сочинительной связи мало внимания уделяется синтаксическим конструкциям, управляемым глаголами восприятия. Известен факт, что существуют как минимум две конструкции, свойственные только глаголам восприятия в большинстве романских языков. Обычно этот факт рассматривается как редкий или периферийный случай в языках, которой не заслуживает столь пристального внимания. Однако конструкции, специфичные для глаголов восприятия, более частотны, чем можно было бы подумать. По мнению А. Лемарешала, даже в языках Австралии, можно обнаружить точно такие же явления, даже те же типы конструкций, что и в романских языках [Lemarechal 2017]. А. Лемарешал на примере пяти языков доказывает, что существуют, по крайней мере, две конструкции с глаголами восприятия, из которых по крайней мере одна является специфической для глаголов восприятия (придаточное относительное, причастие или герундий). Синтаксические конструкции, свойственные только глаголам восприятия, присутствуют во многих языках, что подтверждает факт их особого статуса.

А. Лемарешал утверждает, что при детальном изучении дополнительных конструкций в разных языках приходят к пониманию того, что очень часто дополнительные конструкции, которые управляются глаголами восприятия, ведут себя иначе, чем другие:

1) они используют другие способы присоединения, свойственные только глаголам восприятия;

2) увеличивают возможные варианты дополнительных конструкций [Lemarechal 2017].

Исследование синтаксических явлений разных языков позволяет лучше понять причины этих общих особенностей и предложить новый типологический анализ дополнительных конструкций, управляемых глаголами восприятия.

Романские языки, в частности французский и румынский, демонстрируют увеличение количества синтаксических конструкций за счет особых дополнительных структур с глаголами восприятия.

1. Исследование синтаксических структур с глаголами восприятия во французском языке

Во французском языке выделяется разное количество конструкций, управляемых глаголами восприятия. Традиционно принято рассматривать следующие четыре типа синтаксических структур.

1. Инфинитивное предложение.

(1) *Je vois l' enfant courir /Я вижу бегущего ребенка.*

2. Перифраза с предлогом.

(2) *Je vois l' enfant en train de courir / Я вижу, как бежит ребенок.*

Эта структура подчеркивает одну из основных характеристик синтаксических конструкций, управляемых глаголами восприятия: воспринимаемое событие в процессе реализации во время наблюдения предполагает одновременность.

3. Сложноподчиненное предложение с союзом *qui*

(3) *Je vois l' enfant qui court / Я вижу ребенка, который бежит.*

4. Сложноподчиненное предложение с союзом *que* является самой распространенной структурой во французском языке.

(4) *Je vois que l' enfant court / Я вижу, что ребенок бежит.*

Эти сложноподчиненные предложения показывают еще одну характерную особенность глаголов восприятия: субъект придаточного предложения занимает неоднозначное место в придаточном и главном предложениях. Эта двусмысленность проистекает из того факта, что при восприятии ситуации мы воспринимаем как объект, так и относящуюся к нему ситуацию целиком. Это можно назвать дублированием объекта глагола восприятия. Благодаря многочисленным конструкциям языка стремятся решить проблему актантного расщепления объекта, вызванного несовпадением субъектов главного и подчиненного предложений. К. Мюллер, в статье о придаточных восприятия во французском языке (1995) анализирует относительные придаточные «как зависимые от предиката главного предложения, а не от антецедентов; одновременность, связанная с восприятием выражается согласованием времени или даже совпадением временных форм» [Muller 1995].

Из названных четырех структур сложноподчиненные предложения не являются специфичными только для глаголов восприятия (хотя и обладают рядом отличительных признаков), а перифраза не рассматривается большинством французских исследователей как средство выражения восприятия. Специфической конструкцией, свойственной глаголам восприятия, следует рассматривать только инфинитивное предложение. Необходимо отметить, что термин инфинитивное предложение не является общепринятым, он используется наряду с термином «инфинитивная конструкция».

2. Исследование синтаксических структур с глаголами восприятия в русском языке

В русском языке также присутствуют четыре конструкции, служащие репрезентации категории восприятия:

1. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, вводимыми союзами *что* и *как*, не являющимися членами предложения.

(5) *Я вижу, как ты работаешь.*

(6) *Я вижу, что Вы готовитесь к нападению.*

2. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, вводимыми союзным словом относительным местоимением *который*, являющимся членами предложения. Подобно определениям определительные придаточные выражают признак, но характеризуют предмет косвенно – через ситуацию, которая с ним связана.

(7) *Я вижу человека, который всегда чем-то интересуется и развлекается.*

3. Безличные предложения.

В русском языке присутствуют безличные конструкции, свойственные глаголам со значением произвольного восприятия.

3.1. Конструкция включает дополнение в дательном падеже, безличный глагол и существительное в именительном падеже. Реализуется значение: «восприятие лицом бытийного проявления субъекта предложения»:

(8) *Ему померещились огни, показался свет.*

(9) *Ему слышались шаги.*

(10) *Мне слышался стук.*

3.2. Конструкция включает обстоятельство места, безличный глагол и существительное в творительном падеже. Типовое значение данной конструкции: «восприятие запаха или состояния локальной среды» [Шелякин 2001: 123]:

(11) *В комнате пахло цветами.*

(12) *С моря веет свежестью.*

(13) *Из гаража тянуло бензином.*

(14) *Из окна потянуло холодом.*

(15) *От стены отдает сыростью.*

(16) *От тебя пахнет одеколоном.*

Однако сложноподчиненные предложения и безличные конструкции функционируют не только с глаголами восприятия (*Мне вспомнилось, запомнилось*

история, приснился сон), поэтому их нельзя рассматривать как свойственные только данным глаголам. Интерес представляет последняя структура, включающая глагол восприятия + причастие.

Согласно синтаксическим функциям выделяют пять типов функционирования причастий в порядке возрастающей предикативности: 1) приименные рестриктивные употребления; 2) приименные нерестриктивные употребления; 3) депиктивные употребления; 4) комплементативные употребления (*она видела его декламирующим стихи*); 5) собственно предикативные употребления. В русском языке говорят о комплементативной функции причастий, когда причастия заполняют семантическую валентность глаголов восприятия.

(17) *Она видела его жёсткую, смелую прямоу, его вдохновение; видела его декламирующим стихи; видела его пьющим слабительное (В. Гроссман. Жизнь и судьба)*

С.С. Сай пишет, что при комплементативном употреблении причастий один из референтов, участвующих в ситуации, обозначаемой причастием, реализуется как синтаксический актант главного глагола [Сай 2011]. Комплементативное употребление характеризуется следующими признаками:

- а) референт, являющийся семантическим актантом в главной предикации;
- б) вторичная предикация (атрибутивная форма) не образует с соответствующим именем единой составляющей;
- в) при этом вторичная предикация описывают некоторую ситуацию, которая имеет место в момент осуществления действия, выраженного опорным глаголом [van der Auwera, Malchukov 2005].

При комплементативном употреблении в актантную структуру опорной формы входит ситуация, а не референт имени. Опускание причастного оборота в подобных конструкциях приводит к существенному изменению актантной структуры опорной формы (*видела ее рисующим картину* = '*видела, как она рисует картину, видела ее*').

В современном русском языке причастия в комплементативной функции принимают форму творительного падежа и согласуются со «своим» участником по роду и числу.

По мнению С.С. Сай, в прошлом в комплементативной причастной конструкции причастие согласовывалось по падежу со «своей» именной группой, с которой оно было связано по смыслу. Учитывая то, что речь идет в основном о ситуации подчинения причастия переходным глаголам, фактически в таких конструкциях употреблялась форма винительного падежа причастия [Сай 2011]:

(18) *Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал: «Bravo!» (В. А. Жуковский. Письмо к С.Л.Пушкину).*

В современных текстах подобная конструкция используется крайне редко, однако единичные примеры употребления все же фиксируются:

(19) *Но однажды увидел ее стоящую на конном дворе, и ноги у нее были забрызганы грязью (Ю. Азаров. Подозреваемый).*

В русском языке также присутствуют особые конструкции, свойственные только глаголам восприятия. Глаголы восприятия допускают выражение одновременности причастием настоящего или прошедшего

(20) *Я вижу его вспотевшим / играющим.*

(21) *Я иду напевающим НЕКОРРЕКТНО.*

Использование деепричастия, типичного для выражения одновременности с другими глаголами, исключается:

(22) *Я ухожу, прощаясь.*

(23) *Я иду, напевая.*

(24) *Я вижу его, играя НЕКОРРЕКТНО.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, особенные конструкции, свойственные глаголам восприятия, имеют одну общую черту: они подчеркивают несовершенный или прогрессивный характер воспринимаемой ситуации. Это объясняется специфичной семантикой глаголов восприятия: ситуация должна быть в процессе реализации в момент восприятия. Во французском и русском языках глаголы восприятия функционируют в составе сложноподчиненных предложений. Во французском языке конструкция

en train de + инфинитив не рассматривается большинством лингвистов как свойственная только глаголам восприятия. В русском языке в безличных предложениях функционируют не только глаголы восприятия. Таким образом, во французском языке особой синтаксической конструкцией глаголов восприятия следует признать инфинитивное предложение, а в русском языке – конструкцию с причастием. Результаты исследования могут быть применены в разработке новых аспектов функционального синтаксиса французского и русского языков, посвященных категориям восприятия и «прямой» эвиденциальности. Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов в процессе чтения лекционных курсов по теоретической грамматике, лексикологии, теории перевода, а также проведения занятий по дисциплинам: практический курс французского языка, практическая грамматика французского и русского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – Москва: Изд-во «Русский язык», 2001. – 390 с.
2. Сай, С.С. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс] / С. С. Сай. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.09.2017). На правах рукописи. – М., 2011.
3. Van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival. Van der Auwera J., Malchukov A. *Schultze-Bernd E., Himmelmann N.P. Secondary predication and adverbial modification: the typology of depictives*. – Oxford. 2005. – P. 393–421.
4. Lemarechal, A. Les propositions complétives régies par les verbes de perception : des constructions singulières dans différentes langues. – 2017. – 195 p.
5. Muller, Cl. Les relatives de perception : «J'entends le garçon qui bégaie qui bégaie». Bat-Zeev Shyldkrot, Hava Kupferman, L. (eds.). *Tendances récentes en linguistique française et générale, volume dédié a David Gaatone, Amsterdam, Benjamins, Linguisticae Investigationes Supplementa*. – 1995. – P. 311-322.

REFERENCES

1. Shelyakin, M. A. Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka / M. A. Shelyakin. – Moskva: Izd-vo «Russkiy yazyk», 2001. – 390 s.
2. Say, S. S. Prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [Elektronnyy resurs] / S. S. Say. – URL: <http://rusgram.ru> (data obrashcheniya: 15.09.2017). Na pravakh rukopisi. – M., 2011.

УДК 81'373.421
ББК Ш12/18-315.3

Д. И. Медведева, В. А. Васильева
Ижевск, Россия

СИНОНИМЫ ЛЕКСЕМЫ *ПРАЗДНИК* И ИХ АНАЛОГИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен сопоставительный анализ синонимического ряда лексемы *праздник* в европейских языках (английском, немецком, испанском, русском, сербском, украинском и удмуртском языках). Материалом исследования послужили синонимы лексемы *праздник*, отобранные из лексикографических источников по упомянутым языкам. В работе рассматриваются сходства и различия данных лексем с точки зрения их происхождения, семантики, словообразования, лингвокультурологических особенностей. В результате сопоставительного анализа выявлено соотношение исконных и заимствованных лексем в синонимических рядах. В славянских и удмуртском языках преобладают исконные лексемы, а в западноевропейских языках – слова латинского происхождения. Также установлено, что в заимствованиях нового времени наблюдается тенденция к детализации их семантики или к ограничению сферы употребления. Высказано предположение о нерелевантности номинации гиперонима «праздник» для традиционных культур языческих народов (древние германцы и удмурты). Выявлено совпадение внутренней формы изучаемых номинаций в языках, отдаленных друг от друга территориально и не являющихся близкородственными. Количественный анализ позволил установить, что наибольшее число синонимов обнаружено в испанском и удмуртском языках. На словообразовательном уровне установлено, что для славянских языков характерно образование синонимов с помощью аффиксации, а для немецкого языка – способом словосложения. В славянских, германских и испанском языках в синонимическом ряду лексемы *праздник* прослеживается связь с христианством, а в лингвокультуре удмуртов – связь с язычеством и мифологией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: синонимический ряд, доминанта, этимология, европейские языки, лингвокультурология.

Сведения об авторах: Медведева Диана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, адрес: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. II, ауд. 321; e-mail: diami@mail.ru.

Васильева Виктория Александровна, магистрант 1 курса программы подготовки «Менеджмент в иноязычной и межкультурной коммуникации (мультилингвальное обучение)» Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет, адрес: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: victoria.titova2014@yandex.ru.

D. I. Medvedeva, V. A. Vasilyeva
Izhevsk, Russia

SYNONYMS OF THE LEXEME *PRAZDNIK* (HOLIDAY) AND THEIR ANALOGUES IN THE EUROPEAN LANGUAGES

ABSTRACT. The article presents a comparative analysis of the synonymic row of the lexeme *prazdnik* in several European languages (English, German, Spanish, Russian, Serbian, Ukrainian, and Udmurt). The study is based on the synonyms of the lexeme *prazdnik* taken from lexicographical sources. The paper focuses on both similarities and differences of the words according to their origin, meaning, word-formation, linguistic and cultural studies. The comparative analysis revealed the correlation of native and borrowed words related to *holiday* in the synonymic rows. Native lexemes dominate in the Slavonic languages and in Udmurt, while the words of Latin origin in the West European languages. The research demonstrated the specification of both meaning and usage in the recent borrowings. It was assumed that a generic word that would comprise the meanings 'holiday' and 'festival' was not relevant for traditional cultures of the pagan peoples such as ancient Germans and Udmurts. Besides, the analysis revealed some similarity in the inner form of lexemes under study in the languages that are geographically remote and not closely related. Quantitative analysis allowed to find out that Spanish and Udmurt have the most numerous synonymic rows. As for the word-building, affixation is widely used for forming cognates in the Slavonic languages, as well as in the Latin-based words in English and Spanish. Stem-composition is characteristic for the German language.

KEY WORDS: synonymic row, dominant, European languages, linguistic and cultural studies.

About the authors: *Medvedeva Diana Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Language Pedagogy, Udmurt State University; address: Izhevsk 426034, Universitetskaya str, 1, c. II, room 321; e-mail: diami@mail.ru.*

Vasilyeva Viktoria Aleksandrovna, 1st year student in the master's programme "Management in foreign-language and cross-cultural communication (multilingual education)", Institute of Language and Literature, Udmurt State University; address: Izhevsk 426034, Universitetskaya str, 1; e-mail: victoria.titova2014@yandex.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Праздник – это особенный элемент в структуре социального времени, старейшая и перспективная форма бытия культуры. Его главная функция заключается в социокультурной интеграции той или иной общности людей [Карпова 2001: 1].

Целью данной статьи является сопоставительный анализ синонимов лексемы *праздник* и их аналогов в европейских языках (английский, немецкий, испанский, русский, сербский, украинский, удмуртский). Для достижения данной цели решаются следующие задачи: выявление синонимического ряда и его доминанты в каждом из рассматриваемых языков; определение сходств и различий данных лексем с точки зрения их происхождения, семантики, словообразования, лингвокультурологических особенностей. Новизна исследования состоит в привлечении материала разносистемных языков.

Синонимический ряд – это группа или ряд слов, состоящая из нескольких синонимов, расположенных в зависимости от интенсивности и оттенков выраженного ими качества. По характеру семантических различий синонимические ряды могут быть представлены несколькими разрядами синонимов: идеографическими синонимами, стилистическими синонимами, синонимами, возникшими в связи с заимствованиями из разных языков [Матвеева 2010: 411]. Доминанта синонимического ряда – стержневое, опорное слово, один из членов синонимического ряда, избираемый как носитель главного значения, подчиняющий себе все смысловые и стилистические оттенки значения, выражаемые другими членами ряда [Розенталь 1976: 100]. Выделение доминанты в синонимическом ряду является одной из главных проблем синонимии. Согласно Ю. Н. Денисову, установить критерии, позволяющие безошибочно выделить в синонимических рядах стержневое слово, бывает настолько трудно, что некоторые исследователи говорят о невозможности его выделения [Денисов URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-podhodah-k-probleme-vydeleniya-dominanty-sinonimicheskogo-ryada>]. Большинство лингвистов отмечают следующие критерии при выделении доминанты синонимического ряда: максимальная обобщенность лексического значения, объединяющего все синонимы ряда; отсутствие стилистической и оценочной маркированности, высокая степень частотности и наиболее широкая сочетаемость [Денисов URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-podhodah-k-probleme-vydeleniya-dominanty-sinonimicheskogo-ryada>].

1. Славянские языки

В русском языке синонимический ряд лексемы *праздник* представлен лексемами: *празднество, празднование, торжество, гулянье, сабантуй, вечер* [Кожевников 2009], *гулянка* [Александрова 1993]. Синонимы *пир* и *пиршество* приводятся в онлайн-версии словарей синонимов. Доминантой в данном синонимическом ряду является слово *праздник*, которое произошло от церковнославянского *праздъникъ*, производного с суффиксом – *икъ* от основы *праздънь* «незанятой, свободный от работы». По данным этимологического словаря, *праздник* – это торжество, часто имеющее сакральный характер и сопровождаемое ритуальными культовыми отправлениями; досуг, свободное от трудов время [ЭССРЯ 2010]. На материале толковых словарей современного русского языка в структуре значения лексемы *праздник* могут быть выделены следующие компоненты: *особый день, по традиции отмечаемый государством, церковью, семьей или коллективом в честь кого/чего-л., в память о ком/чем-л.; выходной, нерабочий день; день радости, веселья, развлечений; радость, удовольствие; источник радости* [Ожегов 2010,

Ушаков 2013]. *Празднество* – это торжественное празднование чего-либо; общественное торжество, праздник; *празднование* – отмечание какого-либо праздника, действие по глаголу «праздновать»; *гулянка* – небольшая пирушка или весёлое времяпрепровождение в компании; *гулянье* – массовое празднество под открытым небом [Ожегов 2010], которое проводится в честь различных событий, например, по поводу получения зарплаты или заключения сделки, в честь покупки машины или другого крупного товара [Кожевников 2009]; *сабантуй* – использование названия татарского и башкирского весеннего праздника в речи для обозначения шумного веселья [Ожегов 2010]; *вечер* – вечернее собрание для развлечения; *торжество* – большое пышное празднество в ознаменование какого-нибудь важного, выдающегося события; *пиршество* – роскошный пир, обильное угощение едой и напитками; *пир* – большой званый обед или ужин с обильным и роскошным угощением, праздничное застолье [Ушаков 2013]. Что касается происхождения лексем, слова *празднование* и *празднество* являются производными от лексемы *праздник*, *торжество* заимствовано из старославянского языка, в котором *тръжьство* является калькой греческого слова *panegyrikos*, что буквально означает «собрание всех», «всенародное торжественное собрание». Для калькирования греческого слова использовано старославянское существительное *тръгъ* «рынок», «место, куда по праздникам люди собирались на ярмарки» [Цыганенко 1989: 430]), а лексемы *гулянка*, *гулянье*, *пир*, *пиршество*, *вечер* имеют более узкое значение, чем лексема *праздник*. Они зачастую используются в просторечии и подразумевают под собой времяпровождение, связанное с принятием обильной пищи и напитков и сопровождаемое песнями и танцами.

Далее рассмотрим синонимические ряды в языках, близкородственных русскому – украинском и сербском. Синонимический ряд в украинском языке представлен следующими понятиями: *празник*, *свято*, *святкування*, *присвяток*, *торжество*, *фестиваль* [Словник синонімів URL: https://ukrainkamova.com/publ/slovnik_sinonimiv/21]. Доминантой синонимического ряда в украинском языке является лексема *свято* – день или дни, когда торжественно отмечают выдающиеся события, знаменательные даты; отмечаемый церковью день в честь какого-либо святого [Бусел 2005]. Его синонимами являются однокоренные производные *святкування* – празднование и *присвяток* – небольшой праздник; а также общее с русским языком слово *торжество* – праздник в ознаменование какого-либо выдающегося события, юбилейной даты – и интернационализм *фестиваль* – массовый праздник, на котором показывают достижения определенного вида искусства [Бусел 2005]. По приведённым примерам нетрудно заметить, что в украинском языке для обозначения праздника в словах превалирует старославянский корень *-свят-*: *свято*, *святкування*, *присвяток*, в то время как *фестиваль* является заимствованием из западноевропейских языков.

В сербском языке доминантой синонимического ряда является слово *празник*, значение которого включает в себя следующие компоненты: *торжественный день*, *когда отмечается важное событие*; *церк. день или дни, отмечаемые в честь святого, нерабочие*; *школьные каникулы*; *день, когда происходит что-л. радостное, приятное*; *чувство радости, восторга*; *источник такой радости* [РС] 2011]. Синонимический ряд лексемы *празник* в сербском языке представлен большим количеством синонимов: *славље*, *прослава*, *прослављање*, *свечаност*, *пир*, *гозба*, *слављење*, *вечеринка*, *светковина*, *одмор*, *светац* [Ђосић 2008: 567]. Рассмотрим каждое слово подробнее. *Славље* – празднование, торжество, юбилей; *прослава* – празднество, торжество; *прослављање* – празднование, торжественное отмечание какого-либо события; *свечаност* – торжество, праздник; *гозба* – угощение, пир, пиршество; *слављење* – прославление, празднование; *светковина* – празднество, торжество; *одмор* – отдых, передышка, отпуск; *светац* – праздник в честь святого [Толстой 2001]. Критерием отбора данных лексем для синонимического ряда явилось наличие у них переводного соответствия *праздник / празднество* в сербско-русских словарях. Интересным представляется тот факт, что в русском языке слово *отпуск*, первоначально из официально-деловой речи, имеет одно значение – временное освобождение от работы для отдыха. В сербском языке, где контраст между официально-деловым и разговорным стилями гораздо меньше, слово *одмор* имеет два значения: отпуск и просто отдых, и поэтому включён в синонимический ряд, так как одно из значений лексем *праздник / праздник* в русском и сербском

языках – «выходной, нерабочий день», а в сербском, кроме того, и «школьные каникулы».

2. Западноевропейские языки

Далее обратимся к западноевропейским языкам. В английском языке слову *праздник* соответствуют несколько номинаций, а именно: *holiday, festival, celebration, party, feast, festivity, fête*. *Holiday* – это день, время отдыха от работы / официальный выходной день, отпуск, период для отдыха и развлечения, обычно вне дома; *festival* – общественное мероприятие с презентацией фильмов, театральных постановок, музыкальных номеров; день или дни публичного празднования, часто связанного с религиозными событиями, *celebration* – прославление важного дня, события; *party* – встреча друзей (вечеринка), сопровождаемая едой и напитками, танцами, песнями и т. д.; *feast* – пир, пиршество, обильное угощение по случаю какого-либо праздника, религиозный праздник, *перен.* источник радости, удовольствия; *festivity* – веселье, праздничные события; *fête* – праздник, торжество, общественное развлечение – неадаптированное заимствование из французского языка [LD 1992; MED 2006]. Выделение доминанты из синонимического ряда в английском языке представляет некоторые трудности. С одной стороны, в русско-английских словарях лексема *holiday* предлагается в качестве первого переводного соответствия слова *праздник*. С другой стороны, доминирующим значением лексемы *holiday* является *день/время отдыха в противоположность рабочему времени, будням*; компонент *особый день в честь кого/чего-л.* по данной лексеме выделяется только одним из толковых словарей, отсутствует значение *торжественное мероприятие*; а эмоциональный компонент *веселье, развлечение* является второстепенным; кроме того, *holiday* не используется по отношению к церковным праздникам. На основе этих данных можно считать *holiday* условной доминантой синонимического ряда в английском языке.

Ситуация с немецким языком по-своему уникальна. В толковом словаре немецкого языка [BWB 2002] приводятся две основных лексемы, соответствующие русскому слову *праздник*, а именно: *Feier* – праздник, торжественные мероприятия в честь особого события, дня памяти чего-л.; *Fest* – крупное общественное мероприятие; религиозный, церковный праздник. Первичным может считаться *Fest*, так как через данную лексему определяется *Feier*; в свою очередь, *Fest* определяется через родовое понятие *Veranstaltung* (мероприятие). Обе лексемы отличаются обобщенным значением, высокой частотностью и широкой сочетаемостью, причем часто являются взаимозаменяемыми: *Familienfeier, Familienfest* (семейный праздник), *Geburtstagsfeier, Geburtstagsfest* (праздник в честь дня рождения), *Hochzeitsfeier, Hochzeitsfest* (свадебное торжество), *Schulfeier, Schulfest* (школьный праздник) и др. Однако, существует тенденция к обозначению словом *Fest* более масштабных общественных мероприятий, а словом *Feier* – праздников, отмечаемых в более узком (семейном и т. п.) кругу. Синонимами данных номинаций являются заимствование *Fête* (из франц. – праздник), используемое в разговорном языке, и *Party* (из англ. – вечеринка); кроме того, в качестве синонимов лексемы *Fest* приводятся *Ball, Gesellschaft, Runde, Veranstaltung*. Таким образом, в немецком языке следует признать либо наличие двух доминант синонимического ряда – *Feier* и *Fest* – либо отсутствие таковой.

В испанском языке синонимический ряд лексемы *праздник* представлен следующими словами: *fiesta, vacación, festividad, guateque, celebración, convite, velada reunión, juerga, verbena, espectáculo, festejo* [DSA 2012]. В исследовании Е.В. Астаховой приводится более обширный синонимический ряд: *descanso, festejo, festín, festividad, celebración, convite, velada, vacación, juerga, verbena, espectáculo, entretenimiento, distracción, efemérides* (отдых, торжество, празднество, веселье, празднование, званый обед, вечеринка, торжества и веселье накануне праздников, отпуск, каникулы, отгул, зрелище, спектакль, развлечение, забава, весёлое времяпрепровождение, знаменательная дата), а также *regocijo* (восторг), *júbilo* (веселье, ликование), *diversión* (развлечение, увеселение), *recreación* (отдых, наслаждение), *placer* (удовольствие), *alegría* (радость), *gozo* (удовольствие, наслаждение), *buen humor* (хорошее настроение). К «эксцессам» праздника относятся – *comilona* (пир, обильная еда), *juerga* (пьянка, пирушка), *orgía* (оргия), *holgorio* (шумное веселье, гулянка), *bacanal* (дикий разгул, оргия), *borrachera*

(пьянка, попойка) [Астахова 2014: 287].

Доминантой синонимического ряда, бесспорно, является лексема *fiesta*, объединяющая в себе значения: собрание людей ради весёлого времяпровождения или празднования какого-либо события; день отдыха от работы, официальный выходной; каникулы; религиозный праздник; веселье, развлечения [DUE 2002]. По мнению исследователей, праздник – *fiesta* – является ключевым словом испанской лингвокультуры и мегаконцептом, охватывающим многие сферы жизни [Астахова 2014: 285].

3. Удмуртский язык

Удмуртский язык, представляющий уральскую языковую семью, особым образом членит изучаемый нами фрагмент языковой картины мира. В удмуртском языке выявлены следующие номинации: *юондыр* (букв. время питья) – праздник, праздничное гуляние, празднество, пиршество; *юмшан дыр* (букв. время гулянок) – праздник, гуляние, празднество [УРС 2008]; *юон* (букв. питье) – пир, пиршество, праздник, пьянство, пьянка; *юмшан* (букв. гулянка) – веселье, гуляние, весёлое времяпровождение; *шуддырьяськон* (букв. веселье, весёлое времяпровождение) – веселье [КУРС 1995]; *юмшаса ветлон* (букв. гулять пируя) – гуляние, веселье; *шудон-серектон* (букв. игра-веселье) – забава, веселье, развлечение, увеселение; *шутэтскон нунал* (букв. день отдыха) – день отдыха, выходной день; *калгон* (букв. гулянка) – гуляние, развлечение, праздное шатание; *гуртан/гурталлян* (букв. хождение из дома в дом) – праздничное гуляние из дома в дом или по деревням; *празник* (заимствование из русского языка) – праздник [Вахрушев 1995]; *пóртмаськон* (букв. колядки) – маскарад; *уйбыт-юон* (букв. пиршество целую ночь) – праздничное гуляние из дома в дом с музыкой и танцами, с целью навестить каждого один раз [Борисов 1991]; *сектаськон* (букв. напоить кого-то вином) – пир; *жыт пукон* (букв. «вечерние посиделки») – вечер; *маскарьяськон* (букв. маскарад) – развлечение, забава; *сурдыр карон* (букв. устроить хмельное время) – праздник, время питья [Насибуллин 2006].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ исследуемого материала позволяет установить, что синонимы лексемы *праздник* и ее аналогов в европейских языках имеют как общие, так и отличительные черты. Подведем некоторые итоги.

Значительный интерес представляет соотношение исконных и заимствованных лексем в синонимических рядах. В исследуемых славянских языках преобладают исконные славянские корни *-празд-/праз-, -свят-/свет-/свеч-, -слав-*. В английском синонимическом ряду исконным является только слово *holiday*, остальные лексемы, как и синонимы из немецкого и испанского языков, восходят к латыни: англ. *festival, feast, festivity, fête*; нем. *Fest*; исп. *fiesta, festividad, festival, festivo* > лат. *festus* (праздничный); нем. *Feier* (а также *Ferien* – каникулы), исп. *dia feriado* > лат. *feriae* (праздники, дни отдыха); англ. *celebration*, исп. *celebración* > лат. *celebratio* (многочисленное собрание; массовое торжество, всенародное празднество) [Дворецкий 2008]; исп. *ceremonia* > лат. *caerimōnia* (святость; почитание, культ; pl. культовый обряд, священнодействие, торжества). В удмуртском языке имеется много исконных синонимов, обозначающих виды праздничного времяпрепровождения, а понятие-гипероним *праздник* является заимствованием из русского языка. Необходимо отметить, что среди выявленных заимствований имеются ранние (из латинского языка) и относящиеся к новому либо новейшему времени (из современных языков). Как правило, новые заимствования получают в принимающем языке узкие, специализированные значения или имеют ограниченную сферу употребления. Так, английское *fête* (от франц. *fête* – праздник) – мероприятие на открытом воздухе с угощением, конкурсами, ярмаркой-распродажей, организованное с целью сбора средств на какие-л. нужды; в немецком языке *Fete* имеет шуточный оттенок значения и первоначально употреблялось в студенческом жаргоне. В немецкий и русский языки была заимствована лексема *Party* (из англ.) с сохранением значения языка-источника «веселое непринужденное времяпрепровождение в дружеской компании, обычно у кого-то дома»; в русском языке она не зафиксирована толковыми словарями и употребляется преимущественно в речи молодежи.

Изученный языковой материал также показывает, что не во всех языках доминанта синонимического ряда *праздник* обозначается исконной лексемой и не во всех языках имеется слово, выражающее значение «любой праздник», «праздник вообще». По нашему предположению, гипероним типа русского *праздник* или испанского *fiesta* не был релевантен в традиционной культуре языческих народов, каковыми являлись древние удмурты и германцы. В удмуртском он появился под влиянием русского языка, в немецком – под влиянием латыни, в английском был образован от исконных корней – *holiday* > *holy* (святой) + *day* (день) под влиянием христианства. В случае с удмуртами и германцами имело место заимствование из языков народов с более высоким уровнем государственности, соответственно от русских и римлян.

Еще одним немаловажным аспектом, выявленным в результате сопоставления, являются совпадения внутренней формы лексем в языках, отдаленных друг от друга территориально и не являющихся близкородственными: англ. *holiday*, укр. *свято*, серб. *светац* (святой день), англ. *celebration* и исп. *celebración*, серб. *прославља* (прославление). Как нам представляется, данное совпадение объясняется тем, что праздник – это культурная универсалия, явление, свойственное всем без исключения культурам.

Количественный анализ позволил установить, что наибольшее число синонимов обнаружено на материале испанского и удмуртского языков, для которых характерна общая тенденция к детализации обозначений видов праздничного времяпрепровождения, связанного с обильным угощением, выпивкой и гуляниями.

Различие в выявленных нами синонимах по каждому языку может объясняться несколькими факторами, причем чаще всего в языковом материале наблюдается их взаимовлияние. Что касается словообразования, в синтетических славянских языках сильно развита аффиксация, обуславливающая наличие однокоренных синонимов: рус. *праздник, празднество, празднование*; серб. *светковина, свечаност, светац*; укр. *свято, святкування, присвяток*. Словообразовательный потенциал славянских языков дает возможность расширять синонимические ряды за счет производных со значением процесса: рус. *празднование*, укр. *святкування*, серб. *слављење, прослављање*. В немецком языке наиболее продуктивный способ словообразования – словосложение, что отражается в весьма обширном синонимическом ряде. В аналитических западноевропейских языках, происходящих из латыни (испанский) либо испытавших значительное влияние латинского языка (английский), имеются синонимы от нескольких латинских корней, в том числе однокоренные, образованные способом аффиксации: англ. *feast, festival, festivity*; исп. *fiesta, festividad, festival*. Немецкий язык обладает неограниченным потенциалом для образования гипонимов с компонентами *Fest* и *Feier*, обозначающими виды праздников по месту проведения, виду деятельности, отмечаемому событию: *Betriebsfest, Familienfest, Gartenfest, Grillfest, Hochzeitsfest, Sportfest, Weihnachtsfest* и др., но в словарях они не имеют статуса синонимов. В удмуртских словарях названия видов праздничного времяпрепровождения являются членами синонимического ряда.

Таким образом, сходства и различия синонимов лексемы *праздник* и их аналогов в европейских языках определяются историей развития языков и их взаимосвязью с другими языками. В романских, германских и славянских языках в синонимическом ряду лексемы *праздник* прослеживается связь с христианством, а в культуре удмуртов это связь с язычеством и мифологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практич. справ.: Ок.11000 синонимич. рядов / З. Е. Александрова. – 7 изд., стер. – М.: Рус.яз., 1993. – 493 с.
2. Астахова, Е. В. Праздник в национально-культурном мировидении Испании [Электронный ресурс] / Е. В. Астахова // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2(35). URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=F4FD8197-E91B-FEAE-331C-F97587EBBF50> (дата обращения: 31.03.2018).
3. Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам: ок. 15000 сл. = Удмуртско-русский словарь / Т. К. Борисов. – Ижевск, 1991. – 383 с.
4. Бусел, В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови /

- В. Т. Ёбусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
5. Вахрушев, В. М. Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов: пыртэмын ог 3200 ёрос синоним радъёс / В. М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 278 с.
 6. Денисов, Ю. Н. О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда [Электронный ресурс] / Ю. Н. Денисов // Вестник ТГУ. – 2013. – вып. 2 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-podhoda-k-probleme-vydeleniya-dominanty-sinonimicheskogo-ryada> (дата обращения: 31.03.2018).
 7. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2008. – 843, [5] с.
 8. Карпова, Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук / Карпова Г. Г. – Саратов, 2001. – 157 с.
 9. Кожевников, А. Ю. Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практ. справ. / А. Ю. Кожевников. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 799 с.
 10. КУРС – Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь = Удмурт-зуч, зуч-удмурт вакчияк кылсузъет: ок. 3 000, 3 500 слов / сост.: Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1995. – 366 с.
 11. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
 12. Насибуллин, Р. Ш. Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысьёсья радъям зуч-удмурт кылсузъет: учеб. пособие / Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семенов. – Ижевск: Ассоц. «Науч. кн.», 2006. – 378 с.
 13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2010. – 3465 с.
 14. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
 15. Словник синонімів: Офіційний сайт Української мови. – URL: https://ukrainskamova.com/publ/slovník_sinonimiv/21 (дата обращения: 22.02.2018).
 16. Современный немецко-русский и русско-немецкий словарь / сост. В. А. Кибенко, В. Ф. Малышев. – СПб.: Изд. «Полиграфуслуги». 2007. – 800 с.
 17. Степанова, И. В. Определение праздника. Проблемы терминологии [Электронный ресурс] // «Мир науки, культуры, образования». – Челябинск, 2008. – № 1 (8). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9951029> (дата обращения: 23.02.2018).
 18. Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 736 с.
 19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82 000 слов и фразеолог. выражений / Рос. акад. наук., Отд-ние ист.-филолог. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1164 с.
 20. УРС – Удмуртско-русский словарь = Удмурт-зуч словарь: ок. 35000 сл. / Науч.-исслед. ин-т; под ред. В. М. Вахрушева; редкол.: М. Г. Атаманов, Г. А. Архипов, В. М. Вахрушев [и др.]. – М.: Рус. яз., 1983. – 590 с.
 21. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2013. – 800 с.
 22. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
 23. ЭССРЯ – Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. Н – Я / сост. А. К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.
 24. РСЈ – Речник српскога језика. – Нови Сад: Матица Српска, 2011. – 1537 с.
 25. Ћосић, П. Речник синонима / Павле Ћосић и сарадници. – Београд: Kornet, 2008. – 712 с.
 26. BWB – Bedeutungswörterbuch. Band 10. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. – 1103 S.

27. DSA - Diccionario de sinynimos y antynimos / Espasa Libros, S. L. U. Diseco de cubierta: Rudersindo de la Fuente, 2012. - 1215 p.
28. DUE - Diccionario de uso del español clave. 2002.
29. LD - Longman dictionary of English language and culture. - Harlow: Longman: Pearson Education, 1992. - 1582 p.
30. MED - Macmillan English Dictionary for advanced learners. Selwood Systems, Midsomer Norton, Radstock, 2006. - 1692 p.

REFERENCES

1. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Praktich. sprav.: Ok.11000 sinonimich. ryadov / Z. E. Aleksandrova. - 7 izd.,ster. - M.: Rus.yaz., 1993. - 493 s.
2. Astakhova, E. V. Prazdnik v natsional'no-kul'turnom mirovidenii Ispanii [Elektronnyy resurs] / E. V. Astakhova // Vestnik MGIMO. - 2014. - № 2(35). URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=F4FD8197-E91B-FEAE-331C-F97587EBBF50> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
3. Borisov, T. K. Udmurt kyll'yukam: ok. 15000 sl. = Udmurtsko-russkiy slovar' / T. K. Borisov. - Izhevsk, 1991. - 383 s.
4. Busel, V. T. Velikiy tлумachniy slovník suchasnoï ukrains'koï movi / V. T. "Busel. - K.; Irpin': VTF «Perun», 2005. - 1728 s.
5. Vakhrushev, V. M. Sinonim"esyn udmurt-žuch kylbugor = Udmurtsko-russkiy slovar' sinonimov: pyrtemyn og 3200 eros sinonim rad"es / V. M. Vakhrushev. - Izhevsk: Udmurtiya, 1995. - 278 s.
6. Denisov, Yu. N. O nekotorykh podkhodakh k probleme vydeleniya dominanty sinonimicheskogo ryada [Elektronnyy resurs] / Yu. N. Denisov // Vestnik TGU. - 2013. - vyp. 2 (118). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotorykh-podhodah-k-probleme-videleniya-dominanty-sinonimicheskogo-ryada> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
7. Dvoret'skiy, I. Kh. Latinsko-russkiy slovar' / I. Kh. Dvoret'skiy. - 11-e izd., stereotip. - M.: Rus. yaz. - Media, 2008. - 843, [5] s.
8. Karpova, G. G. Prazdnik v kontekste sotsial'nykh izmeneniy: dis. ... kand. sotsiol. nauk / Karpova G. G. - Saratov, 2001. - 157 s.
9. Kozhevnikov, A. Yu. Slovar' sinonimov sovremennogo russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakt. sprav. / A. Yu. Kozhevnikov. - Moskva: OLMA Media Grupp, 2009. - 799 s.
10. KURS - Kratkiy udmurtsko-russkiy, russko-udmurtskiy slovar' = Udmurtžuch, žuch-udmurt vakchiyak kylsuz'et: ok. 3 000, 3 500 slov / sost.: R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov. - Izhevsk: Izd-vo UdGU, 1995. - 366 s.
11. Matveeva, T. V. Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov / T. V. Matveeva. - Rostov n/D.: Feniks, 2010. - 562 s.
12. Nasibullin, R. Sh. Sistemno-tematicheskii russko-udmurtskiy slovar' = Udys"es"ya rad"yam žuch-udmurt kylsuz'et: ucheb. posobie / R. Sh. Nasibullin, V. G. Semenov. - Izhevsk: Assots. «Nauch. kn.», 2006. - 378 s.
13. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / S. I. Ozhegov; pod red. prof. L. I. Skvortsova. - 28-e izd., pererab. - M.: OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»: OOO «Izdatel'stvo Oniks», 2010. - 3465 s.
14. Rozental', D. E. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlya uchiteley / D. E. Rozental', M. A. Telenkova. - M.: Prosveshchenie, 1976. - 543 s.
15. Slovník sinonimiv: Ofitsiyniy sayt Ukrains'koï movi. - URL: https://ukrainskamova.com/publ/slovník_sinonimiv/21 (data obrashcheniya: 22.02.2018).
16. Sovremennyy nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy slovar' / sost. V. A. Kibenko, V. F. Malyshev. - SPb.: Izd. «Poligrafuslugi». 2007. - 800 s.
17. Stepanova, I. V. Opredelenie prazdnika. Problemy terminologii [Elektronnyy resurs] // «Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya». - Chelyabinsk, 2008. - № 1 (8). - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9951029> (data obrashcheniya: 23.02.2018).
18. Tolstoy I. I. Serbskokhorvatsko-russkiy slovar'. - 7-e izd., stereotip. - M.: Rus. yaz., 2000. - 736 s.
19. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov:

- 82 000 slov i frazeolog. vyrazheniy / Ros. akad. nauk., Otd-nie ist.-filolog. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; otv. red. N. Yu. Shvedova. – M.: Azbukovnik, 2008. – 1164 s.
20. URS – Udmurtsko-russkiy slovar' = Udmurt-žuch slovar': ok. 35000 sl. / Nauch.-issled. in-t; pod red. V. M. Vakhrusheva; redkol.: M. G. Atamanov, G. A. Arkhipov, V. M. Vakhrushev [i dr.]. – M.: Rus. yaz., 1983. – 590 s.
21. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 100 000 slov i slovosochetaniy / D. N. Ushakov. – M.: «Adelant», 2013. – 800 s.
22. Tsyganenko, G. P. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Bolee 5000 slov / G. P. Tsyganenko. – 2-e izd., pererab. i dop. – K.: Rad. shk., 1989. – 511 s.

УДК 811.111'42:811.161.1'42
ББК Ш143.21-51+Ш141.12-51

Т. С. Медведева, А. Н. Филимонова
Ижевск, Россия

КОНЦЕПТЫ *CHALLENGE* И *ВЫЗОВ* В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей статьи является проведение сопоставительного анализа функционирования имен концептов *challenge* и *вызов* в современном американском и российском политическом дискурсе и выявление их общих и специфических концептуальных признаков, актуализирующихся в политической коммуникации. На первом этапе исследования был произведен анализ дефиниций лексем *challenge* и *вызов* по данным крупнейших толковых словарей английского и русского языков, на основе которых были составлены обобщенные дефиниции имен концептов. В результате анализа обобщенных дефиниций были выделены концептуальные признаки, сопоставление которых позволило установить сходства и различия в структуре имен концептов. Лексема *challenge* обладает более развернутой смысловой структурой. Наличие признаков 'достижение успеха', 'новизна задачи', 'испытание способностей' и 'получение удовольствия' в структуре имени данного концепта влечет за собой появление позитивной коннотации. В структуре имени концепта *вызов* выявлены в основном нейтральные признаки. Изучение американского политического дискурса показывает, что в 10 речах двух американских президентов установлено 33 случая использования имени концепта *challenge*. Концептуальные признаки, которые наиболее часто объективируются в изученном материале – это 'трудность, проблема', 'необходимость усилий'. Нами отмечено формирование концептуального признака 'угроза', не зафиксированного в англоязычных толковых словарях. Анализ текстовой реализации имени концепта *вызов* в российском политическом дискурсе позволил установить, что концепт *вызов* активно расширяет признаковую структуру. Изученный материал речей двух российских президентов приводит к выводу о формировании новых признаков: 'угроза', 'стимул для развития чего-либо' 'важность задачи'. Часть концептуальных признаков, по-видимому, появляется под влиянием концепта *challenge*, а именно, 'необходимость усилий', 'новизна задачи', 'достижение успеха'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, *challenge*, *вызов*, концептуальные признаки, американский политический дискурс, российский политический дискурс.

Сведения об авторах: Медведева Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; корп.2, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская,1; e-mail: ts_medved@mail.ru;

Филимонова Анна Николаевна, магистрант 2 курса программы подготовки «Сопоставительное исследование языков и культур в переводческой коммуникации», кафедра перевода и прикладной лингвистики Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет; e-mail: anna.udsu@gmail.com.

T. S. Medvedeva, A. N. Filimonova
Izhevsk, Russia

CONCEPTS *CHALLENGE* AND *VYZOV* IN AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. The present paper is intended to analyze the concept *challenge* as compared to the Russian *vyzov* (*ВЫЗОВ*) in contemporary American and Russian political discourses. It aims at identifying common and specific conceptual characteristics actualized in political communication. The first stage of the study involved giving definitions of the lexemes *challenge* and *vyzov* according to the major monolingual dictionaries of the English and Russian languages; hence, generalized definitions of the concepts' names were compiled. The analysis of generalized definitions allowed to identify some conceptual characteristics the comparison of which, in its turn, helped to establish similarities and differences in the structure of the concepts' names. The lexeme *challenge* has a more complicated semantic structure. The presence of such characteristics as 'achievement', 'new task', 'test of abilities' and 'satisfaction' in the structure of the concept's name implies a positive connotation. The structure of the concept *vyzov* contains mainly neutral characteristics. The study of the American political discourse revealed that the concept's name *challenge* had been used 33 times in 10 speeches of two American presidents.

Conceptual characteristics 'difficulty', 'problem', 'need for effort' were most frequently objectivized in the material under study. We have noted the appearance of the conceptual characteristic 'threat' not registered in the explanatory dictionaries of the English language. The analysis of textual realization of the name of the concept *vyzov* in the Russian political discourse allowed to find out that the concept *vyzov* is intensively expanding its structure. The study of the speeches made by two Russian presidents makes it possible to conclude that some new characteristics such as 'threat', 'motivation for development', 'importance of the task' have recently come into being. Some of the conceptual characteristics seem to be influenced by the concept *challenge*, namely, 'need for effort', 'new task', 'achievement'.

KEY WORDS: concept, *challenge*, *vyzov*, conceptual features, American political discourse, Russian political discourse.

About the authors: *Medvedeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics, Udmurt State University; Universitetskaya str. 1, build. 2, 426034, Izhevsk; e-mail: ts_medved@mail.ru;*

Filimonova Anna Nikolaevna, second-year Master student of the program "Comparative study of languages and cultures in translation communication", Department of Translation and Applied Linguistics of the Institute of Language and Literature, Udmurt State University; e-mail: anna.udsu@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Этноспецифические концепты вызывают большой интерес у лингвистов, так как данные ментальные единицы отражают своеобразие отдельных лингвокультур, являются «ключами» к пониманию системы их ценностей. Как полагает В. И. Карасик, содержательно эти ментальные образования наличествуют в разных культурах, но их роль в соответствующих культурах различна: для определенных культур они являются яркими аттракторами смыслов, выразителями важнейших ценностей, в других же культурах эти концепты являются фоновыми [Карасик 2009: 33]. В своем исследовании американской лингвокультуры О. А. Леонтович относит к ключевым концептам лингвокультуры США концепты «challenge», «privacy» и «efficiency», а также отмечает отсутствие их полных эквивалентов в русской лингвокультуре. По мнению автора, слово «challenge» является одним из ключевых для понимания американского национального характера; оно выражает отвагу, готовность рисковать, чтобы испытать себя, дух авантюризма, стремление к соперничеству и т. д. [Леонтович 2005: 114]. Для американской культуры характерны такие черты, как высокая оценка успеха, оптимизм и уверенность в будущем, поскольку с самого возникновения она была связана «с трудным и длительным периодом освоения нового континента» [Шестаков 2013 URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/183.html&j_id=13].

В.И. Карасик также отмечает, что с концептом «challenge» сопряжены концепты «смелость», «усилие», «испытание», «успех», и подчеркивает его связь с ключевыми ценностями американской культуры – концептами «свобода», «равенство», «энергичность» [Карасик 2009: 37-42]. В отличие от имеющихся исследований концепта «challenge», а также появляющихся в последнее время работ, посвященных сопоставлению значений имен концептов *challenge* и *вызов* в лексикографических источниках [Шакин 2016], целью настоящей статьи является проведение сопоставительного анализа функционирования имен данных концептов в современном американском и российском политическом дискурсе и выявление общих и специфичных концептуальных признаков, актуализирующихся в политической коммуникации. Актуальность сопоставительных исследований политической коммуникации отмечается многими учеными (см., например, [Богоявленская 2016]). Наше исследование представляется актуальным также в связи с повышающейся частотностью использования имени концепта *ВЫЗОВ* в российском политическом дискурсе и необходимостью изучения влияния концепта *challenge* на развитие структуры концепта *ВЫЗОВ*. Новизну исследования определяет его материал, которым послужили 10 речей американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа и 10 речей российских президентов Д. А. Медведева и В. В. Путина.

1. Анализ обобщенных дефиниций имен концептов в лексикографических источниках

На первом этапе исследования был произведен анализ дефиниций лексемы *challenge* по данным крупнейших толковых англоязычным словарей, на основе

которых была составлена обобщенная дефиниция имени концепта: 1) *A call to someone to participate in a competitive situation or fight to decide who is superior in terms of ability or strength, especially in sport or argument.* 2) *A call to prove or justify something.* 3) *An action or idea that questions whether something is true, accurate, or legal.* 4) *Something that needs a lot of mental or physical effort, skill, energy, and determination to deal with or achieve, that tests a person's ability, and something you have never done before and will enjoy doing.* 5) *An instruction given by a soldier or guard at a border or gate, telling someone to stand still and say their name and reasons for being there.* 6) (Law) *the act of refusing to accept someone as a member of a jury.* 7) (Medicine, mass noun) *Exposure of the immune system to pathogenic organisms or antigens* [OD URL: <http://www.oxforddictionaries.com>; MD URL: <http://www.macmillandictionary.com>; CD URL: <http://dictionary.cambridge.org>; LDAE URL: <http://www.longmandictionaryusa.com>].

Как можно заметить, три последних значения являются узкоспециализированными, поэтому далее они рассматриваться не будут.

В ходе анализа обобщенной дефиниции были выделены следующие концептуальные признаки '*call*' (призыв, приглашение); '*competition*' (соревнование); '*question*' (постановка под сомнение); '*achievement*' (достижение успеха); '*new task*' (новизна задачи); '*test of abilities*' (испытание способностей), '*enjoy doing*' (получение удовольствия), '*need for effort*' (необходимость усилий); '*a lot of mental or physical effort, skill, energy*' (трудность, сложная задача). Некоторые концептуальные признаки содержат позитивную коннотацию и описывают «развивающую личность субъекта ситуацию» [Шакин 2016: 295].

Рассмотрим обобщенную дефиницию имени концепта *вызов*, основанную на данных современных толковых словарей русского языка: 1. *Действие по гл. «вызвать».* 2. *Требование, приглашение или просьба явиться куда-н.* 3. *Призыв к борьбе, состязанию.* 3. *Выраженное словами, поступками, взглядом желание вступить в борьбу, спор.* 4. *Запрос по телефону.* 5. (комп. термин): *Вызов подсказки.* 6. (нов.) *Проблема* [Активный словарь русского языка 2014; Ожегов 2010; Ушаков 2013]. Как и в случае с именем концепта *challenge* мы не будем принимать во внимание значения лексемы *вызов*, явно не относящиеся к политическому дискурсу: «запрос по телефону» и компьютерный термин.

Анализ данной дефиниции позволил выделить следующие концептуальные признаки: '*призыв*'; '*приглашение*'; '*требование*'; '*соревнование*'; '*внешнее проявление готовности к борьбе*'; '*проблема*'.

Сопоставление концептуальных признаков изучаемых имен концептов показывает, что общими признаками являются: '*призыв*', '*приглашение*' и '*соревнование*', и что лексема *challenge* обладает более развернутой смысловой структурой. Наличие признаков 'достижение успеха', 'новизна задачи', 'испытание способностей' и 'получение удовольствия' в структуре имени данного концепта влечет за собой появление позитивной коннотации. В структуре имени концепта *вызов* выявлены в основном нейтральные признаки. Интерес представляет компонент '*проблема*', который зафиксирован лишь в «Активном словаре русского языка» с пометой «новое значение». Лексема *проблема*, рассматриваемая изолированно, скорее нейтральна, однако в связи с другими концептуальными признаками имени концепта *вызов* приобретает негативную коннотацию, описывающую ситуацию, «угрожающую комфорту и спокойствию» [Шакин 2016: 295]. Выделенные концептуальные признаки служат основой для анализа функционирования имен концептов в политической коммуникации.

2. Анализ функционирования имени концепта *challenge* в речах американских президентов

Наряду с данными лексикографии современные тексты, относящиеся к политической коммуникации, представляют большой интерес с точки зрения рассмотрения функционирования концепта на современном этапе. Целью изучения политического дискурса является выявление концептуальных признаков, которые актуализируются и выходят на передний план при текстовой реализации имени концепта *challenge*. Для анализа функционирования имени концепта были отобраны речи американских президентов, т. е. коммуникативные акты государственного и международного масштаба, рассчитанные на огромную

аудиторию и тщательно продуманные. Временные рамки материала исследования – с 2008 года по настоящее время – составляют 10 лет и охватывают речи двух президентов США – Барака Обамы и Дональда Трампа. Всего было рассмотрено 10 речей двух американских президентов, содержащих имя концепта *challenge*, доступных в следующих базах данных: obamawhitehouse.archives.gov, americanrhetoric.com, factba.se. Рассмотрим примеры, представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес с точки зрения актуализации концептуальных признаков.

Barack Obama - Oval Office Address to the Nation on BP Oil Spill Disaster (2010):

1) *“As we speak, our nation faces a multitude of **challenges**. At home, our top priority is to recover and rebuild from a recession that has touched the lives of nearly every American. Abroad, our brave men and women in uniform are taking the fight to al Qaeda wherever it exists. And tonight, I’ve returned from a trip to the Gulf Coast to speak with you about the battle we’re waging against an oil spill that is assaulting our shores and our citizens.”* 2) *“I assembled a team of our nation’s best scientists and engineers to tackle this **challenge** – a team led by Dr. Steven Chu, a Nobel Prize-winning physicist and our nation’s Secretary of Energy.”* 3) *“As the cleanup continues, we will offer whatever additional resources and assistance our coastal states may need. Now, a mobilization of this speed and magnitude will never be perfect, and new **challenges** will always arise.”*

В приведенных контекстах актуализируются концептуальные признаки ‘трудность, сложная задача’ и ‘необходимость усилий’ в связи с негативными ситуациями, описываемыми в данной речи: экономический кризис, терроризм, преодоление последствий разлива нефти.

Barack Obama - Address on Signing Executive Order 13681 (2014): 1) *“Now, obviously, right now the news is dominated by Ebola, and we’ve got an all-hands-on-deck approach across government to make sure that we are keeping the American people safe. But even as we meet that particular **challenge**, it’s also important that we don’t lose sight of the other **challenges** that we face as a nation, especially the **challenge** of making sure that our economy works for every single American.”* 2) *“And that includes the **challenge** that brings me here today: protecting Americans from financial fraud and identity theft.”*

В данной речи также реализуются признаки ‘необходимость усилий’ и ‘трудность, сложная задача’; *challenge* – это защита американцев от эпидемии, а также обеспечение защиты от негативных явлений в экономической жизни. Имя концепта здесь сочетается с глаголами *face* и *meet*.

Barack Obama - Clean Power Plan Announcement (2015): 1) *“I want to thank all the members of Congress who are here, as well, who have been fighting this issue, and sometimes at great odds with others, but are willing to take on what is going to be one of the key **challenges** of our lifetimes and future generations.”* 2) *“Over the past six and a half years, we’ve taken on some of the toughest **challenges** of our time -- from rebuilding our economy after a devastating recession, to ending our wars in Iraq and Afghanistan and bringing almost all of our troops home, to strengthening our security through tough and principled diplomacy.”*

В данных контекстах, приведенных из речи, посвященной плану Обамы «Чистая энергия», помимо признаков ‘трудность, сложная задача’ и ‘необходимость усилий’ актуализируется признак ‘достижение успеха’, на что указывают словосочетания *rebuilding our economy, ending our wars, strengthening our security*. Прилагательное *toughest* усиливает признак концепта ‘трудность, сложная задача’.

Barack Obama - 70th Session of the United Nations General Assembly Address (2015): *“And the beginning of this century has been one of those times: a shrinking world, growing inequality, demographic change, and the specter of terrorism. These forces haven’t just tested our security and our prosperity, but are testing our democracy as well. And how we meet these **challenges** to our democracy will determine our ability to educate our kids, and create good jobs, and protect our homeland.”*

В своей речи президент Обама указывает на ряд негативных явлений, угрожающих американской демократии (*challenges to our democracy*): нестабильный международный порядок, демографические изменения, угрозу терроризма. В данном случае можно отметить формирование нового признака имени концепта, ‘угроза’, не зафиксированного в англоязычных толковых словарях.

*Donald Trump - Speech on National Security Policy (2017): "We are rebuilding our nation, our confidence, and our standing in the world. We have moved swiftly to confront our **challenges**, and we have confronted them head-on."*

*Donald Trump - The State of the Union Address (2018): 1) "We have faced **challenges** we expected, and others we could never have imagined." 2) "If there is a **challenge**, we tame it." 3) "As we have seen tonight, the most difficult **challenges** bring out the best in America."*

В речах президента Трампа имя концепта *challenge / challenges* сочетается с глаголами *face* и *confront* и соотносится с рядом абстрактных трудностей, проблем, которые необходимо решать. Таким образом, возможным представляется выделить признаки 'необходимость усилий', 'трудность, сложная задача'. Необходимо отметить, что в одном из контекстов реализуются признаки 'достижение успеха' и 'испытание способностей', которые содержат позитивную коннотацию, так как президент Трамп выражает уверенность, что, любая трудность была или будет успешно преодолена, при этом самые сложные проблемы выявляют сильные черты нации.

3. Анализ функционирования имени концепта **вызов** в речах российских президентов

Как уже отмечалось, в российском политическом дискурсе возрастает частотность использования имени концепта **вызов**. Для анализа функционирования имени концепта были отобраны 10 речей российских президентов, имеющиеся в свободном доступе в базе сайта kremlin.ru. На этапе анализа дефиниций лексемы **вызов** в толковых словарях русского языка нами были выделены концептуальные признаки: 'призыв'; 'приглашение'; 'требование'; 'состязание'; 'внешнее проявление готовности к борьбе'; 'проблема'. Рассмотрим, какие из данных признаков актуализируются в речах российских президентов.

*Дмитрий Медведев - Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (2008): «Уверен, что мы справимся со всеми трудностями и уже в ближайшем будущем сформируем современную самостоятельную финансовую систему, способную противостоять любым внешним **вызовам** и обеспечить стабильное решение собственных задач.»*

*Дмитрий Медведев - Заявление для прессы по итогам саммита БРИК (2010): «Мы говорили о том, как нам противодействовать другим глобальным **вызовам**, с которыми сталкивается сегодня человечество, включая и международный терроризм, борьбу с организованной преступностью, противодействие незаконному обороту наркотиков.»*

В данных контекстах имя концепта **вызов** содержит негативную коннотацию, на что указывают глаголы *противостоять* и *противодействовать* (чему-либо негативному). По нашему мнению, на примере этих контекстов можно проследить расширение структуры имени концепта **вызов** и формирование признака 'угроза'.

*Дмитрий Медведев - Выступление на заседании коллегии ФСБ (2011): «Нашему обществу и нашему государству брошен очередной очень жестокий **вызов**. Думаю, для всех, сидящих в этом зале, это особенно очевидно. Как очевидно и то, что нужно сделать всё для того, чтобы бандиты, совершившие это преступление, были выявлены, изобличены и преданы суду.»*

В данном случае используется устойчивое словосочетание, стертая метафора (бросить перчатку - бросить вызов), т.е. вызвать на дуэль, поединок, поэтому в данном случае можно говорить об актуализации устаревшего значения лексемы **вызов**. В контексте современного политического дискурса данное словосочетание можно интерпретировать как «внешнее проявление стремления вступить в конфликт» [Активный словарь русского языка, 2014].

*Владимир Путин - Выступление на заседании Российско-армянского межрегионального форума (2013): «Принципиально новым явлением становится конкуренция национальных юрисдикций в этой связи. Теперь предприниматели стран Таможенного союза могут выбирать место регистрации своих компаний. Для государственных органов это **вызов**, это стимул создавать комфортные условия ведения бизнеса.»*

Имя концепта **вызов** в речи В. В. Путина используется наряду с уточняющей его значение лексемой *стимул* и приобретает позитивную коннотацию. На данном

примере можно наблюдать расширение признаковой структуры концепта за счет появления признака 'новизна задачи', характерного для концепта *challenge* и не зафиксированного в словарях русского языка.

Владимир Путин – Выступление на саммите Форума стран – экспортёров газа (2015): «Это открывает большие возможности для наращивания производства и экспорта газа и одновременно представляет серьёзный **вызов**, потому что понадобится кардинально ускорить освоение новых месторождений, модернизировать перерабатывающие мощности, расширить газотранспортную инфраструктуру – ввести в строй дополнительные трубопроводы и наладить разветвлённые маршруты поставок сжиженного природного газа».

В данном контексте также реализуется концептуальный признак 'новизна задачи', причем просматривается его трансформация в признак 'стимул для развития чего-либо', доказательством чему выступают поясняющие глаголы: ускорить, модернизировать, расширить, ввести в строй, наладить.

Владимир Путин – Статья «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» (2017): «Ещё один **вызов**, требующий совместного реагирования всех партнёров по АТР, – это предупреждение и ликвидация последствий природных катаклизмов и техногенных аварий, эпидемий и пандемий».

Анализ приведенного контекста показывает, что выделяется признак 'необходимость усилий' для устранения негативных явлений и ситуаций, на что указывают отглагольные существительные предупреждение и ликвидация.

Владимир Путин – Выступление перед участниками Форума действий Общероссийского народного фронта (2017): 1) «Мы должны достойно ответить на судьбоносные, исторические **вызовы**. Какие? Это – сбережение и приумножение нашего народа. Это – создание новой экономики. Развитие Арктики, Дальнего Востока, Сибири, да всех регионов нашей огромной страны». «Наконец, это **вызов** будущего – настоящий переворот в медицинских технологиях, в самих технологиях как таковых в широком смысле этого слова».

В контексте данной речи имя концепта *вызов* приобретает исключительно положительные коннотации. Просматривается актуализация признаков 'новизна задачи' 'достижение успеха', а также 'важность задачи'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в 10 речах американских президентов установлено 33 случая использования имени концепта *challenge*, в 10 речах российских президентов – 12 случаев использования имени концепта *вызов*. Концептуальные признаки имени концепта *challenge*, которые наиболее часто объективируются в изученном материале – это 'трудность, проблема' (27 раз), 'необходимость усилий' (12 раз). Единичными случаями актуализации концептуальных признаков, зафиксированных в лексикографии, являются 'достижение успеха' и 'испытание способностей'. Признаки 'призыв', 'приглашение', 'состязание', 'постановка под сомнение', 'новизна задачи', и 'получение удовольствия' в данных речах не реализуются. Нами отмечено формирование концептуального признака 'угроза', не зафиксированного в англоязычных толковых словарях. Анализ речей российских президентов показал, что признаки, выявленные на основе анализа лексикографических источников русского языка, практически не обнаруживаются в изучаемых текстах. В политическом дискурсе концепт *вызов* активно расширяет признаковую структуру. Изученный материал приводит к выводу о формировании новых признаков: 'угроза', 'стимул для развития чего-либо', 'важность задачи'. Часть концептуальных признаков, по-видимому, появляется под влиянием концепта

challenge, а именно, 'необходимость усилий', 'новизна задачи', 'достижение успеха'. В целом, структура концепта *challenge* более статична, а структура концепта *вызов* – динамична. В заключение нужно отметить, что представленное в данной публикации исследование функционирования имен концептов *challenge* и *вызов* в речах американских и российских президентов является фрагментарным, поэтому его перспективы мы видим в дальнейшем изучении функционирования данных концептов в политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 2. – 736 с.
2. Богоявленская, Ю. В. «Политическая лингвистика»: обзор сопоставительных исследований / Ю. В. Богоявленская // Сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 286-296.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2010. – 1357 с.
6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
7. Шакин, П. В. Вызов в современной русской лексикографической и дискурсивной практике: к вопросу об импорте концепта «вызов» / П. В. Шакин // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2016. – № 2. – С. 289-295.
8. Шестаков, В. П. Американская культура: в поисках национальной идентичности (часть 2) [Электронный ресурс] / В. П. Шестаков // Культурологический журнал. – 2013. – № 1 (11). – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/183.html&j_id=13 (дата обращения: 10.02.2018).
9. CD – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.02.2018).
10. MD – Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 14.01.2018).
11. OD – Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.02.2018).
12. LDAE – Longman Dictionary of American English [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.longmandictionariesusa.com/> (дата обращения: 15.02.2018).

Источники материала

13. Президент России: [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 15.02.2018).
14. American Rhetoric: The Power of Oratory in the United States: [сайт]. – URL: <http://americanrhetoric.com> (дата обращения: 12.02.2018).
15. Donald Trump Complete: Best Tweets, Speeches, Policies: [сайт]. – URL: <https://factba.se/> (дата обращения: 17.02.2018).
16. The White House: [сайт]. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov> (дата обращения: 12.02.2018).

REFERENCES

1. Aktivnyy slovar' russkogo yazyka / Rossiyskaya akad. nauk, In-t russkogo yaz. im. V. V. Vinogradova; otv. red. Yu. D. Apresyan. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. – T. 2. – 736 s.
2. Bogoyavlenskaya, Yu. V. «Politicheskaya lingvistika»: obzor sopostavitel'nykh issledovaniy / Yu. V. Bogoyavlenskaya // Sopostavitel'naya lingvistika. – 2016. – № 5. – S. 286-296.
3. Karasik, V. I. Yazykovye klyuchi / V. I. Karasik. – M.: Gnozis, 2009. – 406 s.
4. Leontovich, O. A. Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: monografiya / O. A. Leontovich. – M.: Gnozis, 2005. – 352 s.
5. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / S. I. Ozhegov; pod red. L. I. Skvortsova. – 26-e izd., ispr. i dop. – M.: Oniks, 2010. – 1357 s.
6. Ushakov, D. N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Ushakov – M.: Adellant, 2013. – 800 s.
7. Shakin, P. V. Vyzov v sovremennoy russkoy leksikograficheskoy i diskursivnoy praktike: k voprosu ob importe kontsepta «vyzov» / P. V. Shakin // Ural'skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya. – 2016. – № 2. – S. 289-295.

8. Shestakov, V. P. Amerikanskaya kul'tura: v poiskakh natsional'noy identichnosti (chast' 2) [Elektronnyy resurs] / V. P. Shestakov // Kul'turologicheskiy zhurnal. - 2013. - № 1 (11). - URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/183.html&j_id=13 (data obrashcheniya: 10.02.2018).
9. CD - Cambridge Dictionary [Elektronnyy resurs]. - URL: <http://dictionary.cambridge.org> (data obrashcheniya: 15.02.2018).
10. MD - Macmillan Dictionary [Elektronnyy resurs]. - URL: <http://www.macmillandictionary.com> (data obrashcheniya 14.01.2018).
11. OD - Oxford Dictionary [Elektronnyy resurs]. - URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (data obrashcheniya: 15.02.2018).
12. LDAE - Longman Dictionary of American English [Elektronnyy resurs]. - URL: <http://www.longmandictionariesusa.com/> (data obrashcheniya: 15.02.2018).
13. Prezident Rossii: [sayt]. - URL: <http://kremlin.ru> (data obrashcheniya: 15.02.2018).
14. American Rhetoric: The Power of Oratory in the United States: [sayt]. - URL: <http://americanrhetoric.com> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
15. Donald Trump Complete: Best Tweets, Speeches, Policies: [sayt]. - URL: <https://factba.se/> (data obrashcheniya: 17.02.2018).
16. The White House: [sayt]. - URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov> (data obrashcheniya: 12.02.2018).

УДК 811.161.1'373:811.111'373

ББК Ш141.12-36+Ш143.21-36

Е. Ю. Пономарева, А. С. Павлюк

Тюмень, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ВЕРХНЯЯ КОНЕЧНОСТЬ»

АННОТАЦИЯ. Данное исследование проведено в рамках когнитивного подхода и посвящено изучению концептуализации фразеологических единиц с соматическим компонентом «верхняя конечность» в русском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена современным подходом к изучению языковых единиц и явлений с точки зрения когнитивной лингвистики – научной парадигмы, учитывающей не только структуру языка, но и его связь с человеческим мышлением, что позволяет говорить о различиях и сходствах языковых личностей, принадлежащих к разным лингвокультурным обществам. Цель исследования – выявление особенностей концептуализации идиом с соматическим компонентом «верхняя конечность» в русском и английском языках на основе двух выборок фразеологизмов. Исследование основано на сравнительно-сопоставительном методе и системном подходе; использовались приёмы специализированных лингвистических методов компонентного и когнитивного анализа. В результате исследования были установлены как лежащие на поверхности различия в восприятии деления верхней конечности на отсеки в русском и английском языках, так и более глубокие различия в когнитивной картине мира русских и английских языковых личностей, связанные с непохожим осмыслением верхней конечности и её функций. Кроме того, подтверждено существование двух основополагающих начал любого фразеологизма – универсального и национально-культурного компонентов, состоящих одновременно в отношениях взаимодополнения и противопоставления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, концептуализация, когнитивная метафора, фразеологизм, соматический компонент.

Сведения об авторах: Павлюк Анна Сергеевна, студент 4 курса, Институт социально-гуманитарных наук, направление «Лингвистика», Тюменский государственный университет, адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова 10; e-mail: anyapavluk@gmail.com.

Пономарева Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова 10; e-mail: elurpon@gmail.com.

E. Y. Ponomareva, A. S. Pavlyuk

Tyumen, Russia

CONCEPTUALIZATION OF REALITY BY MEANS OF RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY WITH THE SOMATIC COMPONENT “THE UPPER LIMB”

ABSTRACT. This research has been conducted within the framework of the cognitive approach and is dedicated to the studying of idioms with the somatic component “the upper limb” in the English and Russian languages. The importance of the research is accounted for a modern scientific demand for studying linguistic units and phenomena with regard to a new scientific paradigm in linguistics that explores linguistic units and phenomena in connection with human cognition, instead of dealing with a language as a mere system of signs, which allows comparing linguistic identities belonging to different linguocultural communities. The aim of this work is comprised in the identification of peculiarities associated with the conceptualization of idiomatic phraseology with the somatic component “the upper limb” in Russian and English on the basis of two selections of phraseological units. This research employs the comparative method and the systematic approach alongside the techniques of special linguistic methods, such as the componential analysis and the cognitive analysis. The results of the research revealed both evident differences in the perception of the upper limb division into segments and less self-explanatory differences in the cognitive worldview of Russian and English linguistic identities, connected with the dissimilar comprehension of the upper limb and its functions. Furthermore, systematic linguistic and conceptual analysis helped to identify universal and culturally specific components of the idioms under study.

KEY WORDS: concept, conceptualization, cognitive metaphor, phraseological unit, somatic component.

About the authors: *Anna Pavlyuk, a fourth-year linguistics student at the English Language Department, Tyumen State University, Tyumen, Russia; e-mail: anyapavlyuk@gmail.com.*

Elena Ponomareva, PhD in Philology, Associate Professor of the English Language Department, Tyumen State University, Tyumen, Russia; e-mail: elurpon@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению концептуализации действительности посредством соматической фразеологии на материале идиом русского и английского языка с компонентом «верхняя конечность».

Исследование концептуализации действительности в рамках когнитивного подхода в лингвистике проводилось многими отечественными и зарубежными учёными, такими как Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Дж. Лакофф и М. Джонсон. Изучением фразеологии русского и английского языка занимались такие учёные, как В. В. Виноградов, А. В. Кунин, В. Н. Телия, Н. М. Шанский.

Цель работы – выявление особенностей концептуализации идиом с соматическим компонентом «верхняя конечность» в русском и английском языках.

Актуальность данной проблемы определяется специфичностью процессов концептуализации действительности в разных лингвокультурах. Язык является одним из наиболее достоверных источников изучения процессов и результатов концептуализации и категоризации как способов организации информации о мире в коллективном и индивидуальном сознании. Согласно Н.Н. Болдыреву, язык выполняет три основные функции: когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую, что подтверждается существованием трех основных систем языковой концептуализации и категоризации мира: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей [Болдырев 2015: 6-7]. Фразеологические единицы являются наиболее информативными лексическими единицами, выполняющими когнитивно-репрезентативную функцию языка, так как в их структуре отражена специфика мышления тех или иных лингвокультурных сообществ.

Сравнение процессов концептуализации посредством фразеологии может помочь определить сходства и различия в метафорической репрезентации соматического компонента «верхняя конечность» в русской и английской лингвокультурах. Кроме того, взаимообуславливающий характер языка и мышления позволит взглянуть на исследование с иного ракурса: концептуализация данного соматического компонента во фразеологизмах может также способствовать выявлению мыслительных особенностей русской и английской языковых личностей. В перспективе этот лингвокультурный аспект может сделать вклад в более глубокое понимание термина «национальный характер».

Всё это, в свою очередь, способствует более полному и верному пониманию смысла фразеологических единиц с соматическим компонентом «верхняя конечность» и подбору при переводе с английского на русский язык и наоборот более подходящих аналогов.

1. Концептуализация фразеологизмов

Рассмотрим более подробно понятия «фразеологизм» и «концептуализация», учитывая такие факторы, как собственно лингвистический и экстралингвистический, куда входят также культурологический и когнитивный аспекты.

С точки зрения традиционного подхода к изучению языка, фразеологизм (греч. *phrasis* – выражение, оборот речи) – это словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова [Ахманова 2004].

В рамках когнитивного подхода фразеологизм называют потенциальным эквивалентом слова, ведь он представляет собой неоднозначное понятие, выражающееся в речи при помощи нескольких лексем, что значит, что за отдельным фразеологизмом стоит определённый концепт (некий «квант» знания

[Кубрякова 1997: 89-93] и когнитивный слепок и оттиск объекта действительности со сложной структурой [*Розенталь, Теленкова 1985*]), как и за внешней формой отдельного слова, способного входить в свободные словосочетания [Кунин 1996: 8]. Необходимо отметить, что концепт – это ключевое понятие для культуры, к которой приобщена языковая личность, семантическое, многомерное, универсальное образование, скорее переживаемое, а не мыслимое носителем языка: понятие в совокупности с социо-психо-культурной частью, ему сопутствующей [Маслова 2004: 26-30]. Принимая во внимание социо-психо-культурное значение концепта, стоящего за тем или иным фразеологизмом, мы приходим к выводу, что изучение когнитивного наполнения фразеологизмов способствует лучшему пониманию культуры языковой общности.

Можно говорить сразу о нескольких концептуальных явлениях, свойственных фразеологизмам. Во-первых, стоит упомянуть о десемантизации отдельных слов фразеологической единицы, то есть о явлении потери собственного значения отдельными словами [Ахманова 2004: 124]. Степень десемантизации также выступает в роли одного из критериев для классификации фразеологических единиц по степени их неразложимости [Виноградов 1977: 140-161]. Чем выше степень десемантизации, тем более сращенной является фразеологическая единица.

Во-вторых, явление десемантизации отдельных элементов фразеологической единицы приводит к выводу о том, что фразеологизмы по своей природе метафоричны, если понимать метафоричность не в терминах, присущих традиционному литературоведению, а в терминах когнитивной лингвистики, где речь идёт о концептуальных метафорах [Lakoff, Johnson 1980]. Десемантизируясь, то есть теряя свои прямые лексические значения, лексемы подвергаются процессу метафоризации, так как элементы фразеологической единицы вместе обретают новое, уже не прямое значение. Лексемы выступают материалом, который заимствуется из сферы-источника, чтобы выразить концепт, являющийся сферой-целью.

В-третьих, метафоризация, происходящая в процессе образования фразеологизма, создаёт концептуальные метафоры, имеющие основания в вещественном мире, воспринимаемом человеком определенным образом, иными словами, имеющие эмпирические основания.

Соматический компонент «верхняя конечность» во фразеологизмах ведёт себя тем же самым образом: в определённой степени десемантизируется, а затем совместно с другими компонентами фразеологизма проходит процесс метафоризации, где сам компонент является термином сферы-источника, а выражаемый концепт – сферой-целью. При этом такая метафора всегда будет иметь эмпирическое основание, а соматический компонент, пусть и в составе фразеологической единицы, не только является тем, с помощью чего осмысливается сфера-цель, но и сам берет на себя явные или имплицитные коннотативные оттенки значения в процессе исторического развития языка и культуры.

Концептуализация представляет собой определенный способ интерпретации мира и знаний о мире, которые структурируются в виде концептов, в том числе метафорических концептов (будь то структурные, пространственные или онтологические метафоры), и всех сопряженных с ними структур в психике субъекта в процессе познания действительности, поэтому концепт может считаться единицей знания [Жеребило 2010: 165]. Согласно Н.Н. Болдыреву, сам факт выделения разных типов концептов и репрезентирующих их языковых средств, в каком бы виде их типология ни представлялась в работах самых различных ученых – представителей разных лингвистических направлений является определенным способом интерпретации мира и знаний о мире [Болдырев 2015: 5].

Изучение концептуализации действительности посредством фразеологизмов имеет большое значение в рамках исследования национально-культурной специфики, присущей разным языковым личностям. По мнению В.Н. Телии, фразеологизируются в языке образные выражения, имеющие особое значение для концептуальной картины мира носителей языка, что позволяет говорить о том, что в речи фразеологизмы воспроизводят тот или иной лингвокультурологический менталитет. Такой эффект носит название культурно-языковой соотносительности

и выявляет коннотативно-культурологическую функцию фразеологизмов, заключающуюся в воплощении культурно значимых ассоциаций во фразеологизме, постигающихся в бессознательном или осознанном процессе интерпретации образов [Телия 1996: 214-237].

2. Соматический компонент «верхняя конечность» в русском и английском языках

Части тела в русском и английском языке различаются по охватываемым ими понятиям: в английском языке конечности не мыслятся единым целым, как в русском языке. Англичане выделяют кисти рук и верхнюю часть руки от запястья до плечевого сустава («hand» и «arm» соответственно), не имея бытового названия для всей руки целиком и называя её не иначе как «the upper limb», то есть верхней конечностью, при особой необходимости, которая, как правило, не ощущается при повседневном общении. К тому же, в русском и английском языке сильно разнятся слова для обозначения пальцев. В русском языке пальцы ног и пальцы рук не представлены отдельными лексическими единицами, поэтому носитель русского языка насчитывает 20 пальцев на человеческих конечностях. В английском языке, во-первых, пальцы ног и рук именуется по-разному («toes» и «fingers»), а во-вторых, в некоторых словарях, например, в онлайн-словаре Oxford Learner's Dictionaries, большой палец «thumb» противопоставляется остальным четырем пальцам руки и не включается в понятие «fingers» (но в скобках указано, что вариант включения все-таки возможен) [Oxford Learner's Dictionaries URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/finger_1?q=finger].

Ситуация несколько отличается в онлайн-словаре Cambridge Dictionaries Online, где «thumb» однозначно включается в понятие «fingers» [Cambridge Dictionaries Online URL: http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/finger_1]. В англоязычной Википедии указывается, что «digits» (научный термин для всех пальцев тела человека и других приматов в английском языке) на верхних конечностях – это «the thumb, followed by index finger, middle finger, ring finger, and little finger or pinky». При этом, согласно разным классификациям, «thumb» может как относиться, так и не относиться к «fingers» [Wikipedia URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Finger>]. Интересно, что с точки зрения этимологии, «thumb» все-таки следует считать «finger», так как слово «finger» восходит к праиндоевропейскому **pénkʷe* – «пять» [Wiktionary URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/finger>], но традиция сложилась иначе.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что в английском языке существует более подробное деление конечностей человека на отдельные сегменты, выраженное с помощью большего набора отдельных лексем. Необходимо уделить особое внимание тому, что речь идёт именно об общеупотребительных лексических единицах, а не о научных терминах, поэтических названиях частей тела или о лексемах со сниженной стилистической окраской.

3. Результаты исследования

В данной статье представлены 20 английских и 20 русских фразеологических единиц с соматическим компонентом «верхняя конечность». Источником английских фразеологизмов послужил онлайн-словарь Oxford Learners' Dictionaries [Oxford Learners' Dictionaries URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]. Русские фразеологизмы подбирались с помощью фразеологических словарей под редакцией Е. А. Быстровой, А. И. Молоткова, Е. Н. Телии, И. В. Федосова [Быстрова 1984; Молотков 2006; Телия 2010; Федосов 2003]. Выбор данных фразеологических единиц осуществлялся на основании наличия соматизмов в составе фразеологической единицы, относящихся к верхней конечности. В данной статье представлены наиболее частотные фразеологические единицы с компонентом «верхняя конечность», зафиксированные в словарях. Все единицы были разбиты на группы по упомянутым в них соматическим компонентам, при этом русские и английские единицы были противопоставлены. Результаты исследования представлены в Таблице 1.

Концепты выделялись при помощи анализа словарных дефиниций лексем, который включает в себя приёмы компонентного анализа. Так как фразеологические единицы в подавляющем большинстве случаев имеют

единственное толкование в словарной статье, то есть обладают единственным лексическим значением в силу своей метафорической специфичности, анализ словарной дефиниции каждого фразеологизма из выборки был наиболее оптимальным методом, позволяющим определить концепт, стоящий за фразеологизмом. При помощи словарной дефиниции осуществлялось выделение компонентов лексической структуры фразеологизма – сем. Во внимание принимались как ядерные дифференциальные семы, так и архисемы, на основании которых выводилась их сумма – сам концепт, стоящий за фразеологической единицей.

В качестве примера рассмотрим фразеологизм «a rule of thumb», словарная дефиниция которого выглядит следующим образом в онлайн-словаре Oxford Learners' Dictionaries [Oxford Learners' Dictionaries URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]:

a rule of thumb

a practical method of doing or measuring something, usually based on past experience rather than on exact measurement

В данном определении архисемой является «a method», а ядерными дифференциальными семами выступают «measuring something» и «based on past experience». Вместе данные семы составляют значение фразеологизма и относятся к концепту «опыт».

Таблица 1. Классификация фразеологических единиц по соматическому компоненту «верхняя конечность» с указанием общих концептуальных значений фразеологизмов.

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ (АФ)	КОНЦЕПТЫ АФ	КОНЦЕПТЫ РФ	РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ (РФ)
UPPER LIMBS/ВЕРХНИЕ КОНЕЧНОСТИ			
Arms			рукой подать
with open arms	<i>Доброта, дружелюбие</i>	<i>Близость</i>	подвернуться под руку
the long arm of something	<i>Власть над кем-то, чем-то</i>	<i>Нежелание</i>	рука не поднимается
to twist somebody's arm		<i>Агрессия, насилие</i>	поднять руку на кого- то
Wrists		<i>Умелость</i>	мастер на все руки
a slap on the wrist	<i>Запрет</i>	<i>Скорость</i>	на скорую руку
Hands		<i>Согласие</i>	ударить по рукам
to tie somebody hand and foot	<i>Власть над кем-то, чем-то</i>	<i>Власть над кем-то, чем-то</i>	связать по рукам и ногам
to have somebody in the palm of your hand		<i>Воля</i>	взять себя в руки
to fall into somebody's hands			
a firm hand			
to live (from) hand to mouth	<i>Пропитание</i>		
Elbows		Локти	
elbow room	<i>Просторность</i>	<i>Товарищество</i>	чувство локтя

to give somebody the elbow	<i>Отказ</i>	<i>Огорчение</i>	кусать локти
<i>Fingers and thumbs</i>		<i>Пальцы</i>	
finger in the air	<i>Глупость, безрассудство</i>	<i>Глупость, безрассудство</i>	попасть пальцем в небо
(not) to lay a finger on somebody	<i>Агрессия, насилие</i>	<i>Агрессия, насилие</i>	пальцем (не) тронуть
a rule of thumb	<i>Опыт и неопытность</i>	<i>Опыт и неопытность</i>	знать как свои пять пальцев
to have sticky fingers	<i>Обман</i>	<i>Обман</i>	высосать из пальца
under somebody's thumb	<i>Власть над кем-то, чем-то</i>		обвести вокруг пальца
not to lift/raise a finger	<i>Лень</i>	<i>Лень</i>	палец о палец не ударить
to let something slip through your fingers	<i>Пренебрежение</i>	<i>Пренебрежение</i>	смотреть сквозь пальцы
to have a finger in every pie	<i>Любопытство</i>	<i>Проницательность и хитрость</i>	палец в рот не клади
to be all thumbs	<i>Неуклюжесть</i>	<i>Аппетит и вкус</i>	пальчики оближешь

Итак, в результате анализа было установлено, что 60 % проанализированных фразеологизмов с компонентом «верхняя конечность» в русском языке и 40% проанализированных фразеологизмов с компонентом «upper limb» в английском языке не имеют концептуальных эквивалентов. Например, фразеологизмы «a slap on the wrist» и «ударить по рукам», несмотря на то, что содержат в себе семантически похожие лексемы «a slap» и «ударить», выражают антонимические концепты «запрет» и «согласие». «To have somebody in the palm of your hand» и «подвернуться под руку», будучи похожи во внешней языковой форме идеей, что тот или иной объект содержится либо в руке, либо под ней, также выражают совсем не похожие концепты «власть над кем-то, чем-то» и «близость». Исключением являются фразеологизмы с компонентом «пальцы», относящиеся к концептам «глупость, безрассудство», «агрессия, насилие», «опыт и неопытность», «обман», «лень» и «пренебрежение», где, как видно из Таблицы 1, процент смысловых совпадений очень высок. Например, лень обнаруживается у того индивида, что не способен совершить какое бы то ни было движение пальцем (ср. «not to lift/raise a finger» и «палец о палец не ударить»), а пренебрежение прочно ассоциируется с промежутками между пальцами рук (ср. «to let something slip through your fingers» и «смотреть сквозь пальцы»).

Можно также отметить, что разные части верхних конечностей в английском языке нередко выражают значение власти над кем-то или чем-то. Власть иногда является не только собственной властью индивида-обладателя части тела, но и чужой властью над индивидом, например, во фразеологизме «a slap on the wrist», за которым в целом стоит концепт «запрет». В русском языке тоже есть аналогичные фразеологизмы с концептом «власти над кем-то, чем-то» (примером может послужить фразеологизм «связать по рукам и ногам»), но их значительно меньше, в то время как концепт власти для фразеологизмов с верхней конечностью занимает значительную долю английской части таблицы (7 фразеологизмов с данным концептуальным значением).

В русском языке лексема «руки» часто используются во фразеологизмах, содержащих в себе значение сподручности, то есть чего-то близкого, удобного, что влечёт за собой легкое и скорое обращение с предметом (в качестве примеров можно привести концепты «умелость», «согласие», «скорость»). Несмотря на это,

иногда в русском языке руки могут быть связаны и с агрессивным поведением, а также с проявлением воли, хотя эта воля, в отличие от свойственной английским фразеологизмам воли решать за кого-то и управлять кем-то, является волей человека, которую он направляет конкретно на себя. Можно отдельно сравнить фразеологизмы «взять *себя* в руки» и «to have *somebody* in the palm of your hand», которые ярко демонстрируют это различие.

Особое внимание стоит уделить концепту близости, выражаемому русскими фразеологизмами с частями верхней конечности, принимая во внимание не только близость в физическом, пространственном отношении, но и духовную близость. Примером может послужить то, что «локоть» используется во фразеологизме «чувство локтя» со стоящим за ним концептом «товарищество». К тому же, близость может быть недостижимой, обманчивой, как во фразеологизме «кусать локти», хоть и выражающем в целом «огорчение», но несущем в себе некоторую долю значения «близости». В это время в английском языке «локоть», напротив, символизирует комфортное для индивида расстояние, не слишком близкое к другим людям. Интересно отметить то, что следы концепта «огорчение» можно обнаружить и в английском фразеологизме с локтем: «give the elbow» означает то, что человек говорит кому-то то, что он хочет прекратить с ним всякие отношения, что также является чем-то не очень приятным и огорчающим.

Несмотря на то, что не все значения фразеологизмов с лексемой «пальцы»/«fingers» совпадают в русском и английском языках, совпадений достаточно много: их можно обнаружить в 6 случаях из 9, что составляет примерно 66%. Интересно и то, что пальцы во фразеологизмах с этой частью тела ассоциируются с негативными концептами, такими как «глупость», «агрессия», «пренебрежение», «обман», «хитрость», «лень», «неуклюжесть», назойливое «любопытство» или предполагающая подавление чужой воли «власть». Исключением является только концепт «опыт» в обоих языках, а также концепт «вкус» в русском языке.

Верхняя конечность в английском языке относится к области властного, управляющего чем-то, способного регулировать расстояние; и даже фразеологизм «with open arms», выражающий дружелюбие, может быть косвенно отнесен к концепту власти, так как индивид регулирует расстояние от приближающегося человека или объекта к нему самому, проявляя дружелюбие к последним и заинтересованность в них. В русском языке верхняя конечность выражает такие концепты, как «близкий», «свой», «понятный»; даже широко употребляющийся фразеологизм «рука не поднимается», за которым стоит концепт «нежелание», говорящий чаще всего использует по отношению к себе. Фразеологизмы с лексемой «пальцы»/«fingers» в обоих языках в более чем 50% случаев выражают похожие негативно окрашенные концепты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепты, выражаемые фразеологизмами с одним и тем же соматическим компонентом «верхняя конечность», могут сильно различаться вследствие исторических и национально-культурных особенностей развития языка. Однако идиомы с соматическим компонентом «верхняя конечность» встречаются в обоих языках, что позволяет говорить о сходствах в концептуализации действительности русской и английской языковыми личностями. Любой соматический компонент, а не только «верхняя конечность», – это культурная универсалия, неотъемлемая часть лексического фонда лингвокультурного сообщества, которую активно используют в метафорической концептуализации действительности посредством фразеологических оборотов.

Таким образом, мы можем наблюдать столкновение двух противоположных сил: национально-культурной и исторической специфики, присущей языкам, и культурных универсалий, которыми в данном случае являются сами части тела человека, в том числе и верхняя конечность со всеми её сегментами.

Английская культурная специфика выражается в том, что рука относится к сфере власти и контроля, а русская культурная специфика – в том, что рука принадлежит сфере близости, сподручности. Пальцы в обоих языках в большинстве случаев употребляются во фразеологизмах с негативной окраской, выражающих такие концепты, как «глупость», «безрассудство», «агрессия», «насилие», «лень»,

«обман», «пренебрежение».

Проведённый комплексный лексико-семантический и концептуальный анализ соматизмов русского и английского языков с компонентом «верхняя конечность» позволил выявить универсальные и национально-специфические особенности концептуализации действительности в данных языках.

В дальнейшем планируется более обширное исследование соматизмов, включающих различные части тела, и их сопоставление на материале большего количества языков с целью выявления универсальных и культурно обусловленных механизмов концептуализации действительности посредством фразеологии. Практическая значимость дальнейшего исследования заключается в возможности составления сопоставительного словаря фразеологических единиц с соматическим компонентом с перспективой его пополнения, расширения и последующего применения в учебных пособиях по английскому языку. Кроме того, результаты исследования на материале такой универсалии, как соматизм, помогут выявить когнитивные модели образного мышления в рамках различных языков и культур, что может способствовать улучшению качества машинного перевода фразеологических единиц, основанных на переносах значений и, следовательно, представляющих трудности при переводе с одного языка на другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5-12.
3. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся национальных школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Ленинград: «Просвещение», 1984. – 271 с.
4. Виноградов, В. В. Фразеология. Семасиология / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
5. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов: 5-е издание, исправленное и дополненное / Т. В. Жеребило. – Назрань: Издательство «Пилигрим», 2010. – 486 с.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 1997. – С. 89-93.
7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е издание, переработанное / А. В. Кунин. – М.: «Высшая школа»; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. – 381 с.
8. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е издание, исправленное и дополненное / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
10. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка, издание 2-е, стереотипное / В. Н. Телия. – М.: АСТ-Пресса Книга, 2010. – 784 с.
11. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
12. Федосов, И. В. Фразеологический словарь русского языка / И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий. – М.: «ЮНВЕС»; ООО «Ладья-Бук», 2003. – 608 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 7-е изд-е, испр. – М.: Астрель. АСТ, 2006. – 525 с.
14. Cambridge Dictionaries Online: the entry "finger". Available at: http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/finger_1
15. Lakoff G. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago-London: The University of

- Chicago Press. 242 p.
16. Oxford Learner's Dictionaries. Available at: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
 17. Oxford Learner's Dictionaries: the entry "finger". Available at: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/finger_1?q=finger
 18. Wikipedia, The Free Encyclopedia: the entry "finger". Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Finger>
 19. Wiktionary - a wiki-based open content dictionary: the entry "finger". Available at: <https://en.wiktionary.org/wiki/finger>

REFERENCES

1. Akhmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. - 2-e izd., ster. - M.: URSS: Editorial URSS, 2004. - 571 s.
2. Boldyrev, N. N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinit'sakh i kategoriyakh / N. N. Boldyrev // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. - 2015. - № 1. - S. 5-12.
3. Bystrova, E. A. Uchebnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: posobie dlya uchashchikhsya natsional'nykh shkol / E. A. Bystrova, A. P. Okuneva, N. M. Shanskiy. - Leningrad: «Prosveshchenie», 1984. - 271 s.
4. Vinogradov, V. V. Frazeologiya. Semasiologiya / V. V. Vinogradov // Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannyye trudy. - M.: Nauka, 1977. - S. 140-161.
5. Zherebilo, T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov: 5-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / T. V. Zherebilo. - Nazran': Izdatel'stvo «Piligrim», 2010. - 486 s.
6. Kubryakova, E. S. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina; pod obshchey redaktsiey E. S. Kubryakovoy. - M.: Filologicheskiy fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 1997. - S. 89-93.
7. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. 2-e izdanie, pererabotannoe / A. V. Kunin. - M.: «Vysshaya shkola»; Dubna: Izdatel'skiy tsentr «Feniks», 1996. - 381 s.
8. Maslova, V. A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie / V. A. Maslova. - Minsk: TetraSistems, 2004. - 256 s.
9. Rozental' D. E., Telenkova, M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. 3-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / D. E. Rozental' , M. A. Telenkova. - M.: Prosveshchenie, 1985. - 399 s.
10. Teliya, V. N. Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka, izdanie 2-e, stereotipnoe / V. N. Teliya. - M.: AST-Pressa Kniga, 2010. - 784 s.
11. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty / V. N. Teliya. - M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. - 288 s.
12. Fedosov, I. V. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / I. V. Fedosov, A. N. Lapitskiy. - M.: «YuNVES»; ООО «Lad'ya-Buk», 2003. - 608 s.
13. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. L. A. Voynova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov; pod red. A. I. Molotkova. - 7-e izd-e, ispr. - M.: Astrel'. AST, 2006. - 525 s.

УДК 811.111'42:811.161.1'42
ББК Ш143.21-51+ Ш141.12-51

А. В. Хренова
Новокузнецк, Россия

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТОВ *PRESIDENT И ПРЕЗИДЕНТ*

АННОТАЦИЯ. Сегодня ученые как в России, так и за рубежом все чаще обращаются к диахроническим сопоставительным исследованиям в области лингвокультурологии и концептологии. Концепты изменяются по мере познания человеком окружающей действительности, а также под воздействием исторических и социальных процессов, происходящих в обществе. Изучение концептуальных структур на разных исторических этапах в социокультурных контекстах дает возможность определить тенденции их развития и объяснить специфику в настоящий период времени. Целью данной работы было выявление и описание общих закономерностей эволюции понятийных областей концептов *president* и *президент* в американских и российских СМИ в сопоставительном аспекте в периоды мировых экономических кризисов. Источником материала для изучения понятийных признаков концептов послужили газеты: для концепта *president* – «The New York Times» (периоды 1873-1879 гг., 1929-1933 гг., 2008-2012 гг.) и для концепта *президент* – «Московские ведомости» (период 1873-1879 гг.), «Правда» (период 1929-1933 гг.) и «Независимая газета» (период 2008-2012 гг.). В результате анализа языкового материала были выявлены общие тенденции исторического развития концептов. Во-первых, понятийные области концептов пополняются новыми признаками, что обусловлено совокупностью экстралингвистических факторов. Во-вторых, наблюдается постепенная маргинализация ряда признаков и рост значимости такого признака, как 'глава государства'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президент, концепт, понятийные признаки, диахрония, фокусная фрагментация.

Сведения об авторе: Хренова Анна Викторовна, старший преподаватель, кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Сибирский государственный индустриальный университет; адрес: 654007, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42, к. 330; e-mail: nvkz-anna@yandex.ru.

A. V. Khrenova
Novokuznetsk, Russia

GENERAL REGULARITIES OF DEVELOPMENT OF CONCEPTS *PRESIDENT AND ПРЕЗИДЕНТ*

ABSTRACT. Today scientists in Russia and abroad are increasingly turning to contrastive diachronic studies in the field of linguo-culturology and conceptology. Concepts change as people learn about the surrounding world, as well as under the influence of historical and social processes taking place in the society. The study of conceptual structures at different historical stages in socio-cultural contexts makes it possible to determine the trends of their development and explain the specifics in the present period of time. The purpose of this work was to identify and describe the general evolution patterns of the semantic features of the concepts *president* and *президент* in the American and Russian media in the comparative perspective during the periods of world economic crises. The newspapers served as a source of material for the study of semantic features of the concepts: "The New York Times" was used to analyze the concept *president* (the periods 1873-1879, 1929-1933, 2008-2012) and the concept *президент* was considered in "Moskovskiye Vedomosti" (1873-1879), "Pravda" (1929-1933) and "Nezavisimaya Gazeta" (2008-2012). As a result of the analysis of linguistic material the general trends in the historical development of the concepts were revealed. First, the semantic features of the concepts are enriched with new ones due to the influence of extra-linguistic factors. Secondly, there is a gradual marginalization of a number of features and an increase in the significance of such feature as 'head of state'.

KEYWORDS: *president, concept, semantic features, diachrony, focused fragmentation.*

About the author: *Khrenova Anna Viktorovna, senior lecturer of Department of Social and Humanitarian Disciplines, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia.*

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего исследования – выявить общие закономерности развития концептов *president* и *президент* на разных исторических этапах по материалам американских и российских средств массовой информации. Выбор концептов для диахронического анализа не случаен. Концепты *president* и *президент* обладают высокой степенью социальной значимости и коммуникативной релевантности, как для носителей американского английского языка, так и для носителей русского языка. В структуры концептов входят субконцепты *president* и *президент*, которые принадлежат числу ключевых концептов в политическом дискурсе США и России.

Рост внимания к диахроническим исследованиям лингвистов-когнитологов, наблюдаемый в последнее время в России, соответствует общемировым тенденциям в этой области. М. Уинтерс пишет, что хотя синхронические исследования, бесспорно, лидируют, диахронический аспект все чаще становится предметом интереса ученых. В 2007 г. одна из секций Международной конференции по когнитивной лингвистике ICLC 10, г. Краков (Польша), впервые была полностью посвящена вопросам диахронии [Winters 2010: 3]. В качестве примеров приведем некоторые работы зарубежных исследователей, работающих в этом направлении: М.М. Станоевич на материале среднеанглийского языка конструирует диахроническую вариативность интегрированной модели концептуальной метафоры с областью-целью *love*, определяет, какие культурные модели/сценарии связаны с концептом *love*, кто является участником сценариев, какие метафоры/метонимии характерны для рассматриваемых этапов появления культурных моделей/сценариев [Stanojević 2008]; Х. Тиссари использует концептуальную метафору для моделирования концептов *love* (1500-1700 гг., 1700-1961 гг.) [Tissari 2003] и *shame* (1418-1700 гг., 1700-1900 гг., 1900-1991 гг.) [Tissari 2006]; К. Геварт противопоставляет результатам изучения Дж. Лакоффом и З. Ковечешем метафорической модели 'гнев – это жар или жидкость в сосуде', полученной путем исследования современных тезаурусов и интроспекции, результаты моделирования на основе диахронического корпуса древнеанглийского и среднеанглийского периодов. Ученый показывает, что источником концептуализации данной метафоры, которая в свою очередь заимствована из латинского языка, служит не жар, а огонь, и модель получает вид 'гнев – это огонь'. Метафора 'гнев – это жар или жидкость в сосуде' является культурной метафорой, появившейся в среднеанглийском языке под влиянием гуморальной доктрины [Gevaert 2005: 195-208]; М.Х. Чанг занимается описанием метафорических и метонимических преобразований лексем 煞 *shà* «злой дух» и 结果 *jiéguǒ* «плодоносить» (начиная с раннего доклассического китайского языка по настоящее время) [Chang 2015], в южноминьском диалекте китайского языка анализирует эволюцию лексем 爱 *ài* «любить, надеяться» и 欲 *yù* «хотеть, намереваться» (XVI-XIX вв., XIX-XX вв.) [Chang 2009]; А. Мусолфф прослеживает изменения метафорических моделей политики тела и телесности в произведениях писателей Средневековья, XVII в. и XX в. [Musolff 2010]; метафорическому моделированию и сценариям эмоционального концепта *pride* в староанглийском и среднеанглийском посвящено исследование М. Фабисзак и А. Хебда [Fabiszak, Hebda 2010].

1. Методика и материал исследования

Методика исследования концептов *president* и *президент* в диахронии, произведенная выборка конструкций, содержащих лексемы-репрезентанты, представлена в наших более ранних работах (см., например, Хренова 2017, 2016 и др.). В целом понятийная структура концептов в исторической перспективе выстраивается на основе положений Санкт-Петербургской (Кемеровской) школы концептуальных исследований, временные рамки трех синхронных срезов задаются в соответствии с методикой фокусной фрагментации, разработанной в Уральской школе политической метафорологии. Далее более подробно остановимся на материале исследования.

Понятийные признаки концептов исследуются в диахроническом аспекте на материале периодических изданий: концепт *president* – на материале газеты «The New York Times» за последние 140 лет (периоды 1873-1879 гг., 1929-1933 гг., 2008-2012 гг.), общее количество конструкций, содержащих языковые репрезентанты

концепта *president*, 3178; концепт *президент* - на материале газет «Московские ведомости» (период 1873-1879 гг.), «Правда» (период 1929-1933 гг.) и «Независимая газета» (период 2008-2012 гг.) - 2751 конструкций.

«The New York Times» (основана в 1851 г.) обладает репутацией одного из наиболее авторитетного источника информации по вопросам общественно-государственной политики в США. Газете принадлежит особый статус газеты - архива исторических событий Соединенных Штатов [Friel 2004; Mnookin 2004]. «Московские ведомости» - одна из старейших российских газет, заслуживающий доверия исторический источник (издавалась в 1756-1917 гг.) [Дергачева 2008]. Под редакцией М.Н. Каткова с 1863 г. по 1887 г. она представляла собой издание, пользовавшееся большой популярностью в России [Деревягина 2004]. «Правда» (основана в 1912 г.) - орган ЦК КПСС, главная газета СССР. «Независимая газета» (основана в 1990 г.) - российское качественное издание. В рассматриваемый период входит в тройку самых читаемых ежедневных общественно-политических газет [Российский рынок периодической печати 2009; Российская периодическая печать 2011].

Для сравнительного анализа понятийных признаков концептов *president* и *президент* в диахроническом аспекте были выбраны периоды глобальных экономических кризисов: 1873-1879 гг., 1929-1933 гг., 2008-2012 гг. При выборе исторических периодов, необходимо было учесть совокупность следующих факторов:

- Во-первых. Международные экономические кризисы носят всеобщий циклический характер, и вовлеченными оказываются многие страны мира. При условии, что исторически абсолютно идентичных экономических кризисов, с точки зрения их характера развития, существовать не может, тем не менее, представляется возможным выделить их универсальные черты - это сокращение промышленного производства, инфляция, рост уровня безработицы, массовые банкротства, охват обширной территории. Данное обстоятельство позволяет синхронизировать периоды изучения концептов в схожих исторических условиях.

Если брать в качестве отправной точки исследования в диахронии политические кризисы, то мы увидим, что они имеют свои сугубо национальные особенности и соотнести во времени периоды кризисов в США и России оказывается проблематично.

- Во-вторых. В случае возникновения кризисных ситуаций, независимо от того, будь это кризис политический или экономический, роль президента как руководителя государства возрастает многократно. В условиях кризиса, когда требуется безотлагательное принятие решений для минимизации возможных потерь, президент является единственным игроком на политической арене, который способен предложить стратегию выхода из кризиса и сформулировать задачи. В этой связи он становится объектом еще более пристального, чем обычно, внимания средств массовой информации и общественности, так как от его действий зависит будущее страны. Как результат, именно в эти периоды в прессе увеличивается частотность апелляций к нему, и это должно быть учтено при выборе временных промежутков для сопоставления.

- В-третьих. Несмотря на то, что концепты *president* и *президент* относятся к числу ключевых концептов в политическом дискурсе США и России, рассмотрение их в периоды экономических кризисов так же правомерно, как и в периоды кризисов политических.

Обратимся к известному утверждению К. Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс 1955: 447]. Отсюда, условия экономических кризисов предъявляют повышенные требования к функционированию политической системы, заставляя ее

более эффективно решать возникающие проблемы, не допуская роста напряженности и протестов в обществе. Помимо этого, экономическая политика является особой сферой интересов президента, так как ему нужна стабильная экономика для получения поддержки и переизбрания на новый срок. «Общество живо интересуется экономическими вопросами, и, как правило, если экономика работает хорошо, то и у президента все благополучно» [Eshbaugh-Soha, Peake 2005: 128].

2. Общие закономерности эволюции концептов

Исследование фактического материала в диахроническом аспекте, представленного в национальных периодических изданиях «The New York Times», «Московские ведомости», «Правда», «Независимая газета» (периоды 1873-1879 гг., 1929-1933 гг., 2008-2012 гг.) показало, что в ходе эволюции каждый концепт претерпевает ряд свойственных только ему изменений. Вместе с этим можно выделить две тенденции, справедливые как для концепта *president*, так и для концепта *президент*.

Во-первых, понятийные области концептов после их заимствования в английский и русский языки (концепт *president* – заимствован в среднеанглийский период (XI-XIV вв.) [OED Online], концепт *президент* – во времена Петра I в начале XVIII в. [Фасмер 1987: 358]) пополняются новыми признаками в результате совершенствования системы государственного и административного управления и появления новых реалий, например, ‘руководитель коммерческой организации’, ‘руководитель учреждения’, ‘глава государства’, ‘глава органа власти’, ‘руководитель некоммерческого объединения’ и др. Ср.:

- ‘глава государства’ – *The President sent the following nominations to the Senate to-day, most of them being appointments made during the recess of Congress...* (05.12.1878 г.). *The new President sits at the big glass-topped desk in the beautiful oval room which has walled in a succession of Presidents* (26.03.1933 г.). *Речь идет ни более ни менее как о третичном избрании генерала Гранта на президента Соединенных штатов...* (№ 226, сентябрь 1873 г.). *Белый дом (резиденция президента) опубликовал тексты посланий, которыми обменялись президент САСШ Рузвельт и председатель ЦИК ССР Калинин* (22.11.1933 г.).

- ‘глава органа власти’ – *If a count by the President of the Senate could be thus defeated or prevented it could not be declared that any candidate had received the majority of the votes...* (02.01.1877 г.). *President of American Committee on Devastated Region is mourned in Paris* (09.02.1929 г.). *Циркуляр президент Греческого центрального комитета, Булгариса, объявляет Фессалийским и Эпиротским комитетам что пришло время взяться за оружие* (№ 155, июнь 1877 г.). *Это сообщение заставит замолчать всех клеветников, которые по еврейско-марксистскому заказу утверждали во всем мире, что президент рейхстага Геринг сам поджог рейхстаг* (06.06.1933 г.).

- ‘руководитель коммерческой организации’ – *...there appears a statement from the President of the New-York Elevated Railroad that it is proposed to run trains at intervals of one minute...* (07.04.1879 г.). *President of a Silk Corporation dies at the age of 55* (01.01.1929 г.). *27 июня в Лондон вернется член германской делегации на экономической конференции президент Рейхсбанка Шахт* (25.06.1933 г.).

- ‘руководитель учреждения’ – *The inauguration of Rev. Dr. D. Foss as President of Wesleyan University occurred today* (27.10.1875). *A leader in philanthropy served as a President of the West Side Hospital and Dispensary for nearly four decades* (01.10.1932 г.). *В состав comité d'honneur конгресса были включены: генерал-губернатор Туркестанского края, К.П. фонь-Кауфмань, президент Императорской Академии Наук в Петербурге, граф Ф.П. Литке...* (№ 201, август 1875 г.). *В своей речи на митинге рабочих завода «Электросила» президент Всесоюзной академии наук Карпинский заявил...* (31.08.1932 г.).

- ‘руководитель некоммерческого объединения’ – *He was arrested on Tuesday, and, on complaint of James Bough, President of the society was held for examination* (10.02.1876 г.). *James Monroe Hewlett, past president of the Architectural League of New York, was the guest of honor at a dinner...* (30.01.1932 г.). *Актъ былъ открытъ президентомъ Общества Г.Е. Щуровскимъ, и первая рѣчь принадлежала профессору университета, члену Общества и Комитета музея А.П. Богданову* (№ 135, июнь 1877 г.). *Австрийский премьер Шобер был переизбран президентом полицейского*

интернационала (01.12.1929 г.).

Во-вторых, анализ количественного соотношения понятийных признаков концептов выявил динамику увеличения значимости такого признака, как 'глава государства', относящегося к политической сфере, и его абсолютное доминирование в структурах концептов на современном этапе – 88,9% / 92,8%. Данный процесс сопровождается вытеснением остальных понятийных признаков из сферы государственного управления – падает актуальность таких признаков, как 'глава административно-территориального образования', 'глава органа власти', а также признаков, относящихся к экономическим и общественным сферам деятельности: 'руководитель коммерческой организации', 'руководитель некоммерческого объединения'. Динамика изменений процентного соотношения понятийных признаков концептов в трех периодах представлена в таблице 1.

Наиболее частотными признаками концептов *president* и *президент* на современном историческом этапе выступают: 'глава государства', 'руководитель некоммерческого объединения', 'руководитель коммерческой организации', 'глава административно-территориального образования'. Ср.:

- 'глава государства': *The president and Congressional Republicans could find common ground on issues like education reform and alternative energy* (11.12.2010 г.). Таким образом, можно резюмировать: по сути, президент и премьер работают сейчас на разные целевые аудитории (30.06.2011 г.).

- 'руководитель некоммерческого объединения': *Dr. Karen N. Olness <...> who is the president of the International Society of Hypnosis, said that...* (03.11.2008 г.). Сергей Фурсенко покинет пост президента Российского футбольного союза (25.06.2012 г.).

- 'руководитель коммерческой организации': *Leslie Koch, president of the trust recalled that 8,000 people visited the island in 2005* (27.09.2011 г.). В субботу президент этого банка Андрей Бородин сообщил телеканалу РЕН-ТВ, что он продал свои 20% акций банка (11.04.2011 г.).

- 'глава административно-территориального образования': *Adolfo Carrión Jr., a former Bronx borough president and Obama administration official, is all but certain to jump into the 2013 mayor's race* (13.11.2012 г.). Президент - глава региона, премьер-министр - глава местного правительства (25.01.2011 г.).

Таблица 1. Соотношение понятийных признаков концептов *president* и *президент*

Понятийные признаки концепта <i>president</i>	1873-1879 гг.		1929-1933 гг.		2008-2012 гг.	
	«The New York Times»	«Московские ведомости»	«The New York Times»	«Правда»	«The New York Times»	«НГ»
	ед. (%)	ед. (%)	ед. (%)	ед. (%)	ед. (%)	ед. (%)
'глава государства'	575 (52,4)	299 (33,5)	598 (58,1)	603 (87,4)	934 (88,9)	1083 (92,8)
'руководитель некоммерческого объединения'	113 (10,3)	77 (8,6)	121 (11,7)	10 (1,5)	25 (2,3)	32 (2,7)
'руководитель коммерческой организации'	145 (13,2)	-	148 (14,4)	4 (0,6)	59 (5,6)	14 (1,2)
'глава административно-территориального образования'	1(0,1)	5 (0,6)	69 (6,7)	5 (0,7)	7 (0,7)	26 (2,3)
'руководитель собрания'	16 (1,4)	85 (9,5)	2 (0,3)	2 (0,3)	-	-
'руководитель учреждения'	46 (4,2)	10 (1,2)	54 (5,3)	23 (3,3)	6 (0,6)	3 (0,25)
'глава органа власти'	201	412	30	43	20	3

	(18,3)	(46,2)	(3,5)	(6,2)	(1,9)	(0,25)
‘руководитель структурного подразделения учреждения’	-	-	-	-	-	1 (0,08)
‘Верховный главнокомандующий’	-	-	-	-	-	2 (0,17)
‘почетный титул’	-	3 (0,3)	-	-	-	1 (0,08)
‘руководитель мероприятия’	-	3 (0,4)	-	-	-	2 (0,17)
Итого:	1097 (100)	894 (100)	1030 (100)	690 (100)	1051 (100)	1167 (100)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно сделать следующий вывод, что концепты *president* и *президент* – это динамично развивающиеся ментальные образования, что подтверждает их исследование по материалам газет «The New York Times», «Московские ведомости», «Правда» и «Независимая газета» в трех синхронных срезах – 1873-1879 гг., 1929-1933 гг. и 2008-2012 гг. Под влиянием экстралингвистических факторов изменяется актуальность их понятийных признаков. Понятийная область расширяется за счет формирования новых признаков, некоторые признаки приобретают маргинальный характер. На современном этапе развития концептов доминирующее положение в их структурах занимает понятийный признак ‘глава государства’ – 88,9% и 92,8%, соответственно.

Использованная методика анализа исторической динамики концептов, которая сочетает в себе фокусную фрагментацию временного промежутка на сегменты с учетом экстралингвистических факторов (в данном случае учтена зависимость актуализации политических концептов *president* и *президент* от политико-экономической ситуации кризиса), позволяет осуществлять моделирование структур любых других концептов в исторической перспективе, не ограничиваясь изучением концептов, принадлежащих политической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дергачёва, Л. Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. / Л. Д. Дергачева // Вестник Московского университета. – Серия 8: История. – 2008. – № 6. – С. 3-30.
2. Деревягина, Е. В. «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863-1887) в русском литературном процессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.11 / Деревягина Е. В. – Великий Новгород, 2004. – 250 с.
3. Маркс, К. Манифест компартии / К. Маркс, Ф. Энгельс; под. ред. Е. А. Степанова // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 4. – С. 419-459.
4. Российская периодическая печать: Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / под ред. В. В. Григорьева. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011. – 43 с.
5. Российский рынок периодической печати: Состояние, тенденции и перспективы развития: доклад / под ред. В. В. Григорьева. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2009. – 100 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
7. Хренова, А. В. Концепты *president* и *президент* на материале «New York Times» и «Московские ведомости» (1873-1879 гг.) / А. В. Хренова // Лингвокультура и концептуальное пространство языка: сб. ст. / отв. соред. О. Н. Морозова, М. В. Пименова. – СПбГЭУ, 2016. – С. 273-282.
8. Хренова, А. В. Методика сопоставительного диахронического исследования на примере концептов *president* и *президент* / А. В. Хренова // Сопоставительная лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 83-90.
9. Chang M. H. (2009) Metaphorization and metonymization: diachronic development of verbs of volition in southern min. *Taiwan Journal of Linguistics*. Vol. 7.1. P. 53-84.

10. Chang M. H. (2015) Two counter-expectation markers in Chinese. *Metaphor and metonymy across time and cultures: Perspectives on the sociohistorical linguistics of figurative language*. Javier E. Díaz (ed). Berlin-Munich-Boston: Walter de Gruyter. P. 141-170.
11. Eshbaugh-Soha M., Peake J. S. (2005) Presidents and the economic agenda. *Political Research Quarterly*. Vol. 58. No. 1. P. 127-138.
12. Fabiszak M., Hebda A. (2010) Cognitive historical approaches to emotions: Pride. *Historical cognitive linguistics*. Winters M.E., Tissari H., Allan K. (eds). Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, P. 261-297.
13. Friel H., Falk R. A. (2004) The record of the paper. How the New York Times misreports US foreign policy. London, New York: Verso. 304 p.
14. Gevaert C. (2005) The anger is heat question: detecting cultural influence on the conceptualization of anger through diachronic corpus analysis. *Perspectives on variation*. Delbecque N., Auwera J van der., Geeraerts D. (eds). Berlin/New York: Mouton de Gruyter. P. 195-208.
15. Mnookin S. (2004) Hard News: The scandals at the New York Times and the future of American media. – Random House Publishing Group. 352 p.
16. Musolf A. (2010) Metaphor in discourse history. *Historical cognitive linguistics*. Winters M.E., Tissari H., Allan K. (eds). Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 70-90.
17. Oxford English Dictionary Online. Available at <http://www.oed.com>.
18. Stanojević M. M. (2008) Dijakronijska varijacija u metaforičkim modelima: PhD thesis: Linguistics. Zagreb. 337 s.
19. Tissari H. (2006) Conceptualizing shame: Investigating uses of the English word *shame*, 1418–1991. *Proceedings of the 2005 Symp. on new approaches in English historical lexis (HEL-LEX)*. McConchie R.W. et al. (eds). Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. P. 143-154.
20. Tissari H. (2003) Lovesapes: Changes in prototypical senses and cognitive metaphors since 1500. Helsinki: Société néophilologique. 470 p.
21. Winters M. E. (2010) Introduction: On the emergence of diachronic cognitive linguistics. *Historical cognitive linguistics*. Winters M.E., Tissari H., Allan K. (eds). Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 3-31.

REFERENCES

1. Dergacheva, L. D. Moskovskiy universitet i gazeta «Moskovskie vedomosti» v 1880-kh gg. / L. D. Dergacheva // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 8: Istoriya. – 2008. – № 6. – S. 3-30.
2. Derevyagina, E. V. «Moskovskie vedomosti» M. N. Katkova (1863-1887) v ruskom literaturnom protsesse: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.11 / Derevyagina E. V. – Velikiy Novgorod, 2004. – 250 s.
3. Marks, K. Manifest kompartii / K. Marks, F. Engel's; pod. red. E. A. Stepanova // K. Marks i F. Engel's. Sochineniya. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. – T. 4. – S. 419-459.
4. Rossiyskaya periodicheskaya pechat': Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad / pod red. V. V. Grigor'eva. – M.: Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam, 2011. – 43 s.
5. Rossiyskiy rynek periodicheskoy pechati: Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: doklad / pod red. V. V. Grigor'eva. – M.: Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam, 2009. – 100 s.
6. Fasmer, M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / M. Fasmer. – M.: Progress, 1987. – T. 3. – 832 s.
7. Khrenova, A. V. Kontsepty president i prezident na materiale «New York Times» i «Moskovskie vedomosti» (1873-1879 gg.) / A. V. Khrenova // Lingvokul'tura i kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sb. st. / otv. soled. O. N. Morozova, M. V. Pimenova. – SPbGEU, 2016. – S. 273-282.
8. Khrenova, A. V. Metodika sopostavitel'nogo diakhronicheskogo issledovaniya na primere kontseptov president i prezident / A. V. Khrenova // Sopostavitel'naya lingvistika. – 2017. – № 6. – S. 83-90.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 821.133.1'42
ББК Ш33(4Фра)-117

Д. Абейкайе
Маруа, Камерун

D. Abaikaye
Maroua, Cameroun

LES STRUCTURES LANGAGIERES EN FRANCOGRAPHIE AFRICAINE : UNE STRATEGIE D'INDIGENISATION DU FRANÇAIS DANS LE ROMAN FRANCOPHONE

RÉSUMÉ. Cette étude entend montrer comment les faits langagiers à l'œuvre dans la littérature négro africaine d'expression française peuvent constituer une source de stratégie d'indigénisation du français pour la conquête et la vitalité d'une esthétique littéraire africaine reposant sur l'art du roman classique et la socioculture africaine. Pour cerner les manifestations de ces postulats, nous nous sommes servi de l'approche sociostylistique de Léo Spitzer qui prend en compte l'époque de l'écrivain, en considérant les domaines artistique, moral, social pour déboucher sur des réalités humaines extralinguistiques. Dans le cas de figure, nous avons exploité les attaches susceptibles de manifester une socioculture et une esthétisation des jugements évaluatifs axiologiques sur le texte africain. L'analyse et l'interprétation des données indiquent d'une part une réelle subconscience stylistique de l'ensemble des écrivains négro africains, et d'autre part, une influence sociolectale, car les mots et expressions étrangers ont pour fonction de subvertir la suprématie du français et de suggérer des traits de cultures africaines.

MOTS-CLÉS : Indigénisation, structures langagières, francographie, xénisme, pérégrinisme.

Auteur : David Abaikaye, PhD, enseignant-chercheur, Université de Maroua, département de Français, Faculté des lettres et sciences humaines; adresse: B.P. 644 Maroua, Cameroun; e-mail: abaikayedavid@yahoo.fr.

D. Abaikaye
Maroua, Cameroon

LANGUAGE STRUCTURES IN AFRICAN FRANCOGRAPHY: AN INDIGENIZATION STRATEGY OF FRENCH IN THE FRANCOPHONE NOVEL

ABSTRACT. This study aims at showing how language features at work in Negro-African literature can constitute a source of indigenization strategy of French for the conquest and vitality of an African literary aesthetic based on the art of the classical novel and African socioculture. To identify the manifestations of these postulates, we used Leo Spitzer's sociostylistic approach that takes into account the writer's epoch, considering the artistic, moral, and social domains to lead to human extra-linguistic realities. In this case, we sampled ties that likely to manifest a socioculture and an aestheticization of axiological evaluative judgments on the African text. The analysis and interpretation of the data indicate, on the one hand, a real stylistic subconsciousness of all the African Negro writers, and on the other hand, a sociolectal influence, because the foreign words and expressions have the function of subverting the supremacy of French and suggest traits of African cultures.

KEY WORDS: indigenization, language structures, francography, xenism, peregrinism.

About the author: David Abaikaye, PhD, Associate Lecturer in Department of French the Faculty of Letters and Social Sciences of the University of Maroua; address: B.P. 644 Maroua, Cameroon; e-mail : abaikayedavid@yahoo.fr.

INTRODUCTION

Plongé dans une situation de diglossie, l'écrivain africain ne peut manquer d'être affecté par la partialité linguistique. Même si l'on pourrait objecter qu'il existe aujourd'hui des écrivains dits jeunes ou modernes qui ne maîtrisent pas leurs langues locales, cela n'enlève rien au fait que lesdites langues ne jouissent pas du même statut de prestige que le français. Dans cette perspective, tout roman qui évoque des questions linguistiques ne peut faillir de laisser transparaître cet état des choses. Le fait qu'un

écrivain ne parle ou n'écrit qu'une seule langue n'enlève absolument rien à la condition diglossique dans laquelle il évolue (ou fait évoluer ses personnages).

Née sous la plume de Chantal Zabus (1993 :3) la notion d'indigénisation¹ de la langue réfère à "the writer's attempt at textualizing linguistic differentiation and at conveying African concepts, thought-patterns, and linguistic features through the ex-colonizer's language."² Sous cet éclairage, le concept d'indigénisation apparaît comme un miroir de représentations linguistiques, dans la mesure où il est susceptible de trahir les perceptions, les images que le locuteur a des systèmes en présence, mais aussi et surtout la manière dont celui-ci fait valoir ces conceptions. La compétence linguistique de l'écrivain africain dans l'une ou l'autre langue ne change rien au sentiment de crispation langagière imposée par la colonisation. Et comme la langue n'est pas séparée du sens, cette tension s'immisce aussi dans les contours sémantiques du texte. L'objet de notre recherche est de savoir si les faits langagiers à l'œuvre dans la littérature négro-africaine d'expression française peuvent constituer une source de stratégie d'indigénisation du français pour la conquête et la vitalité d'une esthétique littéraire africaine reposant sur l'art du roman classique et la socioculture africaine. Quels sont les paramètres linguistiques et stylistiques qui peuvent rendre compte de la portée significative du texte littéraire relativement à un univers idéologique et culturel africain particulier ? Pour cerner les manifestations de ces postulats, nous nous sommes servi de l'approche sociostylistique de Léo Spitzer (1969) qui prend en compte l'époque de l'écrivain, et qui s'élargit au plan artistique, moral, social afin de déboucher sur des réalités humaines extralinguistiques, et enfin pour s'inscrire comme variations différentielles, sur un fond de donnée sociale. Dans la présente étude, il s'agira d'exploiter les attaches susceptibles de manifester une socioculture et une esthétisation des jugements évaluatifs axiologiques sur le texte africain. En d'autres termes, nous envisageons de voir dans quelle mesure les textes construisent et incorporent dans leur organisation narrative ou énonciative certains dispositifs esthétiques destinés à signifier ou à construire une échelle de valeurs. Aussi convient-il d'examiner les techniques d'inscriptions des interactions, des conflits et des télescopages des langues locales avec le français au sein du corpus. Dans le cas d'espèce, nous nous intéressons principalement aux xénismes et aux pérégrinismes qui, à notre avis, renferment l'essentiel des mots étrangers intégrés dans l'espace fictif de la prose romanesque. Dans le souci de comprendre comment les processus réguliers de variation peuvent s'acquérir, nous présenterons les éléments d'analyse réalisés à partir de quatre (04) romans africains en l'occurrence *La Grève des battus (GDB)* et *Douceurs du bercaïl (DDB)* de Fall Aminatou Sow, *Les Écailles du ciel (LEC)* et *Le Roi de Kahel (LRK)*³ de Tierno Monémbo.

1. Les xénismes

S'il est vrai que le xénisme se charge d'exprimer des réalités qui n'ont pas leur équivalent dans le système du français, alors, l'on s'interroge sur la présence des termes empruntés au wolof comme *baay jagal* (en note de bas de page, traduit par réparateur), *djembe* (tambour), *waa bitim réew* (ceux de l'Europe et des USA), *baraada* (théière) dans les extraits suivants :

- 1- « ...[Salla Niang] était forgeron dans son village natal. Un baay jagal. » (GDB, 17)
- 2- « -... j'ai rien pu sauver, même pas mon djembé. » (DDB, 129)

¹ Sans ignorer l'ensemble de concepts opératoires qui permettent habituellement d'exprimer la stratification ou la tentative de soumission du français aux langues locales, le terme d'*indigénisation* nous paraît exprimer plus justement ce que nous entendons analyser dans ce segment. C'est d'ailleurs ce que l'auteur du concept valorise en affirmant en note (p.3) : elle dit rejeter le mot *africanisation* pour l'idée péjorative qui y est désormais attachée. Elle préfère ainsi le mot *indigenization* à cause de son acceptabilité générale à toute œuvre écrite dans un contexte postcolonial de diglossie. *Indigenization*, prévient-elle toutefois, *is devoid of the pejorative connotations that the French noun and adjective indigène has acquired.* (La notion est dénuée des connotations péjoratives que le mot ou l'adjectif français *indigène* a acquises).

² Nous traduisons: Le projet qu'a l'écrivain de textualiser la différenciation linguistique et de véhiculer des concepts, des schèmes de pensées et des traits linguistiques africains à travers la langue de l'ancien colonisateur.

³ Par ces sigles (GDB, DDB, LEC et LRK), nous allons indiquer les titres des œuvres qui constituent notre corpus dans le présent travail.

3- Voilà : maintenant les gens qui habitent loin, *waa bitim rééw*, les toubabs surtout, commencent à s'intéresser à la beauté de nos pays, ce sont des touristes. (GDB, 26)

4- Salla, garde-moi le dernier *baraada*. (GDB, 35)

Parmi ces termes, qui sont traduits en bas de page, il en existe bien sûr qui sont « directement puisés dans la langue naturelle [et qui ont] pour fonction de faire couleur locale, de plonger le lecteur immédiatement dans une atmosphère culturelle particulière... » (Ngalasso, 2001 :18-19) ou qui sont « chargés de connotations particulières qu'aucune autre expression n'aurait pu rendre fidèlement, soit parce que le mot ou l'expression n'a pas d'équivalents en français, soit parce que, utilisés dans un contexte bien précis, ils ont valeur de symboles et dépassent largement le cadre sémantique. » (Sow Fall, 1985 : 52), cependant, il en existe d'autres qui n'indiquent assurément aucune valeur de culture. Aussi la nomination d'un objet culturel étranger comme la théière apparaîtrait-elle frappante. Le personnage trouve la nécessité de désigner dans sa langue identitaire l'appareil électroménager qu'il veut voir son ami lui ramener d'Europe. Ce faisant, il ne vise pas la transmission d'une réalité extralinguistique peu connue, mais il réalise un acte d'identité par lequel il démontre son aisance à nommer certains termes dans sa langue première. Il en va ainsi de tous les autres xénismes suscités. En outre, comme le dit si bien Chantal Zabus, (1991 : 169), il serait naïf de souscrire aveuglement aussi bien à la multiplicité des mots étrangers dans le texte africain, qu'à leur traduction en bas de page. Ainsi, l'on s'interrogerait sur ce qui pourrait bien justifier la prolifération des xénismes dans le texte. Voici quelques raisons qui prendraient en charge une telle profusion.

1.1. La valorisation dénomminative et sémantique des langues locales

Techniquement, l'auteur, dans sa définition en bas de page, devrait exécuter une explicitation du concept étranger, de manière à montrer, sinon la connotation affective ou culturelle particulière du lexème étranger, du moins la distinction qui peut en être faite avec les autres objets de la même catégorie au sein de la communauté linguistique française. Soient les séquences ci-après :

5- Il aperçut [...] *les bowé, les touldé*, les bergères éclatantes [...] et bien d'autres images renvoyées mille et une fois par les récits de Mollien, de René Caillé, de Hecquart ou de Lambert. (LRK, 39)

6- Déambulant en ordre dispersé entre ronces, lianes, *ngiguis* [...], ils ont été surpris par le son du klaxon. (DDB, 198)

7- Pour l'occasion, je m'étais empressé d'accorder mon *hoddou*. (LEC, 22)

Ainsi en va-t-il de *bowé* et *touldé* qui font un effort de délimitation des réalités extralinguistiques respectivement selon leurs valeurs exotiques (*hauts plateaux herbeux caractéristiques du Fouta Djallon*) ou selon une particularité formelle inhabituelle (*imminences granitiques de forme tabulaire*). Pour ce qui est respectivement de *ngiguis* (*plante rampante dont les lianes sont utilisées comme cordes*) et de *hoddou* (*petite guitare traditionnelle*), on remarque par les épithètes et les relatives à valeur déterminative, un réel effort de caractérisation du référent, ainsi qu'une spécification du type *traditionnel* qui vient personnaliser l'instrument pour une coutume.

Dans cette perspective, même si on peut admettre que le *djembé* n'est pas un tambour comme tous les autres, que le *baay jagal* relève d'un souci de spontanéité ou d'authenticité, l'on ne peut négliger le manque d'effort du narrateur dans GDB pour livrer la spécificité des signifiés de ces termes. Nous retrouvons ici l'effet binaire du procédé d'indigénisation : rabaisser la langue française et valoriser la langue locale. Ainsi, concernant chacune de ces notions, le français n'est pas seul à pouvoir les nommer ; la langue de l'écrivain peut aussi bien le faire, jusqu'aux réalités les plus récentes (la théière, l'Indépendance), preuve que le parler s'adapte promptement au progrès de la science et du monde ou bien les anticipe.

1.2. La valorisation culturelle des langues locales

Les idées que renferment les mots, ainsi que la manière de les transmettre, sont des indices de culture à visées variables. Nous ne nous étendrons pas sur ce segment, dans lequel nous regrouperons de manière rudimentaire les objets convoqués auxquels nous attribuerons un sens. Ainsi, nous avons pu dégager au moins trois isotopies construites par les auteurs à travers et autour des mots étrangers : les objets de mode

culturels, les expressions affectives et les mets.

a) Les objets et énoncés de mode culturels

Le corpus renferme plusieurs termes renvoyant à quelque outil ou pratique traditionnelle. Cette option participe d'une valorisation de la culture locale qui comporte son réservoir linguistique propre, mais surtout spontané pour traduire ses réalités. Très sommairement, voici quelques termes qui confortent cet état de choses :

8- *Ndëp* (cérémonie d'exorcisme - DDB, 102).

9- *Paquargni et moulay teggin* (danses africaines- DDB, 126).

10- *Turki* (petit habit- GDB, 12).

11- *becco* (petit pagne- GDB, 18).

La récurrence de tels lexèmes, chargés de connotations particulières et supposés avoir une valeur de symbole qui dépasse largement le cadre sémantique, attestent que les personnages ou les écrivains puisent directement dans leur langue naturelle pour conserver et consolider une atmosphère culturelle particulière. Tout en faisant couleur locale, ils dotent l'œuvre d'un exotisme censé éveiller l'intérêt de tout lecteur au sujet des éléments nommés.

b) Les formules spontanées

Nous avons recensé dans le corpus une pléiade d'expressions affectives, surtout des interjections, qui attestent que la langue maternelle est psychologiquement l'option brute, celle de la spontanéité, c'est celle qui traduit au mieux la socioculture africaine. Considérons les illustrations suivantes :

12- *Jóg jot na ! Jóg jot na kat !* (littéralement : il est temps de se lever.)/Elle pointe l'index droit en direction de l'assistance [...] /-*Ah loolu dé yomb na*. (C'est facile/- Mais si. À y voir de près, ce que tu viens de dire est vrai/- *Ca dëgg dëgg lëf li mot naa seetat* (Littéralement : vraiment il faut regarder la chose de près.) Marchons sur ce que dit Salla. » (GDB, 33)

13- Il était resté couché dans un coin, derrière une salle commune dont les pensionnaires compatissaient à ses peines par d'éternels *ndéysaan*. (GDB, 31)

Dans l'énoncé [12], seul l'idiome local est habilité à galvaniser et à requinquer un groupe d'opprimés. Les tournures wolof, à la différence des énoncés narratifs environnants, ont l'exclusivité de l'exaltation ; impersonnelles, elles peuvent se laisser adopter par tout locuteur, toute entité collective en situation d'adynamie. Dans l'occurrence [13] qui emploie l'interjection *ndéysaan* (exprime *la pitié*- DDB, 45) en mention. Les *éternels ndéysaan* énoncés dans un coin de l'hôpital signifient en premier la prééminence du patois dans le cadre hospitalier. L'appropriation du français n'est pas effective, du moins en ce qui concerne les prises de parole affectives décontractées. Dans tous les cas, il n'est pas interdit de penser que la répétition des xénismes que nous avons entreprise dans la valorisation dénominative des langues locales s'inscrit chez Aminatou Fall à une échelle qui dépasse celle d'un roman, c'est-à-dire le niveau d'emploi en francographie africaine qui atteste de l'influence de la socioculture.

Voici d'autres expressions affectives : *xalass* (interjection : exprime le dépit- DDB, 94), *tiem !* (expression de mépris-GDB, 49), *Eskéy* (exprime l'admiration), *thièy Yalla !* (mon Dieu-DDB, 12), *waawaw*, LRK, 66 ; *yalla Teré*, LEC, 59.

Même si les dernières expressions ne sont pas traduites dans le texte, il ne fait aucun doute qu'elles fonctionnent chacune comme un vocable isolé. Sous cet éclairage, la langue africaine apparaît comme le langage privilégié de sentiments nobles comme la compassion, la pitié, la solidarité, la bravoure, bref celle d'émotions authentiques. Toutes ces expressions attestent la non transférabilité des sentiments rustiques en français. D'ailleurs, quand elles sont explicitées, elles ne procèdent d'aucun équivalent approximatif français. Seuls les tours du genre *exprime l'admiration, le dépit*, etc. contextualisent le sentiment exprimé.

c) L'art culinaire

C'est sans doute le domaine des mots africains le plus représenté dans le corpus. Il serait intéressant d'analyser la manière dont certains de ces xénismes sont employés et traduits en contexte africain. Considérons les séquences suivantes :

14- Elle lui offrit un plein bol de *tori-kaba* (*purée de maïs*) à l'oseille qu'il se mit aussitôt à ingurgiter en savourant la chaleur bienfaisante que la nourriture procurait à son corps. (LEC, 90)

15- ...on leur offrait des plats dont ils n'auraient jamais rêvé ; riz au poisson bien gras et bien rouge ; riz blanc à la viande tendre et abondante : *baasi salté* (*couscous*

préparé avec une sauce délicieuse) délicieux avec raisins secs, macédoine de légumes, dattes et pruneaux d'agen... (GDB, 54)

- 16- « On y dégustait son *ceebu jen* aussi bien que *le futu (pain de bananes plantain pilées)* à saveur forestière, le *mafé (sauce arachide-tomate-gombo)* à la mode madingue et le poisson braisé au feu de bois [...] où se mêlaient l'odeur d'huile de palme en ébullition, l'arôme des épices, le relent salé des poissons séchés, la fumée du merguez sur le grill et les vapeurs échappées de viande à l'étuvée. » (DDB, 126)

- 17-A la main droite, un sac de voyage plein à craquer de crevettes séchées, de *bissap (fleur d'oseille)*, de *quiquéliba (variété de tisane)* et d'autres produits sénégalais dont Anne raffole. (DDB, 7-8)

L'ensemble de ces occurrences tisse des isotopies de l'appétence remarquable. Certaines se déclinent même en développement, sorte de description de la couleur odorante voir l'énoncé [16]. Dans l'énoncé [14], on a un *baasi salté (couscous préparé avec une sauce délicieuse)* délicieux, autant dire un plat doublement exquis. Il existe, par ailleurs, un jeu de déterminants dont l'emploi n'est pas sans intérêt. Ainsi, pour leur *ceebu jen*, c'est vrai que *ça donne des ailes*, où le possessif *leur* mythifie le riz au poisson en l'attachant à la culture culinaire sénégalaise et guinéenne; il en est de même pour *crevettes séchées*, *bissap quinquéliba* et d'autres produits qui suggèrent que les éléments nommés sont fabuleux et reconnus ancrés à la cuisine sénégalaise.

Tout ce champ lexical du festin est doublement efficace pour susciter la nostalgie du bercail et décourager à l'occasion les soifs de déplacements vers les terres européennes : d'abord les écrivains optent pour des dénominations justes dans la mesure où ils usent des termes renvoyant à un imaginaire ajusté, qui plongent immédiatement l'africain dans une atmosphère culturelle particulière, celle d'une ambiance conviviale et festive censée évoquer des souvenirs nostalgiques ; ensuite ils valorisent pleinement leur culture en mettant en avant un système gastronomique fort attrayant pour tout citoyen africain où qu'il se trouverait.

1.3. La valorisation stylistique et/ou grammaticale des langues locales

Parfois, dans l'infime espace qui permet l'inscription des mots en langue locale au sein des romans écrits en français, les auteurs réussissent à réaliser des tournures stylistiques fondées essentiellement sur leurs médiums, preuve que ceux-ci sont aussi le champ des figures sublimantes, au même titre que le français avec sa systématisation avancée. Si le français a été enseigné et pratiqué dans les moindres aspects de sa rhétorique, les parlers locaux, qui étaient de simples outils de communication encore jugés incapables de locution esthétique, peuvent désormais inscrire des traits de littérarité sur le plan de l'élocutio. Aminatou Sow Fall reconnaît en épitexte son incapacité à styliser sa langue « je n'envisage pas d'écrire en wolof. J'ai peur de le faire parce que je ne suis pas du tout sûr d'être capable de maîtriser les règles de l'art lorsqu'il s'agit de créer dans une langue que, jusqu'ici, j'ai pratiquée oralement. J'aurais bien aimé pouvoir le faire mais je doute de mes compétences. » (Sow Fall, citée par Blachère, 1993 : 135)

Pour autant, les écrivains africains ne se découragent pas. Ils tentent bien que mal de s'exercer au style, comme en témoignent le paradoxisme *boroom bàttu sans bàttu*, l'antonomase *Pikine Tougal*, l'annomination *Fagarou* dans les extraits suivants :

- 18- Pour nourrir et habiller ses deux épouses et ses huit bouts de bois, Madiabel [...] se convertit au *boroom bàttu sans bàttu*, mais main tendue. (GDB, 17)
- 19- ...le quartier de la gare continuait à grossir. Il devint une ville dans la ville et fut surnommé *Pikine Tougal (Pikine : banlieue dakaroise ; Tougal : Occident en wolof)* car l'endroit était la réplique grandeur nature de n'importe quel quartier de ces banlieues dites « chaudes » de Dakar, Brazzaville, Abidjan, Yaoundé et autres mégapoles du Sud... (DDB, 125-126).
- 20- À quoi bon évoquer *Fagarou* le quartier bien nommé surgi spontanément des marais, dans une banlieue surpeuplée, quand de modestes gens y avaient érigé quelques baraques pour n'avoir plus à payer les loyers de plus en plus chers dans la ville. (DDB, 107)

Comme indiqué précédemment, le terme *boroom bàttu* désigne les mendiants qui *tendent, à demander l'aumône*, le *bàttu* qui est une *petite calebasse* (GDB, 15). Or comment peut-on parler de *boroom bàttu sans bàttu* ? Le paradoxisme, qui consiste en

« l'association de termes contradictoires dans un énoncé prédicatif » (Robrieux, 2007 :90), est ici en œuvre parce que l'expression figée est défiée par le déficit de *bàttu*, signe caractéristique de tout mendiant dans le roman. Une telle formulation, qui se sert d'ailleurs de la préposition française *sans* pour se déployer, affiche dès le plan visuel une contradiction qui ne se comprend que si on a assimilé ce qu'est un *bàttu*. Dans le cas échéant, on est prié de retourner à la page 15 du roman pour révision du terme.

Considérée comme une variété de synecdoque ou de métonymie, l'antonomase consiste à remplacer un nom commun par un nom propre ou réciproquement. La langue écrite utilise l'antonomase pour la désignation de personnes ou de lieux retenant une caractéristique particulière. Il en va ainsi du toponyme *Pikine Tougal* qui allie judicieusement dans sa juxtaposition les traits typiques d'une banlieue agitée de Dakar et des immenses villes d'Occident. Aussi le wolof est-il habile d'un univers conceptuel susceptible de déboucher sur des tropes.

Dans l'énoncé [19] le toponyme *Fagarou* (*signifie se protéger*), *quartier bien nommé* nécessite forcément d'être appréhendé pour que la justesse de sa désignation soit comprise. Il s'agit là d'une figure d'annomination, laquelle « remotive le sens d'un nom propre en rappelant le sens qu'il peut avoir comme nom commun [et] conduit à relever, généralement avec un jeu de mots, une ressemblance plus ou moins fortuite tenant de l'homonymie ou de la paronomase » (ibid. :68-69). Dans cette perspective, le quartier est bien nommé parce que son appellation reflète l'instinct de survie qui y prévaut. Bien évidemment, la clé d'une telle figure se trouve dans la saisie pointue du sens de *Fagarou*.

Les xénismes constituent le premier stade de stratégies d'indigénisation du français. Ils sont porteurs des valeurs sémantico-référentielles nouvelles qui entraînent des phénomènes de variation dans la communication du sens chez les écrivains, surtout quand ils s'appliquent à faire découvrir aux lecteurs les réalités idéologiques et culturelles africaines. Ils sont secondés par une autre donnée dont le sémantisme est rendu par l'utilisation occasionnelle des lexies dépourvues de marques métalinguistiques. Cette donnée porte le nom de pérégrinismes. Qu'en est-il exactement dans la francophonie africaine ?

2. Les pérégrinismes

De son étymologie latine *pérégrinus* qui signifie *pèlerin, voyageur*, le mot pérégrinisme désigne des termes à usage ponctuel dans un discours. Ainsi, Ngalasso (2001 :16) affirme : « les pérégrinismes ou "mots voyageurs" sont des formes étrangères d'usage ponctuel et individuel, des emprunts de surface relevant de l'interface lexicale. Ils ressortissent au discours donc au style.» Dans la même perspective, Jean Marie Bague (1998 :33) trouve que les pérégrinismes sont certes des « mots étrangers, mais [ils ont la particularité] de vouloir s'installer durablement à travers l'une des variétés régionales.» Dans cette étude, nous considérons comme pérégrinismes en contexte les anthroponymes, les toponymes et les ethnonymes supportés par la structure de l'onomastique dans la mesure où ils sont à la fois termes étrangers sans références, objets d'usage ponctuel et individuel, fruits d'interférences lexicales et porteurs de sens construits, travaillés par les auteurs eux-mêmes. C'est dire que les pérégrinismes sont des mots employés fortuitement dans la prose et qui, de façon contextuelle, reposent sur l'onomastique. Ils sont l'œuvre de pratiques signifiantes que les écrivains partagent avec un interlocuteur virtuel.

2.1. Les indices anthroponymiques

À en croire Jean Dubois, (2001 :36) « l'anthroponymie est la partie de l'onomastique qui étudie l'étymologie et l'histoire des noms de personnes : elle fait nécessairement appel à des recherches extralinguistiques. » Parler de l'anthroponyme, on fait allusion aux noms propres de personnes.

- 21- Sa vive intelligence faisait dire que Gora avait eu une idée lumineuse en l'appelant *Yakham*. (*Yakham : tu es savant, en wolof*)... (DDB, 109).
- 22- Présentez moi donc ça à *Tierno Balédio* (*Tierno Balédio : surnom que les Peuls avaient donné à Noiro. Littéralement : Monseigneur le Noir*). Nous sommes ses invités, nous n'avons rien à payer. (LRK, 142).
- 23- En ce temps-là, l'école avait pour instituteur un Blanc grassouillet et à double menton qui, parmi un peuple d'élèves, portait le nom respectable de

M. Mouton. (LEC, 83).

Dans l'énoncé [21] on voit que l'explicitation du nom *Tierno Balédio* est amputée du cadre romanesque pour être articulée au cadre historique. En effet, le passé antérieur dans *surnom que les peuls avaient donné à Noiro*, plus la non détermination identitaire de *Noiro*, signe de sa notoriété présumée, évoquent un ordre concret et réel qui exige une culture générale de la part du lecteur. Ainsi, celui qui n'est pas instruit, est supposé se référer à l'histoire pour apprendre que *Noiro* est une figure emblématique de l'histoire du Fouta-Djalon. En complément de la majoration des noms locaux dans le corpus, [22] les auteurs proposent souvent des noms européens cocasses, surtout ceux des instituteurs. Il n'est pas interdit de penser que l'étrangeté des nominations, outre une dérision des enseignants de la langue du dominateur, et par contagion de la langue elle-même, participe également de l'indigénisation du français, dans la mesure où les auteurs veulent attirer l'attention sur l'excentricité des appellations, et partant sur leur exotisme. Il n'y a aucun moyen pour le porteur du nom d'échapper au jugement de cocasserie d'un tiers. De cette manière, parce que l'attribution du nom d'un tiers est opérée dans un cadre socioculturel précis, elle perd toute sa charge et putréfie ainsi son porteur dès lors que ce dernier migre en terre étrangère. À l'altérité linguistique, les écrivains du corpus joignent une distance géographique [20] susceptible de rebuter les flots de migration vers l'Europe.

En fait, l'ensemble de ces anthroponymes résulte de l'indigénisation du discours dans la mesure où ils symbolisent dans le récit écrit en français une autonomie dénominative allègrement anthropologique, laquelle ne plagie pas forcément les noms chrétiens ou occidentaux usuels. En même temps qu'ils soumettent le langage à une structure socioculturelle propre, ils participent de ce que Zabuz (1991 :189) appelle "othering the European language"¹. Dans le cas de figure, les procédés d'indigénisation consistent à établir et à consolider l'altérité absolue du français. Quoi qu'il arrive, le français sera toujours pour les écrivains africains une langue autre : "these methods seem to indicate that the European language is so foreign or more exactly, so other that it cannot convey African culture"². Ces noms sont sujets à des polémiques au sein de la communauté littéraire. Pendant que certains considèrent les nominations comme étant fantaisistes, d'autres par contre y mettent plutôt plein de leurs connaissances et voient en elles, l'expression des richesses culturelles. À ce propos, Jean Marie Gouvard, (1998 : 72) affirme par exemple que « le nom propre est littéralement vide de sens [...] la richesse des interprétations est une conséquence directe de l'absence de désignation directe. » Cette déclaration peut paraître valable (ou fondée) pour les noms occidentaux, mais admise avec des réserves en ce qui concerne des noms africains dans la mesure où très souvent ces derniers ne sont pas attribués de façon hasardeuse. Ils peuvent désigner des concepts ou célébrer des exploits et des hauts faits des expériences vécues.

Bien plus, qu'ils soient forgés à partir des langues maternelles, les noms constituent une stratégie de singularisation, un capital à fructifier, à transformer, à imposer. L'intérêt du nom déplacé de son pôle linguistique, est centré sur la vision du monde des personnages ; il est au centre des premières préoccupations de ceux qui entrent en contact avec l'environnement humain. Il est toujours en soi quelque chose d'adulé, de fabriqué, l'objet d'une quête permanente des personnages, avec ou sans l'accord du narrateur dans sa fonction d'organisateur du récit.

Tout compte fait, cette analyse suppose que la portée des anthroponymes dépend plus de leur relation à l'histoire, au contexte et à l'extralinguistique que d'une analyse purement immanente. Le constat qui est le nôtre s'applique également sur l'analyse des autres formes référentielles. Les toponymes, en marge de ces éléments, peuvent également servir d'indices culturels de l'indigénisation du discours romanesque en francographie africaine.

2.2. Les indices toponymiques

¹ Dérivé de other, autrui en français, othering est formé à partir de otherness (altérité). Ainsi, othering (a language) signifie littéralement quelque chose comme altérer, c'est-à-dire rendre la langue d'un tiers autre, marquer la différence, la distanciation par rapport à la langue de l'autre.

² Ces procédés semblent indiquer que la langue européenne est si étrangère ou, plus précisément, si autre qu'elle est inapte à véhiculer la culture de l'Afrique.

La toponymie est une branche de l'onomastique qui étudie l'ensemble des noms de lieux. Nous comptons observer dans ce segment les caractéristiques des dénominations des lieux et espaces de vie des communautés, pays, villes, régions, fleuves, et leurs rapports avec la langue du pays ou avec d'autres langues. En ce sens que « la dénomination des lieux constitue un indicateur très utile, sur le plan des perceptions et des représentations, des composantes et des symboles qui composent le contexte politique des différentes régions du monde. » (Boyer, 2008 :6) Dans l'œuvre occurrente, il convient de préciser que les toponymes tout comme les anthroponymes que nous venons d'analyser plus haut présentent des variations. Ils revêtent les camisolles des langues locales (malinké, soussou, peule, wolof). Aussi sont-ils des références aux villes ou contrées africaines, occidentales ou encore des pures créations des romanciers, pour ainsi signifier la valeur imaginaire et fictive parlant du cadre spatial dans la prose. À ce titre, considérons les illustrations ci-après relevées à cet effet.

24- Je suis fait de Leydi-Bondi, de sa boue, de ses mots de sucre fermenté, de ses hommes pétillants et troubles... (LEC, 14)

25- Djimmeyabé ! Ses maisons féeriques : leurs magnifiques escaliers, leurs cours spacieuses et propres, leurs jardinets impeccables ! LEC, 101

26- Cette année-là, *Kolisoko* transhumait du côté de Bombah. (LEC, 51)

27- Quand donc, par une nuit opaque, les hommes de *Yala* investirent *Dinguiradji*, ce ne fut une surprise pour personne. (LEC, 25)

Nous avons les toponymes *Leydi-Bondi*, *Djimmeyabé*, *Kolisoko*, *Dinguiradji* qui ressortissent au corpus. En effet, dans l'univers romanesque, *Leydi-Bondi* est un putride canal qui sépare la populace de la ville d'En-Haut quartier résidentiel blanc, des bas-fonds, lieu privilégié de la pègre nègre. Tous ces différents univers sont inscrits dans la macrostructure spatiale qui porte le nom de *Djimmeyabé*. En vérité, Djimmeyabé, est une vaste agglomération qui comprend le quartier des nantis et celui des pauvres *Kolisoko*. Ce village tient son nom de l'ancêtre du même nom. C'est d'ailleurs un pan de patronyme. Ce village regorge en son sein le hameau de *Dinguiradji*. Les Toponymes guinéens et sénégalais ne constituent pas la seule optique pour les auteurs, d'autres espaces issus d'autres pays africains foisonnent dans les textes.

Au-delà des toponymes (réels ou imaginaires) sus analysés, il importe de relever que notre corpus regorge d'une panoplie de noms de lieux qui ne se comptent plus, indiquant ainsi le non-sens général dans l'évolution historique des peuples en question. Parmi ces noms de lieux, on compte ceux qui sont explicitement scandaleux ; soit parce qu'ils sont vagues, (*Quartier Huit cents*, LEC, 89); huit cents quoi ? (*Palais de la quatrième saison*, LRK, 12) soit qu'ils évoquent l'immonde : (*L'Egout-à-ciel-ouvert*, LEC, 21) ; ou encore le libidineux : (*la Rue-filles-jolies*, LEC, 19) ; soit encore parce qu'ils marquent une essence absurde : (*dispensaire des comprimés*, DDB, 53) ; (*Quartier des condamnés à mort*, GDB, 52). Qu'ils désignent des rues, des quartiers ou des sites à fonction précise, ces toponymes frappent par leur excentricité.

En substance, la désignation des lieux montre également l'indigénisation du français faite par les responsables des lieux publics (établissements scolaires, places et avenues célèbres,) de rendre collectif ce qui est en fait individuel et, à l'inverse de s'approprier ce qui est collectif, de rendre emblématique ou mythique ce qui ne l'est pas, attendu qu'avec la nomination « la mythification ajoute à la notoriété et à l'exemplarité la transcendance historique la sublimation, l'unanimité. » (Henri Boyer, 2008 : 11) Ceux qui baptisent les lieux veulent avant tout se faire un nom, en dotant les lieux d'une forte teneur identitaire supposée consensuelle. Aussi les toponymes plongent-ils le lecteur dans la spatialisation des auteurs, toutes couches entièrement dans le lit de la langue française. Les toponymes balaient horizontalement la quasi-totalité des composantes africaines et participent à traduire l'hypoculture à l'œuvre dans l'identification des lieux-sources des œuvres littéraires. Si tant est que les toponymes ne sont pas pris en compte, les écrivains font appel aux ethnonymes qui ne sont pas du reste dans leurs narrations.

2.3. Les indices ethnonymiques

L'ethnonyme étudie l'origine des noms des ethnies. À la lumière de notre corpus, plusieurs clans se caractérisent par le mode de vie et leurs peuples, leurs cultures, et ceci de manière à laisser paraître leur appartenance ethnique. *Les Haoussas, les Yorubas, les Ewés, les Mossis, les Touaregs, les Hutus, les Tutsis, les Ibo, ...* sont des

groupements humains présents en Afrique noire. Ils sont illustrés dans le corpus de par leur comportement, leur habitude et surtout leur manière de vivre et d'agir, c'est-à-dire la culture. Les séquences suivantes illustrent cet emploi.

28- Il méprisait d'une suprême arrogance les autres peuples de la région. Selon lui, les *Fulanis* étaient ignobles et craintifs, les *Gégés* barbares comme une meute de lycéons, les *Yorubas* des femmelettes superstitieuses, les *Haoussas* des commerçants véreux qui vendraient leur maman pour moins d'une barre de sel. (LRK, 138).

29- Il était aussi rapide que la lumière [...] chaque semaine, il revenait d'une lointaine contrée : « le Roi des *Mossis* est plus fort que toi. » Et Ndindi allait trancher la tête du roi *mossi*. « Le roi des *Ewés* te dépasse en taille, en harem et en intrépidité ». (LRK, 139).

30- Qu'on, fasse venir les *Touaregs*, les *Ewés*, les *Agnis*, les *Fulanis*, les *Ibos*, les *Haoussas*, les *Gégés*, les *Yorubas*... Que le monde entier vienne voir ce que nous autres *Mahis* sommes capables de faire. (LRK, 141).

31- Tu parleras distinctement en *peul*, en *ouolof*, en *bambara*, en *soninké* ou en *doualla*. Tu diras bonjour, mes frères avez-vous la paix ? Fiche moi la paix, Daye. (GDB, 133).

Les écrivains attirent l'attention du lectorat sur quelques ethnonymes africains. En effet, l'Afrique étant le berceau de l'humanité, jusqu'ici le continent dénombre une multitude des peuples, des ethnies ; et les écrivains en font mention dans leurs textes. Les *Yorubas*, les *Haoussas*, les *Ibos*, les *Fulanis*, les *Gégés* sont des peuples qu'on retrouve au Nigéria. Les *Ibos*, les *Haoussas* sont au Sud et au Centre du Nigéria respectivement. Les *Yorubas* et les *Fulanis* sont au Nord du Pays. Par la même occasion on retrouve les *Haoussas* et les *Ewés* au Nord et au Sud du Mali respectivement. Les *touaregs* forment un peuple nomade qu'on retrouve dans le Sahara principalement au Nord du Mali, et aussi dans la partie sud de l'Algérie et à l'Ouest du Niger. Ils occupent pratiquement le subsahara. Les *Ewés* constituent un peuple d'Afrique de l'Ouest. On les rencontre au Ghana et en Côte d'Ivoire. Les *Mossis* ont pour base le Sud-Est du Mali et l'ouest du Burkina Faso. Les *doualla* occupent le littoral du Cameroun. Les *ouolofs* sont au Sénégal.

À l'observation, le répertoire des ethnonymes dans l'écriture de Aminatou Sow Fall et Monénembo donne à comprendre que, les romanciers font le tour d'horizon de l'Afrique tout entière. Ils s'intéressent aux différentes sous régions continentales (Afrique occidentale, centrale, magrhebine...) C'est une véritable quête de l'identité africaine. Aussi pensons-nous que c'est le lieu pour les romanciers négro africains d'appeler les consciences des uns et des autres, c'est-à-dire de tous les Africains, appel à l'universalité pour former un seul peuple solidaire dans le but de défendre l'image de l'Afrique dans le concert des nations.

L'étude des anthroponymes, des toponymes, des ethnonymes s'étend sur toute l'Afrique. Les romanciers font donc étalage d'une onomastique qui contribue à l'insertion des personnages dans leur contexte socioculturel bien fourni avec des noms africains, et partant des toponymes propres au continent noir et même au-delà. Par-dessus tout, les auteurs fouillent dans les généalogies africaines pour retracer le parcours lignaginaire de certains peuples d'Afrique. Ce faisant, ils n'ignorent pas les patronymes qui accordent à la descendance le nom de famille formé d'après le nom du frère soit directement, soit sous la forme de dérivé. L'ensemble de tout ce réservoir d'étude accorde ainsi aux romanciers Sow Fall et Monénembo l'occasion de cerner le besoin de s'affirmer une certaine valorisation idéologique. Bien qu'ayant un rôle plus référentiel qu'expressif, les pérégrinismes constituent une grande ouverture dans le roman africain. Toutefois, il convient de signaler qu'ils ne sont pas totalement lexicalisés dans le système français. De manière générale, les pérégrinismes sont et restent des mots étrangers sans référence. Mais il est aussi à prendre en compte que ces termes sont porteurs de sens construits et travaillés par l'auteur, des sens qui guident le lecteur dans la compréhension objective et symptomatique de l'œuvre.

CONCLUSION

À tout prendre, l'esquisse sur les stratégies d'indigénisation du français nous a permis de distinguer les xénismes et les pérégrinismes, tous deux apports des langues locales (malinké, peule, soussou, wolof, lingala). Nous constatons une fois de plus qu'Aminatou Fall et Monénembo nous fournissent un français déconstruit d'où émergent

des termes poteaux, indicateurs des cultures malinké, peule, soussou. À regarder de près, ces auteurs n'entrent pas dans un champ linguistique tout constitué, ils proclament leur volonté d'infléchir, de transformer et de refaire la langue (une langue qui doit prendre en compte les cultures de son peuple) ; tant il est vrai que « c'est par le maniement du langage que l'artiste se définit proprement et essentiellement. » (Ngal, op.cit :28) Si de tels énoncés, très nombreux sur l'ensemble du champ littéraire en francographie africaine, détendent le récit, ils postulent davantage plus d'un principe : premièrement, le français n'est plus la langue quotidienne dans l'ensemble des territoires mis en scène, c'est-à-dire que son usage ne va pas de soi ; deuxièmement il est nécessaire de détenir une compétence linguistique à tout le moins double. L'heure n'est plus à l'irrespect de l'une ou l'autre langue. Pour être maître de ses propos, il est indispensable d'échanger directement avec son interlocuteur, sans entremetteur. De cette manière, la diglossie tendra à s'effacer pour laisser place à un équilibre stratégique des langues en jeu. Les résultats indiquent d'une part une réelle subconscience stylistique de l'ensemble des écrivains négro-africains, et d'autre part, une influence sociolectale, car les mots et expressions étrangers ont pour fonction de subvertir la suprématie du français et de suggérer des traits de cultures africaines. En substance, les procédés d'indigénisation que nous venons d'étudier s'appliquent strictement à des techniques d'introduction de mots étrangers dans le texte écrit en français qui participent de l'activité langagière et/ou esthétique en francographie africaine contemporaine.

RÉFÉRENCES

1. Bague J.-M. (1998). L'utilisation des mots étrangers dans le roman ouest-africain, in *Le français en Afrique*. Paris, Nice. Pp.33-52.
2. Blachère J.-C. (1990). Pour une étude de la *francographie* africaine. Montpellier, Travaux de Didactique du FLE, n°25, juillet. Pp. 75-88.
3. Blachère J.-C. (1993). Négritures. Les écrivains d'Afrique noire et la langue française. Paris, L'Harmattan.
4. Boyer H. et Paveau M.-A. (2008). Présentation. *Mots. Les langages du politique*, n° 86.
5. Boyer H. (2008). Fonctionnements sociolinguistiques de la dénomination toponymique. *Mots. Les langages du politique*, n° 86. Pp.45-65.
6. Dassi (2008). Phrase française et francographie africaine (de l'influence de la socioculture). Lincom Europa, Muenchen. 432 p.
7. Dubois J. et alii (2001). Dictionnaire de linguistique. Paris, Armand Colin.
8. Fall Sow A. (1978). La Grève des bâttus. Dakar, NEA.
9. Fall Sow A. (1998). Douceurs du bercail. Abidjan, NEA.
10. Fall Sow A. (1985). Pratiques langagières dans la littérature négro africaine de langue française, in *Ethiopiennes*, no 40-41, 1er trimestre. Vol. III, [en ligne]. Available at: <http://www.refer.sn/ethiopiennes>.
11. Gouvard J.-M. (1998). La Pragmatique : outils pour l'analyse littéraire. Paris, Armand Colin.
12. Monenembo T. (1986). Les Écailles du ciel. Paris, Le Seuil.
13. Monenembo T. (2008). Le Roi de Kahel. Paris, Le Seuil.
14. Ngal G. (1994). Création et rupture en littérature africaine. Paris, L'Harmattan.
15. Ngalasso M. (1984). Langues, littératures et écritures africaines, in *Recherches et travaux*. UER de lettres, université de Grenoble, n° 24. Pp.21-37.
16. Ngalasso, M. (2001). Les Soleils des indépendances : En attendant le vote des bêtes sauvages. Quelles évolutions de la langue chez Ahmadou Kourouma ?, in *Littératures francophones : Langues et styles*. Paris, L'Harmattan. Pp. 21-37.
17. Robrieux J.-J. (2007). Rhétorique et argumentation. Paris, Armand Colin.
18. Spitzer L. (1969). Etudes de styles. Paris, Gallimard.
19. Zabus Ch. (1993). The African palimpsest: indigenization of language in the West African europhone novel. Amsterdam-Atlanta, Rodopi, B.V.

УДК 811.18'37

ББК Ш149-32

Т. Блакори

Приштина, Косово

T. Blakqori

Prishtina, Kosovo

LE DÉFINI FAIBLE EN ALBANAIS: ÉTUDE COMPARATIVE

RÉSUMÉ. Cet article porte sur la distribution et interprétation des syntagmes nominaux définis en albanais, observés systématiquement sous un angle comparatif. D'ailleurs, la comparaison entre le français et d'autres langues nous fait constater qu'en albanais aussi, il y a un effet « faible » concernant la définitude d'un syntagme nominal défini (SNdéf). Soit, le nom cinéma dans Alice aime le cinéma dénotant une catégorie générale (ce type de lieu qu'on nomme cinéma) peut tout à fait s'interpréter de la même façon dans toutes les langues naturelles. Cette interprétation est une nouveauté pour les grammaires albanaïses en usage, constituées principalement de règles unilatérales. Ainsi, l'emploi du déterminant défini albanais est légitimé par la notoriété du référent ou sa familiarité, associé aux effets sémantiques connus sous les termes « défini fort », « défini faible » et « générique » tels que sont décrits scientifiquement en linguistique moderne. Dans la présente étude comparative, nous soutenons que les propriétés sémantiques observées en français et en anglais ainsi que dans d'autres langues peuvent se conceptualiser et se marquer en albanais aussi. J'y propose également un bref aperçu des problématiques et des valeurs de similarité sémantique les plus étudiées dans le domaine du syntagme nominal.

MOTS-CLÉS: SN, définitude, morphosyntaxe, comparaison, interprétation.

Auteur: Teutë Blakqori, Docteur en Sciences du Langage de Paris 8, (chargée de cours en français à l'université de Prishtina, Faculté de philologie, Département de la Langue et Littérature Françaises, adresse: Université "Hasan Prishtina" de Pristina, Mère Tereza p. nr. 10000 Kossovo; e-mail : teutabl@hotmail.fr.

T. Blakqori

Prishtina, Kosovo

THE WEAK DEFINITENESS IN ALBANIAN : COMPARATIVE STUDY

ABSTRACT. This article focuses on the distribution and interpretation of noun phrases defined in Albanian, systematically observed from a comparative angle. Moreover, the comparison between French and other languages makes us note that in Albanian too, there is a "weak" effect concerning the definiteness of a definite noun phrase (DPdef). Or, the name cinema in Alice likes the cinemadenoting a general category (this type of place which one names cinema) can quite be interpreted in the same way in all the natural languages. This interpretation is new to the Albanian grammars in use, consisting mainly of unilateral rules. Thus, the use of the Albanian definite determinant is legitimized by the notoriety of the referent or his familiarity, associated with the semantic effects known under the terms "definite strong", "definite weak" and "generic" as are scientifically described in modern linguistics. In this comparative study, we argue that the semantic properties observed in French and English as well as in other languages can be conceptualized and marked in Albanian as well. The auther also propose a brief overview of the most studied problems and semantic similarity values in the domain of the noun phrase.

KEY WORDS: DP, definiteness, morphosyntax, comparison, interpretation.

About the author: Teutë Blakqori, PhD in Linguistics of the University Paris 8, lecturer in French at the University of Prishtina, Faculty of Philology, Department of French Language and Literature; address: University "Hasan Prishtina" of Pristina, Mother Tereza p. nr. 10000 Kossovo; E-mail: teutabl@hotmail.fr.

INTRODUCTION

Le présent article se concentre sur la définitude (DF) et particulièrement sur la réflexion et la nouveauté de valeurs significatives lors de l'utilisation du morphème qu'en peut identifier comme l'article défini dans la langue albanaise¹ standard actuelle.

¹ L'histoire sur l'origine de l'albanais semble assez controversée : pour D'Angély (1998), il s'agit d'une langue pélasgique ou étrusque ; pour Gut (1999) et pour plusieurs linguistes albanaïses, il s'agit d'une langue indo-européenne « satem » ou orientale par opposition à la langue indo-européenne occidentale ou « centum ». L'albanais, rattaché à deux langues anciennes « l'illyrien » et « le thrace », a eu recours à des emprunts lexicaux d'origine grecque, latine, romane, slave et turque. Même si cette langue a été unifiée en 1972, on

En examinant les nombreux exemples donnés ici, issus de la littérature écrite ou créés par nous sur la base de nos connaissances linguistiques, nous supposons qu'une définition complète et détaillée sur la référence en général d'un syntagme nominal (SN) n'a pas été traitée dans toutes les langues. En albanais, les syntagmes nominaux définis peuvent être caractérisés par la présupposition d'existence d'unicité, de notoriété ou de maximalité. Dans le cas où il n'y a pas de présupposition d'unicité, il s'agit d'une interprétation « définie faible ». Autrement dit, un SN défini faible ne peut pas nous conduire à identifier le référent comme unique, particulier ou présupposé, il s'agit plutôt d'un effet sémantique d'une expression nominale non explicitée dans le contexte antérieur comme le SN *lion* dans la phrase suivante *Mon fils aime dessiner le lion en général*. L'effet sémantique de la définitude peut être déclenché par l'occurrence de l'article défini établissant une référence univoque sans avoir recours à la situation ou au contexte. Par exemple : *La bouteille est restée ouverte. Le bouchon avait disparu sans savoir comment*. Cette interprétation mettant en vue les rapports stéréotypés entre *bouteille* et *bouchon* s'appelle « anaphore associative ». L'article défini s'interprète soit comme un renvoi direct au contexte : *Pouvez-vous fermer la fenêtre ?* où le l'identification du terme *fenêtre* se trouve dans le cadre de la perception, soit comme un renvoi à l'espèce : *L'abeille est un insecte* (que nous ne détaillerons pas ici).

Aujourd'hui, pour la compréhension de base sur la définitude en albanais, la plupart des linguistes albanais examinant cette question, comme : Çabej (1976), Demiraj (1969), Memushaj (2008), Riza (1958), Agaliu (1975), Përnaska (1996), Bokshi (1984), Abrashi (2014), Sejdiu-Rugova (2014), dans leurs travaux traditionnels et contemporains, expliquent très bien comment le nom défini est utilisé pour montrer une entité unique, distincte des autres entités d'un même groupe mais, ils ne parlent pas de définitude faible. Ceci est la motivation principale de ce travail où j'ai fait en sorte que le sujet soit traité dans la syntaxe du syntagme nominal en albanais, sous l'optique de l'hypothèse DP² de la syntaxe générative. Cette nouvelle hypothèse (*DP anglais : Déterminer Projection* « syntagme nominal »), détermine les règles syntaxiques d'une structure donnée d'un syntagme nominal en général et explique l'existence d'un parallélisme entre la structure de la phrase et celle d'un groupe nominal comme en (1) :

- (1) a. la destruction de cette ville
- b. Cette ville a été détruite.
- c. Quelqu'un a détruit cette ville.

Selon cette théorie, à l'intérieur de la structure syntaxique profonde du syntagme nominal *la destruction de cette ville* se cache la phrase suivante : *Cette ville a été détruite*. Ainsi, l'exemple en (1a), vu d'un aspect syntaxique du courant linguistique, appelé générativisme, doit être considéré comme le résultat de l'exemple en (1b). Ensuite, la phrase dans (1b) est également issue d'une opération syntaxique en transformant la voix active (1c) en voix passive (1b). Dans cet article, l'albanais est fréquemment comparé à d'autres langues (notamment le français, l'anglais, le roumain, et quelques langues connues sous le terme « les créoles » à base lexicale française) telles qu'elles sont décrites dans divers travaux de linguistique. Ici, nous présenterons rapidement les points les plus développés de la sémantique et de la syntaxe des syntagmes nominaux.

1. Présupposés théoriques

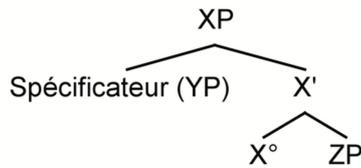
1.1. La théorie X-barre et l'asymétrie de la syntaxe

J'admettrai pour la description l'hypothèse qu'une structure syntaxique est par nature asymétrique (Kayne 1994) et que l'asymétrie de la syntaxe peut être exprimée par la théorie X-barre de la constituance (*cf.* notamment Jackendoff 1977, Chomsky 1981).

- (2) La structure syntagmatique selon le schéma x-barre :

trouve toujours deux dialectes bien marqués : le « guègue » (au Nord) et le « tosque » (au Sud). Cet article est écrit en albanais officiel, basé principalement sur le tosque, langue à morphologie flexionnelle.

² Cette idée sort du cœur des études générativistes, notamment Chomsky 1970, 1981, 1987, Abey 1987.

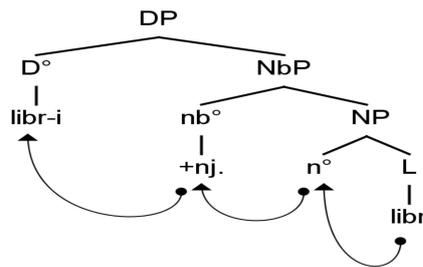
- X° est la tête du syntagme ; X' l'étage intermédiaire ; XP (anglais X *Phrase*, 'syntagme X') représente l'étage (ou la projection) supérieur (e).
- ZP est un syntagme (P [*hrase*]) quelconque, complément de la tête X°. Par exemple, dans le syntagme verbal, la tête est étiquetée V° et sa projection maximale, VP (*Verb Phrase*) ; la position Spécificateur peut accueillir l'argument externe de V' (le sujet), et la position Complément, l'argument interne (l'objet).

1. 2. La structure du syntagme nominal : l'hypothèse DP

Au sein de la description de cette étude, il faut tenir compte du concept général de la syntaxe développée par la théorie chomskyenne des années 60 (*cf.* : Chomsky 1970, 1981, 1995 ; Cinque 1999 ; Rizzi 1997). Selon cette théorie, les items fonctionnels tels que le temps, le mode, l'aspect, le déterminant, le nombre représentent la tête des syntagmes qui ont des niveaux supérieurs ou des projections lexicales pour complément. Cette optique générale conduit à établir un parallélisme entre la structure de la phrase et celle du syntagme nominal (*cf.* notamment Szabolcsi 1984, 1994 ; Abney 1986, 1987 ; Milner 1978, 1982 ; Zribi-Hertz 1998, 2002 ; Dobrovie-Sorin 2002 ; Coene & D'Hulst 2003) : de même que le syntagme verbal est dominé par les têtes fonctionnelles Aspect, Mode, Temps, Polarité, Complémenteur, de même le syntagme nominal est dominé par les têtes fonctionnelles, notamment Nombre et Déterminant. Le syntagme nominal maximal devient donc un « DP », une projection la plus haute du système, ayant pour tête supérieure D (le déterminant).

D'un point de vue de l'hypothèse « DP », on peut supposer que la grammaire albanaise respecte une règle selon laquelle le lexème monte toujours dans la tête « D » du DP. Par exemple :

- (3) L'arbre syntaxique du mot *libr-i* « le livre » :

Selon l'approche antisymétrique de la syntaxe de l'hypothèse DP, on suppose que la grammaire albanaise inclut une règle qui déplace dans la tête D un lexème initialement fusionné dans la tête n°. Comme on le constate, **et** contrairement à l'article défini préposé en français (*la voiture*), en italien (*la macchina*), en anglais (*the car*), l'article défini albanais est postposé (*vetur -ën*), se représente morphologiquement comme un morphème lié, et se comporte comme un suffixe et non comme un enclitique. Ainsi, une paire minimale comme (4) illustre le principal marqueur de définitude de l'albanais, dans l'exemple (4b), le marqueur de définitude *-in* est attaché au nom *ujë* « eau » :

- (4) a. Ø bleva ujë.
1sg achetai eau
'J'ai acheté (de l') eau.'
- b. Ø bleva uj **-in**.

1sg achetai eau DF
 'J'ai acheté l'eau.'

1.3. Morphologie de l'article défini

Lyons (1999) classe les déterminants définis à travers les langues sur la base de leurs propriétés morphologiques : il peut s'agir de morphèmes libres, ou de morphèmes liés, et s'ils sont des morphèmes liés, ils peuvent s'attacher soit à un mot, soit à un syntagme.

Ainsi en amharique, le déterminant défini de (5) se manifeste comme un morphème lié :

- (5) set-**wa**. [amharique]
 woman df
 'the woman'
 [repris de Lyons 1999 : 73]

La question se pose de savoir si le morphème lié est un suffixe (sélectionnant une tête lexicale) ou un enclitique (attaché à un syntagme). Selon Lyons (1999), le morphème lié défini doit être identifié comme un suffixe s'il s'attache à droite du premier mot du syntagme nominal, comme en (6) et (7), et comme un enclitique s'il s'attache au dernier mot du syntagme nominal quel que soit le nombre de lexèmes qui le composent, comme le montre l'exemple en (8).

- (6) a. dähna **-wa** set [amharique]
 bonne df femme
 'la belle femme'
 [Ex. adapté de Lyons 1999 : 73]
 b. * dähna set **-wa**.
 bonne femme df
- (7) Vizdam golemi **-ja** xubav grad. [bulgare]
 voir-1sg grand df beau ville
 'Je vois la grande, la belle ville.'
- (8) carte **-a** buna or bun **-a** carte [roumain]
 livre df bon or bon df livre.
 'le beau livre'
 [ex. adaptés de Lyons 1999: 75]
- (9) elur zuri, otz ta lodi **-a** [basque]
 neige blanc froid et épais df
 'la neige blanche, froide et épaisse'
 [ex. adapté de Lyons 1999 : 77]

Une autre illustration de déterminant défini enclitique est fournie par les créoles à base lexicale française, comme le martiniquais :

- (10) a. Mari wè chat-**la**
 b. Mari wè chat nwe-**a** [martiniquais]
 Mary see cat black-df
 'Mary saw the cat.' 'Mary saw the black cat.'
- [Exemples de Zribi-Hertz et Jean-Louis 2012 : 3]

Le déterminant défini albanais est généralement décrit comme s'attachant au premier mot lexical de son syntagme nominal, quelle qu'en soit la catégorie: nom, adjectif qualificatif, adjectif ordinal ou possessif. Encore une fois, en albanais le déterminant défini est un morphème lié qui se comporte comme un suffixe et non comme un enclitique. Ceci est illustré par l'exemple suivant :

- (11) a. Ø e lexova libr **-in** blu.
 1sg le lus livre DF bleu
 'J'ai lu le livre bleu.'
 b. * Ø e lexova libër blu **-n**.
 1sg le lus livre bleu DF
 'J'ai lu livre bon-le.'

2. Distribution et effets sémantiques du suffixe défini

En ce qui concerne la distribution et les effets sémantiques du déterminant défini, on suppose que la sémantique sur la définitude est généralement identifiée dans la littérature linguistique mondiale avec les termes *unicité* et *familiarité*. La notion

d'unicité est traitée, entre autres, par Russel 1905, Strawson 1950, Roberts 2003, Barker 2005. Ainsi, selon Russel, l'article défini, dans sa valeur première, implique l'unicité ("Now *the* when it is strictly used, involves uniqueness...p.480"). Les exemples suivants montrent que l'albanais dispose d'une morphologie dont l'effet sémantique est analogue à celui de l'article défini du français et de l'anglais. Selon le résultat de toutes les recherches dans ce domaine, on constate qu'un DP défini peut exprimer, entre autres, ces trois types d'interprétations³ :

- Interprétation définie générique (*Le papillon est un insecte.*)
- Interprétation définie forte (*J'adore le papillon dans ton dessin.*)
- Interprétation définie faible (*J'aime dessiner le papillon.*)

Interprétation définie générique : Le référent⁴ doit être compris comme une espèce. Un cas intéressant méritant d'être mentionné ici est le fait qu'en anglais, selon une étude comparative entre l'anglais et les langues romanes, la lecture générique n'est réalisée que par des noms singuliers. Cela signifie que l'anglais diffère du français et de l'albanais sur ce point:

(12) anglais	a. Tigers are dangerous animals.	[générique]
	b. The tigers are dangerous animals.	[spécifique]
(13) français	a. Les tigres (en général) sont des animaux dangereux.	[générique]
	b. Les tigres (que l'on sait) sont des animaux dangereux.	[spécifique]
(14) albanais	a. Tigr -at (në përgjithësi) janë kafshë të rrezikshme.	[générique]
	tigres DF (en général) sont animaux dangereux	
	b. Tigr -at (që i njohim) janë kafshë të rrezikshme.	[spécifique]
	tigres DF (que l'on sait) sont animaux dangereux	

En albanais, comme dans les langues romanes, les DP sémantiquement définis sont réalisés morphologiquement comme définis, que ce soit au singulier ou au pluriel. (*Helmi është vdekjeprues* « Le poison est mortel » ou *Helmet janë vdekjeprues* « Les poisons sont mortels »), selon le contexte, la sémantique ou la distribution. Contrairement au français, le nom propre albanais sémantiquement défini générique est présenté morphologiquement muni obligatoirement d'un article défini :

(15) albanais	a. Cro-Magnon -i ishte i shkathët.	
	Cro.Magnon DF était lucide	
français	b. Cro-Magnon (l'homme de Cro-Magnon) était lucide.	

Selon Beyssade (2005), les espèces dénotées par des DP définis singuliers sont, dans un point de vue sémantique, des « entités atomiques » (indivisibles), alors que les DP définis pluriels sont des « sommes maximales » (divisibles).

Interprétation définie forte : Cette interprétation apparaît lorsque le nom est muni d'un article défini et dont le référent est connu par les interlocuteurs. Le référent devient connu grâce au contexte linguistique, (*cf.*(16a)), à la situation (*cf.*(16b)) ou aux connaissances communes déjà existantes pour les interlocuteurs (*cf.*(16c)). Les exemples suivants sont empruntés au Leeman (2004: 43-45) :

(16)	a.	(On nous a conseillé de lire un roman et une comédie.)
		Ende nuk e kam filluar roman -in .
		pas encore n'ai pas commencé roman DF
		'Je n'ai pas encore commencé le roman. '
	b.	Shikoje statuj -ën e bukur.
		regarde statue DF jolie
		'Regarde la jolie statue. '
	c.	Ø pashë profesor -in .
		1sg vis professeur DF
		'J'ai vu le professeur. '

Selon une autre formulation, la définitude forte implique l'ancrage spatio-temporel

³ Kallulli (1999 :90), différents types d'interprétation d'un SN viendrait d'une analyse issue de la structure syntaxique interne de chaque expression nominale. Par exemple, pour qu'un nom albanais s'interprète comme générique, comme dans toutes les langues balkaniques, il doit obligatoirement être muni de l'article défini.

⁴ Ce terme est utilisé par Ferdinand de Saussure disant que tout objet ou action peut fonctionner comme un signe.

du référent (*cf.* Zribi-Hertz et Jean-Louis 2012). L'ancrage spatio-temporel du référent peut être fourni également par « anaphore associative » (anglais *bridging* : *cf.* notamment : Manuélian 2003, Kleiber *et al.* 1993, Kleiber 1999, 2001, Corblin 1985, 1987) ; le référent doit être familier, même si cette familiarité est indirecte, comme dans le cas des anaphores associatives (Un couple est entré. **L'homme** portait un chapeau.).

Interprétation définie faible : Le DP n'implique pas l'ancrage spatio-temporel du référent (*cf.* Zribi-Hertz et Jean-Louis 2012), mais dénote plutôt une catégorie générale, un type d'entité plutôt qu'une entité spécifique (*cf.* Aguilar et Zwarts 2010). Le terme défini(tude) faible (anglais : weak définitive(ness)) est introduit pour la première fois par Poesio (1994), Barker (2005), pour décrire les DP anglais et est ensuite discuté par Carlson & al. (2006), Aguilar & Zwarts (2010) et Zribi-Hertz et Jean-Louis (2012). Ainsi, le DP défini dans les exemples ci-dessous est sémantiquement ambigu dans les langues suivantes :

- (17) albanais Atij i pëlqen **plazh** -i.
 lui le plaît plage DF
 anglais He likes **the beach**.
 français Il aime **la plage**.
 a. Il aime **la plage** (en question).’ [lecture forte]
 b. Il aime **la plage** (ce type de lieu qu'on nomme *plage*).’ [lecture faible]
 [ex. inspirés et adaptés de Carlson *et al.* 2006: 6]

Nombreux sont les linguistes du monde entier qui se sont souciés face à ce problème : comment faire pour éviter une telle ambiguïté. Pour y arriver, les linguistes ont construit et mis en disposition les quatre tests suivants :

- I. L'ellipse du VP : Carlson & al. (2006) et Klein & al. (2009) soutiennent que ce que nous appelons les 'les définis faibles', illustrés en (13b), réagissent comme des variables au test de l'ellipse du VP ; sur ce point ils sont semblables aux singuliers nus (« bare singulars ») comme ceux de (13a), avec lesquels les auteurs supposent donc qu'ils forment une classe sémantique distincte des descriptions définies, qu'ils nomment « définis indéfinis » (anglais *indefinite definites*) :

- (18) a. Sue dislikes {going to prison/ watching TV} (and so does John).
 'Sue n'aime pas aller en prison/regarder la télé (et Jean non plus).'
 b. Sue dislikes {going to the beach/listening to the radio} (and so does John).
 'Sue n'aime pas aller à la plage/ écouter la radio (et Jean non plus).'
 [ex. adaptés de Zribi-Hertz et Jean -Louis 2012: 1]

- II. La portée : selon Carlson & al. (2006) et Klein & al. (2009), les « définis indéfinis », contrairement aux « vrais définis », ont une portée étroite par rapport à un autre quantificateur, ici, le cas du « tous » :

- (19) a. Të gjithë fëmij -ët e shikojnë televizor -in. [portée large/étroite]
 tous enfants DF regardent télévision DF
 'Tous les enfants ont regardé la télé.'
 b. Të gjithë fëmij -ët e shikojnë shtëp -in. [portée large/*étroite]
 tous enfants DF regardent maison DF
 'Tous les enfants ont regardé la maison.'

Le DP défini de (19b) est seulement interprété comme ayant portée large sur le quantificateur contenu dans le sujet (on présuppose une certaine maison que chaque enfant a regardée) ; le DP défini de (19a) est ambigu quant à la portée ; s'il a portée large par rapport au sujet quantifié, il présente l'interprétation forte (tous les enfants ont regardé le même téléviseur) ; s'il a portée étroite, il a l'interprétation faible (il peut y avoir autant de téléviseurs différents qu'il y a d'enfants).

- III. L'occurrence de modifieurs : seule la lecture définie forte est possible en présence d'un modifieur (*cf.* 20)).

- (20) Mari -së i pelqen plazh -i.
 à Marie DF lui plaît plage DF

- 'Marie aime la plage.'
- (i) la plage en question.
- (ii) le type de lieu appelé plage.
- (21) Mari-së i pelqen plazh-i i dajës së saj/ plazhi i madh.
Marie aime la plage de son oncle/ la grande plage.'
- (i) la plage en question.
- (ii) * le type de lieu appelé grande plage/ plage de mon oncle.

IV. L'élargissement du sens des verbes : la lecture faible est solidaire de certains choix lexicaux et de certains verbes :

- (22) a. Pierr -i dëgjon radio -n/ lexon gazet -ën/ përdor ashensor -in.
Pierr DF écoute radio DF / lit journal DF / prend ascenseur DF
'Pierre écoute la radio / lit le journal / prend l'ascenseur.'
[ambigu : fort/faible]
- b. Pierr -i riparon radio -n/ këput gazet -ën/ fotografon ashensor -in.
Pierre DF répare radio DF/découpe journal DF/photographie ascenseur DF
'Pierre répare la radio / découpe le journal / photographie l'ascenseur.'
[ex. adaptés de Beyssade 2010 : 2] [non ambigu : fort/*faible]

Encore une fois, les objets définis albanais : *radion* « la radio », *gazetën* « le journal », *ashesorin* « l'ascenseur » peuvent dénoter en (22a) soit une entité spécifique (lecture forte), soit un type d'entité (lecture faible). Lorsqu'il s'agit d'une lecture faible, on pourrait dire que le nom a une référence « virtuelle », au sens de Milner (1982⁵).

Les propriétés retenues comme caractéristiques des « définis faibles », créées par nos linguistes susmentionnés, mises en dispositions de tous les lecteurs sont également vérifiées par les « DP définis » albanais.

CONCLUSIONS

Pour conclure, d'un point de vue morphosyntaxique, nous avons voulu argumenter l'idée que l'article défini en albanais est un morphème lié, identifiable comme un suffixe plutôt que comme un clitique syntagmatique. C'est ce qui permet de supposer que la dérivation d'un DP défini implique le déplacement dans la tête D° d'un lexème fusionné dans n° et fléchi pour le genre et le nombre. Cette analyse n'est pas en conflit avec la généralisation de Lyons (1999 : 78) selon laquelle : «...suffixal articles more generally, are realizations of a D head...». En règle générale, l'emploi du déterminant défini albanais est légitimé par la notoriété du référent ou sa familiarité et la maximalité. Ainsi, l'article défini albanais peut être associé aux effets sémantiques connus sous les termes « défini fort », « défini faible » et « générique ». Le présent article montre également que le contexte légitimant, interdisant ou requérant l'occurrence de l'article défini albanais correspond au contexte qui légitime, interdit et requiert l'article défini en français. Contrairement au français, tout nom propre albanais sémantiquement défini générique se présente morphologiquement muni obligatoirement d'un article défini. L'aspect comparatif de notre recherche dans ce travail a mis en évidence qu'il y a plusieurs effets sémantiques différentes pour un expression définie, déclenchés même par des facteurs extralinguistiques. En conclusion, nous estimons que, sur la base des caractéristiques sémantiques, la grammaire albanaise doit mettre en usage le terme « définitude faible » pour compléter la précédente définition sur la définitude ou les effets sémantiques associés à ses définis singuliers et pluriels.

⁵ ... « A chaque unité lexicale individuelle est attaché un ensemble de conditions que doit satisfaire un segment de la réalité pour pouvoir être la référence d'une séquence où interviendrait cruciallement l'unité lexicale en question[...]. L'ensemble de conditions caractérisant une unité lexicale est sa référence virtuelle » (Milner 1982 :10).

RÉFÉRENCES

1. Agalliu et al. (2002). Gramatika e gjuhës shqipe : morfologjia (La grammaire de la langue albanaise: morphologie). Vol.1. Tirana : Académie des Sciences.
2. Çeliku et al. (2002). Gramatika e gjuhës shqipe Vëllimi II Sintaksa (La grammaire de la langue albanaise: syntaxe). Vol. II. Tirana : Académie des Sciences.
3. Bokshi B. (1984). Prapavendosja e nyjes në gjuhët ballkanike. Prishtina: Rilindja.
4. Carlson G., R., Klein N. (2006). Weak definite noun phrases. Amherst, MA : GLSA.
5. Chomsky N. (1987). La nouvelle syntaxe. Paris : Seuil.
6. Corblin F. (1987). Indéfini, défini et démonstratif. Genève : Droz.
7. Çabej E. (1977). Studime gjuhësore, vëllimi IV. Prishtinë : Rilindja.
8. Demiraj Sh. (1969). Rreth kategorisë së shquarësisë e të pashquarësisë në gjuhën shqipe,
9. Studime filologjike IV: 145-159, Tiranë.
10. Kallulli D. (1999). The Comparative Syntax of Albanian. On the Contribution of Syntactic
11. Kayne R. (1994). The antisymmetry of syntax, Cambridge : The MIT press.
12. Memushaj R. (2003). Gjuhësia gjenerative, Tiranë.
13. Milner J.Cl. (1978). De la syntaxe à l'interprétation. Paris : Le Seuil.
14. Përnaska R. (1996). La syntaxe de l'énoncé en albanais contemporain. Thèse de doctorat. Université de Paris VII. 671 p.
15. Poesio M. (1994). Weak definites, in M. Harvey & L. Santelmann (Eds.), *Proceedings of Salt*, IV. Cornell: DMLL. Pp. 282-299.
16. Riza S. (1958). Nyjat e shqipes. Tiranë: Buletini i Universitetit Shtetëror të Tiranës.
17. Russell B. (1905). On Denoting, in *Mind*. Vol.14. Oxford: University Press. Pp. 479-493.
18. Sejdiu-Rugova L. (2014). Strukturat determinative të shqipes - Analizë pragmatike e njëjës së shquar dhe çështje të terminologjisë sintaksore në shqipen. Studime, 21. Prishtinë. Pp. 341-354.
19. Topalli K. (2009). Nyjat e shqipes. Tiranë : Toena.
20. Zribi-Hertz A., & Jean-Louis L. (2012). From Noun to Name : weak definite markers, in *Modern Martinique*. Utrecht University, Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

УДК 821.111-312.9:821.133.1-312
ББК Ш33(7Сое)6-8,444+Ш33(4Фра)6-8,444

К. Гадомска
Катовице, Польша

K. Gadomska
Katowice, Pologne

**JEAN-PIERRE ANDREVEON – L'HORREUR A L'AMERICAINE. LA LECTURE
CROISEE DE *BRUME* DE STEPHEN KING ET DE
LA MAISON QUI GLISSAIT D'ANDREVEON**

RÉSUMÉ. Le but de l'article consiste à présenter l'analyse comparée des relations hypertextuelles entre l'hypotexte fondateur - la nouvelle américaine *Brume* de Stephen King et son hypertexte - le roman français *La Maison qui glissait* de Jean-Pierre Andreveon. Andreveon, appelé souvent le «King français» est un écrivain contemporain qui ne cache pas son admiration pour le maître américain de l'épouvante. En proposant la lecture croisée des deux textes, nous prenons en considération, entre autres, leur appartenance générique, leur motif central, leur champ sémantique (la reprise des épisodes, le microcosme social) ainsi que les éléments stratégiques de chaque récit fantastique : la nature, les manifestations, le mode d'introduction du phénomène maléfique et l'explicit ambigu des deux ouvrages. Nous analysons également leurs sources d'inspiration communes, à savoir l'aspect tératologique du fantastique de H.Ph. Lovecraft. Nous tentons aussi de nous demander si Andreveon, malgré ces influences multiples qu'il a consciemment subies, a su garder son identité hypertextuelle. Dans nos recherches, nous nous appuyons sur l'éclectisme méthodologique utilisant aussi bien les techniques d'analyse caractéristiques de la littérature fantastique (les travaux critiques de Tzvetan Todorov, Joël Malrieu, Valérie Triter, Jacques Goimard) ainsi que la méthodologie littéraire mainstream (les théories de Gérard Genette, Gaston Bachelard).

MOTS-CLÉS : Andreveon, King, fantastique, horreur, brume, monstre, Lovecraft.

Auteur: *Katarzyna Gadomska, Docteure habilitée à diriger des recherches (HDR) en littérature française, Maître des conférences, Institut des langues romanes et de traduction, l'Université de Silésie (Katowice, Pologne); adresse de l'Université: ul. Grotta-Roweckiego 5, 41-200 Sosnowiec, Pologne; e-mail: kagadomska@gmail.com.*

K. Gadomska
Katowice, Pologne

**JEAN-PIERRE ANDREVEON: THE AMERICAN-STYLE HORROR.
COMPARATIVE READING OF *BRUME* BY STEPHEN KING AND *LA MAISON QUI
GLISSAIT* BY ANDREVEON**

ABSTRACT. This article aims to present a comparative analysis of the hypertextual relations between the source hypotext - the American novel *Brume* by Stephen King and its hypertext - the French novel *La Maison qui glissait* by Jean-Pierre Andreveon. Andreveon, often called the "French King" is a contemporary writer who does not hide his admiration for the American master of the horror. By proposing comparative reading of the two texts, this article focuses, among others, on their genre, central motif, semantic field (repetition of episodes, the social microcosm), as well as the strategic elements of every fantastic text: nature, the manifestations, the way of introducing the malevolent phenomenon and the ambivalent explicit of both texts. The article also analyzes their common sources of inspiration: the teratological aspect of H.P. Lovecraft's fantastic. Moreover, it raises the question if Andreveon, in spite of being greatly influenced and aware of that fact, has been able to retain his hypertextual identity. In my studies, I am going to adopt a methodologically eclectic approach, using both the research techniques characteristic of fantastic literature (critical works by Tzvetan Todorov, Joël Malrieu, Valérie Triter, Jacques Goimard) and mainstream literary methodology (the theories of Gérard Genette, Gaston Bachelard).

KEYWORDS: Andreveon, King, The Fantastic literature, The Horror, The Mist, The Monster, Lovecraft.

About the autor: *Katarzyna Gadomska, PhD with habilitation, Associate Professor, University of Silesia, the Institute of Romance Languages and Translation; address: ul. Grotta-Roweckiego 5, 41-200 Sosnowiec, Poland; e-mail: kagadomska@gmail.com*

**INTRODUCTION : JEAN-PIERRE ANDREVEON ET LA LITTÉRATURE POPULAIRE
AMERICAINE**

Jean-Pierre Andreveon est un écrivain français contemporain de renom, l'auteur de

plus de cent soixante textes (romans, cycles romanesques et récits) hybridant les traits génériques de l'horreur, du fantastique, de la science-fiction, de la *fantasy*, du roman policier et du *thriller*. Andrevon ne cache pas son admiration pour la culture et la littérature populaires américaines. Parmi ses maîtres, il évoque, entre autres, Edgar Allan Poe, H. Ph. Lovecraft, Richard Matheson, Harlan Ellison, Thomas M. Disch et, avant tout, Stephen King (Andrevon 1980 : 8). C'est à ce dernier qu'Andrevon est d'ailleurs fréquemment comparé par les critiques et les fans français, ce qui lui vaut le sobriquet de « King français. ». Plusieurs textes de l'écrivain français se présentent comme des compilations de citations, allusions, références plus ou moins directes à la littérature et à la popculture américaines¹. A maintes reprises, Andrevon mentionne et, parfois, transforme dans ses ouvrages les phénomènes iconiques de cette culture, tels que l'énigme de Roswell, les mystères sous le signe de X Files, les monstres lovecraftiens, les dinosaures du Jurassic Parc, le cycle Alien etc.

Etant donné cette admiration de l'écrivain français pour la culture et la littérature américaines, nous voudrions nous concentrer dans notre communication sur les relations hypertextuelles (Genette 1982 : 7-11) que nouent le roman andrevonien *La Maison qui glissait* et la nouvelle *Brume* de Stephen King, véritable maître de l'horreur américaine. Le lecteur familiarisé avec la littérature populaire remarquera sans problème la présence effective du texte kingien dans *La Maison qui glissait*. *Brume*, publiée pour la première fois en 1980², est un hypotexte (pour reprendre les notions genettiennes) de *La Maison...* de 2010, roman qui dérive du récit kingien dans une opération de transformation. Andrevon multiplie les références à la nouvelle américaine par l'entremise de toute une panoplie de procédés transformationnels qu'il met en œuvre. Il faut pourtant souligner que son roman, entre autres, grâce à son amplitude textuelle permet à l'écrivain français d'éviter le piège d'une simple imitation et lui permet de réaliser ses propres ambitions esthétiques et idéologiques. A titre d'explication : la nouvelle *Brume* ne comporte que 155 pages tandis que le roman andrevonien en englobe 604, ce qui rend possible l'introduction et le développement des convictions et idées chères à Andrevon, des leitmotifs originaux traversant toute son œuvre. Par ce roman, l'auteur français rend hommage à son maître américain tout en gardant pourtant son identité hypertextuelle. Montrons les relations hypertextuelles entre ces deux textes de plus près³.

1. *Brume* de Stephen King et *La Maison qui glissait* d'Andrevon - analyse comparative des relations hypotexte / hypertexte

Il faut tout d'abord souligner que l'appartenance générique de ces deux ouvrages ainsi que leur **motif central** révèlent des parallélismes considérables.

Le roman andrevonien ainsi que le texte kingien posent des difficultés de classement générique précis : les deux livres oscillent entre l'horreur, le fantastique et la science-fiction. L'horreur et le fantastique semblent dominer leur action, les éléments de la science-fiction sont dispersés et ne servent qu'à une explication rationnelle des faits relatés. Cet effacement des frontières génériques entre les genres voisins de littératures de l'imaginaire, leur interpénétration est un trait qui caractérise aussi bien l'œuvre de King que celle d'Andrevon.

Le point de départ de ces deux textes ainsi que la nature du phénomène⁴ maléfique étonnent le lecteur par un nombre considérable d'analogies. Rappelons brièvement que dans *Brume*, c'est une mystérieuse brume du titre qui apparaît un jour et qui recouvre le village de Bridgton en emprisonnant un groupe de personnes dans un supermarché. *La Maison qui glissait* reprend, à notre avis, un schéma semblable : les habitants d'un gratte-ciel, la Tour d'Érables, sont emprisonnés dans leur bâtiment par l'apparition soudaine et inexplicable d'une énigmatique brume les séparant du reste du monde.

¹ Andrevon s'inspire aussi d'auteurs britanniques, tels que Arthur Conan Doyle, H.G. Wells, Agatha Christie.

² La nouvelle a été publiée pour la première fois dans l'anthologie *Dark Forces* (1980) et rééditée dans *Skelton Crew* en 1985.

³ Nous tenons à préciser que dans nos recherches, nous nous appuyons sur l'éclectisme méthodologique utilisant aussi bien les techniques d'analyse caractéristiques de la littérature fantastique (les travaux critiques de Tzvetan Todorov, Joël Malrieu, Valérie Tritter, Jacques Goimard et d'autres encore) ainsi que la méthodologie littéraire mainstream (les théories de Gérard Genette, Gaston Bachelard).

⁴ Nous y faisons allusion au terme « phénomène » de Joël Malrieu (1992 : 81-110). Le critique perçoit chaque récit fantastique en tant que confrontation du personnage et du phénomène qui est l'élément perturbateur de la diégèse.

Dans les deux textes, les personnages – témoins de la manifestation du phénomène sont étonnés par le fait que la brume apparaît en plein été, ce qui n'est pas, selon eux, conforme aux lois de la nature. Les protagonistes kingiens commentent cette dérogation aux lois naturelles ainsi : « - *L'hiver a été dur et le printemps tardif [...] Et l'été est très chaud. Et il a y eu un violent orage mais il est passé.* (1987 : 29)

- *Qu'est-ce que c'est [...]?*

- *Une nappe de brouillard [...].*

- *Sur le lac? [...]*

- *Pourquoi pas? Ca n'est pas la première fois qu'on voit du brouillard sur le lac.*

- *Jamais comme ça. On dirait plutôt un nuage. [...] A quoi c'est dû ? Il n'y a que du brouillard que par temps humide.*

- *Bizarre.* » (King 1987 : 33-34)

Les personnages andrevoniens expriment aussi leur étonnement causé par cette anomalie : « *Du brouillard un 30 août de canicule? Ça n'avait aucun sens. (2010 : 21); Une brume matinale, l'ancienne fille de ferme connaissait. Mais en automne, en hiver, quand les champs labourés fument au sortir de la nuit. Pas en plein été. [...]* » (Andrevon 2010 : 43)

Dans ces deux fragments, les écrivains se servent de la technique de la gradation (appelée aussi la structure en crescendo ou bien la technique des signes avertisseurs) emblématique des genres anxio-gènes (Gadomska 2012 : 226-227). Cette technique permet d'introduire le phénomène maléfique de manière progressive et crédible, pour que la rupture avec le réel ne soit pas trop violente. La tension est donc construite graduellement et les sentiments qui naissent au cours de la lecture évoluent de l'étonnement, par l'inquiétude, l'angoisse jusqu'à la peur et l'horreur finales.

Comparons ensuite les descriptions des phénomènes maléfiques chez les deux auteurs. La brume kingienne est présentée par le narrateur de cette manière : « *La rive opposée du lac [...] avait disparu. Elle était ensevelie sous un banc de brouillard d'un blanc étincelant, comme un nuage qui serait tombé sur la terre. La rive d'en face était entièrement escamotée [...]. Puis [je] tournai de nouveau mes regards vers la brume. J'avais l'impression que la nappe s'était rapprochée mais c'était seulement une impression - comment savoir ? Si elle était rapprochée, c'était un défi à toutes les lois de la nature car le vent [...] allait dans le sens contraire. C'était donc manifestement impossible. Elle était très, très blanche. La seule chose comparable, c'est la neige franchement tombée étincelant contre un ciel bleu marine et brillant. Mais la neige reflète des centaines et des centaines de diamants au soleil tandis que la nappe de brume que j'avais sous les yeux, encore que brillante et immaculée, ne scintillait pas du tout. [...] La sensation de malaise revint me tirailler.* » (King 1987 : 32-35)

Et voilà la brume vue par les habitants de la Tour : « [...] *le panorama entier était étouffé sous une dense couche laiteuse, un engorgement presque solide, un dévalement de coton hydrophile [...] (2010 : 21); la brume blanche refermée sur la tour possédait une qualité particulière difficilement analysable ne tenant pas tant à son aspect - ce poudroïement en apparence immobile qui, à la périphérie du regard, semblait frémir, comme si des formes fugitives s'étaient agitées à l'intérieur du brouillard blanc. Plutôt à ce qu'elle répercutait. A ce qu'elle projetait dans une position sensible du cerveau. Une sensation d'indicible mais d'indéniable danger; (2010: 43) La brume n'était pas seulement une condensation qui demeurait à distance. Elle faisait intimement partie du nouveau décor, de ce nouvel environnement comateux. Ses molécules se mêlaient aux molécules du béton, du métal, du bois des arbres, de toutes les matières présentes dans la tour et à sa périphérie. Ses atomes avaient fusionné avec les atomes de la cité sur laquelle elle s'était abattue, elle était la cité, comme la cité était la brume.* » (Andrevon 2010 : 51)

Dans les deux descriptions, la brume est dense, opaque, insondable pour les yeux et de la même couleur - le blanc. Elle provoque la disparition du monde extérieur. King la compare à un nuage et à de la neige fraîche, Andrevon à du coton et à du poudroïement. Ni ces comparaisons ni la couleur blanche - symbole de pureté et d'innocence, n'éveillent de connotations négatives, et pourtant dans les deux cas l'apparition de la brume provoque l'inquiétude et évoque un danger car personne ne sait ce qui se cache dans la brume.

Il faut remarquer que le motif de la brume ou du brouillard n'est pas nouveau dans la littérature et qu'il exerce une fascination sur les écrivains et artistes depuis des

siècles : ce thème apparaît dans presque toutes les mythologies, dans l'épopée homérique, dans la littérature médiévale, dans la poésie et les souvenirs de voyage au XVIe siècle, c'est un motif d'une importance considérable dans le roman gothique anglais, dans le fantastique du XIXe siècle et dans la littérature et le film d'épouvante modernes (Cf. Becker, Leplatre 2014). Cet intérêt permanent des écrivains et artistes pour le motif en question peut s'expliquer par l'ambiguïté du thème : d'un côté, l'apparition de la brume signale un danger, un mystère, un monde dissimulé ou bien une perte de tout repère dans notre monde. De l'autre côté, le brouillard peut constituer une sorte de cocon, d'abri protecteur pour un milieu ou une communauté vivant dans cet « *espace heureux* » (Bachelard 1957 : 18). Dans la littérature fantastique et l'horreur, la brume est presque toujours liée à un péril, comme dans les textes analysés de King et d'Andrevon.

Les deux textes racontent donc l'apparition inexplicable d'un phénomène mystérieux qui agresse une communauté, la sépare du monde et emprisonne ses habitants dans un espace clos, ce qui renvoie aux définitions les plus classiques du fantastique. Rappelons que plusieurs critiques soulignent que le fantastique constitue un scandale, une intrusion inexplicable du phénomène insolite dans le monde réel (Cf. Castex 1951 ; Caillois 1958 ; Goimard 2003 ; Millet, Labbé 2005). Dans les ouvrages analysés, on observe cette intrusion du phénomène à caractère similaire dans la réalité. Andrevon souligne le réel et le banal du cadre : « [...] *la tour des Erables pourrait être le stéréotype de centaines de milliers d'autres tours semblables éparpillées à la périphérie des villes, fétus à la découpe variée formant un champ disparate à la croissance exceptionnelle, à l'appétit illimité pour dévorer les paysages. Une banalité inébranlable, qui va brutalement être interrompue* ». (Andrevon 2010 : 13)

Quant au cadre kingien, il est bien emblématique de l'écrivain. L'action de *Brume* est située dans la région natale de King, à savoir dans le Maine dont la géographie réelle et symbolique à la fois revient d'un texte kingien à l'autre (Cf. Hensen 1997 : 35-41). Comme la tour d'Andrevon constitue le stéréotype d'un bâtiment moderne d'une grande ville contemporaine, le village de Bridgton et son centre commercial dans lequel se passe la majorité des événements, le magasin comme « *la plupart des supermarchés modernes* » (King 1987 : 57) créent un cadre suffisamment réel et banal pour l'apparition du surnaturel.

Pourtant, ce n'est pas seulement la nature du phénomène anxiogène et son mode d'intrusion dans le réel qui sont semblables. Souvent, en construisant l'intrigue, Andrevon suit l'hypotexte américain assez fidèlement jusqu'à **la reprise** de plusieurs **épisodes**⁵ liés aux manifestations du phénomène maléfique. Nous nous concentrerons, à titre d'exemple, sur la présentation plus détaillée de deux incidents semblables et importants pour l'action, à savoir l'expérience avec la corde et l'apparition de monstres issus de la brume.

Les personnages des deux ouvrages font une expérience semblable pour ne pas attendre passivement dans l'espace clos et pour apprendre quelque chose sur la nature de la brume qui les emprisonne. Lorsqu'un groupe de personnages veut quitter le supermarché, le narrateur kingien donne à un d'eux 100 mètres de cordes et lui fait la demande suivante : « *Je me demandais si vous seriez d'accord pour vous en attacher une extrémité autour de la poitrine avant de sortir. Je la laisserai se dérouler. Quand vous sentirez qu'elle se tend, attachez-la n'importe où. Peu importe.* » (1987 : 120) Dans le roman andrevonien, deux frères sortent de la Tour en procédant de la même manière : « *Le plan [...] c'est de s'encorder à partir d'un piton qu'on va poser au bord du glaciais. Ce qu'on a pensé, c'est que vous pourriez nous assurer. Il suffit que vous gardiez en main l'extrémité de la corde.* » (2010 : 245) Les résultats de cette expérience se ressemblent dans les deux textes. Chez King, les personnages disparaissent dans la brume et ce qui revient au narrateur tirant la corde c'est « *l'extrémité de la corde [...], un embrouillamini effilé et mâché de fibres et de petits morceaux de coton. Ceux-ci étaient*

⁵ D'autres exemples de cette reprise : chez les deux auteurs, l'apparition de la brume est suivie par un manque total d'électricité et l'impossibilité de communiquer par téléphone. Dans les deux cas, les personnages essaient d'expliquer l'inexplicable qui se déroule devant leurs yeux à l'aide de théories parascientifiques qui introduisent des éléments de science-fiction dans l'histoire fantastique ou horrifique. Dans *Brume*, on parle en termes assez vagues d'un projet militaire mystérieux dont les événements étranges qui se déroulent sont, peut-être, le fruit. Dans *La Maison...* on explique l'action de manière ambiguë par un incident cosmique, une sorte de jeu d'extra-terrestres dont les hommes deviennent les victimes.

piquetés de petites gouttes de sang. » (1987 : 124) Dans le roman andrevonien, les frères ne reviennent jamais de leur expédition et l'objet-témoin⁶ de leur aventure c'est « *la corde, tranchée, net, [qui - K.G.] présentait sur son entame une surface blême et glaireuse. A croire qu'elle avait été rongée par de l'acide.* » (2010 : 258) Les parallélismes entre les deux scènes sont indubitables, mais peut-être ne relèvent-ils que de la volonté, chez King et chez Andrevon, d'une réécriture du mythe classique du fil d'Ariane.

Ensuite, toutes les séquences textuelles qui relatent la lutte des hommes contre les monstres issus de la brume se ressemblent et trahissent l'influence des mythes classiques de la littérature horrifique sur les deux écrivains. En prenant en considération des traits tératologiques, il est possible de distinguer deux groupes de monstres qui apparaissent dans les textes analysés. Le premier groupe de créatures semble être inspiré par le roman anglais *Le Monde perdu* (de 1912) d'Arthur Conan Doyle. Rappelons que le roman raconte l'expédition du professeur Challenger sur un haut-plateau, une sorte d'espace clos, peuplé par des bêtes préhistoriques. Dans le récit de King les monstres préhistoriques sont maléfiques et laids - le narrateur les compare aux monstres peints par Jérôme Bosch. Ils apparaissent avec la brume. Tout d'abord invisibles, ils signalent leur présence par des bruits étranges dans le brouillard. Les créatures, parmi lesquelles il y a un ptérodactyle et un dinosaure gigantesques, provoquent la mort de quelques personnages et la folie chez d'autres qui ne sont pas capables d'expliquer leur intrusion dans le réel d'une manière rationnelle. Le narrateur est d'avis qu'ils peuvent venir d'une autre dimension et que leur apparition est le résultat d'un projet militaire mystérieux.

Dans le roman andrevonien, lorsque la brume recule un peu, les habitants de la tour voient un nouveau monde transformé complètement par le brouillard. Pour décrire cette nouvelle réalité, Andrevon introduit les **leitmotivs** qui lui sont chers et qui traversent toute son œuvre. Dans ce nouvel ordre c'est la nature qui règne, qui occupe une place centrale, privilégiée tandis que l'homme, son ancien maître, perd sa domination et est réduit au rang d'un objet parmi plusieurs d'autres, sans importance dans le Cosmos. Cette vision emblématique pour Andrevon est liée, entre autres, à ses convictions philosophiques et écologiques : il perçoit l'homme comme responsable par ses actes des phénomènes comme le changement du climat, la pollution et l'extinction de certaines espèces de plantes et d'animaux. Maintes fois, Andrevon rejette dans ses ouvrages une traditionnelle optique anthropocentrique en faveur de la domination et de l'exaltation de la nature grandiose. Dans ce nouveau monde évoqué dans *La Maison...* une flore et une faune gigantesques prennent leur revanche sur l'homme et ce gigantisme de la nature, son hyperbolisation souligne, de manière symbolique, sa position privilégiée dans le Cosmos. Andrevon décrit un infini labyrinthe végétal qui s'étale aux pieds de la tour. Parmi les plantes préhistoriques, se meuvent les monstres préhistoriques : les dinosaures et les archéopteryx qui chassent les locataires de la tour et qui provoquent la mort de plusieurs d'entre eux. Comme chez King, les monstres préhistoriques d'Andrevon sont maléfiques à l'homme. Les séquences textuelles dans lesquelles ils sont évoqués sont beaucoup plus nombreuses dans le roman andrevonien. Il faut souligner aussi que la fonction des monstres préhistoriques dans le roman français ne se réduit pas à générer la terreur, comme dans la nouvelle américaine. Les monstres préhistoriques font partie chez Andrevon d'un système philosophique et écologique plus vaste qui exprime les idées de l'auteur sur les relations l'homme/la nature.

Le deuxième groupe de monstres qui apparaissent dans la nouvelle kingienne et le roman andrevonien semble être inspiré par l'admiration que vouent les deux écrivains à l'œuvre de Howard Phillips Lovecraft, incontestable fondateur des plus grands mythes du fantastique (Cf. Waugh 2013 : 155-165). Le panthéon lovecraftien des monstruosité est vaste et diversifié. Un des monstres les plus connus, Cthulhu, est gigantesque, a une tête de seiche et des tentacules de pieuvre. Les créatures kingiennes et les andrevoniennes lui ressemblent par leur aspect physique. King décrit ses monstres ainsi : « *Par-dessus son épaule, j'aperçus d'autres tentacules qui arrivaient, par dizaines, des forêts de tentacules. [...] certains gigantesques, larges comme l'arbre corseté de mousse [...] Les gros avaient des ventouses rose bonbon larges comme des plaques*

⁶ Rappelons que l'objet-témoin dans le fantastique est une chose qui affirme l'existence et la puissance du phénomène maléfique (Tritter 2001 : 78-82).

d'égout. » (1987 : 82) L'écrivain compare ces créatures de manière explicite aux monstres lovecraftiens: il parle d'« *horreurs lovecraftiennes immortelles* » (1987 : 178). Andrevon donne une image semblable de ses monstres dotés de tentacules : « *Sous le dôme caparaçonné, ruisselant de toute l'eau qui s'en déversait en une couronne de cascades, une ceinture de tentacules tout aussi noirs et luisants que le reste de la chose s'agitaient. Un crabe. Une araignée de mer. [...] La créature-montagne était en vérité indescriptible, métaphore enfantée par la nuit de L'Horreur en majuscules, de toutes les horreurs* ». (2010 : 518)

Outre l'aspect physique des monstres, il y a d'autres analogies entre les figures tératologiques dans l'œuvre de ces trois écrivains. Les Grands Anciens lovecraftiens sont emprisonnés dans les profondeurs de l'univers, par exemple sous les mers ou dans les abîmes de la terre, où ils rêvent en attendant leur retour. Madame Carmody dans *Brume* est convaincue que « *La terre s'est ouverte et a dégorgé ses abominations...* » (1987 : 101) Fréquemment, les manifestations des monstres lovecraftiens sont expliquées par l'ouverture dans l'espace/temps, ce qui est suggéré dans le roman andrevonien : « *La tour et son environnement immédiat ont été pris dans une faille de continuum spatio-temporel.* » (2010 : 586). Parfois, les monstres lovecraftiens envoient leurs rêves à certains hommes qui sont particulièrement réceptifs pour les horrifier, les informer ou bien les convertir au culte de Cthulhu. Le narrateur de *Brume* s'avère être une personne capable de recevoir dans ses rêves les images inquiétantes de monstres et d'apocalypse qui s'approche. L'apparition des monstres provoque la folie des personnages lovecraftiens. Et ce motif apparaît aussi bien chez King qu'Andrevon : dans les deux textes analysés la confrontation des personnages et des monstres finit toujours, conformément aux clichés du fantastique, de manière néfaste pour les personnages : certains sombrent dans la folie, d'autres se suicident, d'autres encore meurent en luttant contre les figures du mal. Le thème des monstres révèle donc non seulement qu'Andrevon s'inspire de King, mais que les deux écrivains subissent l'influence des créateurs de mythes déjà classiques du fantastique et de l'horreur.

En poursuivant la lecture croisée de *Brume* et de *La Maison...*, il faut remarquer que les conséquences des manifestations de la brume trahissent également des parallélismes. La conséquence la plus importante de l'activité du phénomène maléfique est dans les deux cas la constitution d'un **microcosme** avec ses couches sociales, les professions diverses, les nationalités diverses – surtout chez Andrevon, avec des problèmes et phénomènes sociaux divers. Dans les deux ouvrages, la brume accomplit le même rôle dans leur structure : elle est un instrument d'optique narrative qui transforme un espace clos (le supermarché/le gratte-ciel) en microcosme.

La tour andrevonienne fait, dans une certaine mesure, penser à *La Comédie humaine* de Balzac, le tableau social qu'il y décrit est vaste. Parmi les 400 habitants de la tour, il y a des Français, des Juifs, des Arabes, des Camerounais, des Norvégiens, des Italiens, des Roumains, des Allemands etc, c'est une véritable tour de Babel aux diverses coutumes et aux nombreuses langues. Presque tous les métiers (du professeur en passant par le mannequin et le banquier au concierge) y sont mentionnés. Ses locataires représentent divers niveaux de culture générale, d'éducation et de richesse. Parmi les personnages, il y a des personnes âgées, des jeunes, des enfants, des adultes, il y a des familles et des personnes célibataires. Grâce à cette diversité, la société de la tour acquiert un certain aspect universel permettant une observation générale d'une grande cité moderne. La narration et la focalisation dans le roman le met encore en évidence : personne n'est privilégié par l'auteur car il n'y a pas de héros traditionnel – narrateur individuel dans le roman. C'est un héros collectif, la société de la tour, qui est le protagoniste. Andrevon procède à l'aide de la narration à la troisième personne et de la focalisation interne sur les divers personnages ce qui donne une impression de multiplicité de points de vue et, ce qui constitue une différence par rapport à l'hypotexte kingien.

Dans la nouvelle de King, le microcosme présenté est plus restreint, ce qui est tout à fait explicable par les dimensions du texte. Chez King, la société décrite est aussi plus homogène du point de vue ethnique et raciale : tous les personnages qui apparaissent dans le récit sont des Américains blancs. Cette image fictive est conditionnée par un contexte socio-culturel précis : si on regarde les données démographiques concernant la population de Bridgton, village existant réellement, on remarque que 97% de ses habitants sont les Américains blancs. Pourtant, la situation familiale et professionnelle des personnages kingiens est assez diversifiée. Dans le supermarché entouré par le

brouillard sont enfermés des habitants originaires de Bridgton ainsi que ceux qui y sont venus pour passer leurs vacances ; des célibataires, des femmes mariées, des pères de familles ; des adultes, des adolescents, un enfant ; des vendeurs, un artiste, un avocat, une enseignante etc. Bien que le nombre des personnages de la nouvelle soit assez limité, l'écrivain y crée une image socio-culturelle assez vaste et emblématique d'un petit village américain⁷. Le narrateur homodiégétique, David Drayton, raconte son histoire à la première personne, il est le centre de focalisation interne et le lecteur ne connaît que son point de vue subjectif.

L'**excipit** des deux textes, élément stratégique du fantastique, n'éclaircit pas le mystère et laisse le lecteur dans le doute. *Brume* a une fin ouverte, le narrateur fait à ce propos un commentaire métatexte : « *Mais il ne faut pas vous attendre à une conclusion nette. C'est [...] une fin à la Hitchcock, c'est-à-dire [...] une conclusion ambiguë qui permet au lecteur ou au spectateur de se faire sa propre idée sur la manière dont l'aventure se termine.* » (1987 : 194) Ces mots font penser à la théorie, généralement connue, du fantastique de Tzvetan Todorov pour qui l'essence du fantastique s'appuie sur l'hésitation du lecteur et du personnage quant à l'explication de l'aventure, sur l'ambiguïté finale et la structure ouverte du texte (1970 : 29). Malgré les interprétations diverses du phénomène dispersées dans la nouvelle, ni le narrateur ni le lecteur ne savent si elles sont vraies, ce qui s'est exactement passé. David avec un groupe de ses compagnons réussit à s'enfuir du supermarché, il voyage à travers le monde couvert par la brume et il ne sait pas lui-même comment son aventure finira.

Le dénouement de *La Maison qui glissait* n'explique rien non plus. L'**excipit** ressemble à l'**incipit** : l'écrivain présente le matin certains locataires de la tour bien que, dans le chapitre précédent, ces personnages soient morts. Les questions finales restent sans aucune réponse : « *Réalité ? fantôme ? Il n'est qu'une vérité, à reconsidérer chaque jour, à prendre comme elle vient, comme elle est. Eh oui, la vie continue.* » (2010 : 604) Le lecteur ne sait donc pas si l'aventure mystérieuse recommence, ou bien si elle n'était qu'un rêve, s'il s'agit de mondes alternatifs, ou d'une boucle temporelle par exemple. Les possibilités d'interprétation sont nombreuses, mais aucune n'est privilégiée par l'auteur et l'ambiguïté finale règne.

CONCLUSIONS

Pour clore l'analyse des relations hypertextuelles entre les deux ouvrages, quelques conclusions nous semblent importantes à signaler. Andrevon ne cache pas son inspiration de l'écrivain américain. Il compare explicitement son roman à « *l'image d'un film ou d'un téléfilm américain [...] d'après Stephen King [...]* » (2010 : 561), ce qui, peut-être, trahit son aspiration esthétique à écrire une sorte d'adaptation reprenant et transformant certaines trames de la nouvelle kingienne. L'écriture hypertextuelle andrevonienne devient ainsi lecture, ou plutôt « *relecture en acte* », pour reprendre le terme genettien (1972 : 147), de son hypotexte kingien fondateur. Les parallélismes entre les deux textes, dont nous avons analysés certains dans notre étude, sont indubitables, pour n'évoquer que le même motif central - le mode d'introduction, la nature et les conséquences de l'apparition du phénomène maléfique, l'hybridation générique propre aux deux ouvrages, la reprise des épisodes fabulaires ainsi que l'**excipit** ambigu des deux textes.

Pourtant, la lecture croisée des deux ouvrages montre également que la culture et la littérature populaire moderne demeurent en dialogue permanent, que les textes populaires se lisent entre eux et qu'ils subissent l'influence de mythes classiques de la littérature horrifique. Ainsi, les productions des littératures de l'imaginaire peuvent être conçues comme des mosaïques composées consciemment de citations, références, allusions, transformations, imitations, comme une sorte d'un clin d'œil aux lecteurs avertis capables de les saisir et apprécier. La lecture croisée de ces productions peut devenir un jeu transtextuel, ce qui ouvre, selon nous, de nouvelles perspectives analytiques et interprétatives (transtextuelles, et, dans certains cas, transculturelles et

⁷ Notons pourtant au passage que les microcosme kingien et andrevonien, si différents qu'ils soient, réagissent de manière semblable à l'apparition du phénomène anxiogène. Les deux écrivains s'intéressent à des comportements humains dans des situations de crise, dans des situations limites et, il faut le souligner, ces conduites sont les mêmes chez King et Andrevon. Aussi bien dans la nouvelle que dans le roman, pour oublier l'horreur, les personnages choisissent entre la jouissance sexuelle, les formes diversifiées du sacré, l'égoïsme extrême et les actes de violence.

transmédiatiques) pour les chercheurs - spécialistes en culture et littérature de masse.

Malgré ce recours constant à ces multiples sources d'inspiration, Andrevon garde, selon nous, son identité hypertextuelle, entre autres, au moyen des leitmotivs emblématiques de toute son œuvre, tels que par exemple la nouvelle image des rapports nature/homme et les problèmes écologiques. C'est grâce à cet aspect original que son roman reste un ouvrage incontournable de la littérature populaire française.

RÉFÉRENCES

1. Andrevon J.-P. (1980). Préface. *L'Oreille contre les murs*. Paris : Denoël. Pp. 7-12.
2. Andrevon J.-P. (2010). *La Maison qui glissait*. Paris : Béliat. Pp. 9-603.
3. Bachelard G. (1957). *La Poétique de l'espace*. Paris : PUF. Pp. 4-266.
4. Becker K., Leplatre O. (2014). *La brume et le brouillard dans la science, la littérature et les arts*. Becker K., Leplatre O. (dir). Paris : Hermann. Pp. 1-574.
5. Caillois R. Préface. (1958). *Le Fantastique*. Soixante récits de terreur. Paris, Club français du livre. Pp 3-12.
6. Castex P-G. (1951). *Le conte fantastique en France de Nodier à Maupassant*. Paris : José Corti. Pp. 5-468.
7. Gadomska K. (2012). *La Prose néofantastique d'expression française aux XXe et XXIe siècles*. Katowice : University of Silesia Press. Pp. 1-281.
8. Genette G. (1972). *Figures III*. Paris, Seuil. Pp. 1-285.
9. Genette G. (1982). *Palimpsestes: la littérature au second degré*. Paris : Seuil. Pp. 5-576.
10. Goimard J. (2003). *Critique du fantastique et de l'insolite*. Paris : Agora. Pp. 1-720.
11. Hemsén P. (1997). *Stephen King: Hantise de l'écrivain*. Paris : Presses Universitaires du Septentrion. Pp. 1-336.
12. King S. (1987). *Brume. Brume. Paranoïa*. (trad. par M. Pressé, S. Quadruppani). Paris : J'ai lu, 1987. Pp. 15-196.
13. Malrieu J. (1992). *Le fantastique*. Paris : Hachette. Pp. 1-160.
14. Millet G., Labbé D. (2005). *Le fantastique*. Paris : Belin. Pp. 5-394.
15. Todorov T. (1970). *Introduction à la littérature fantastique*. Paris : Seuil. Pp. 1-192.
16. Tritter V. (2001). *Le Fantastique*, Paris, Ellipses. Pp. 1-160.
17. Waugh R. H. (2013). *Lovecraft and Influence: His Predecessors and Successors*. (Studies in Supernatural Literature). Waugh R. H (edit.). USA: Scarecrow Press. Pp. 1-210.

УДК 811.134.2'37

ББК Ш147.21-32

А. И. Томилова

Екатеринбург, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИСПАНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ГРАДУИРОВАНИЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию функционально-семантической категории градуальности как одной из ключевых для прилагательных. Цель работы – разностороннее описание градуирования испанских прилагательных, для достижения которой проводится анализ работ, посвященных данной теме на примере других языков, и используются различные методы: сплошная выборка материала исследования по толковым и переводным словарям, компонентный анализ для выявления значения слов, а также описание и сравнительно-сопоставительный анализ материала. Автором приводится краткая семантическая классификация испанских прилагательных, в рамках которой выделяются ограничивающие (конкретизирующие) и неограничивающие, пересекающиеся и непересекающиеся, градуируемые и неградуируемые прилагательные. Градуируемым (и неградуируемым) прилагательным уделяется отдельное внимание ввиду их неизученности в испанском языке, частотности употребления прилагательных, обозначающих измеримый и изменяемый признак; отдельно рассматриваются прилагательные предельной степени выраженности признака (элятивы), среди которых выделяются лексические и морфологические. Также в работе рассматривается само понятие градуирования и его типы (имплицитное, экплицитное, логическое, психологическое, лингвистическое), описываются различные градационные шкалы и градационные кванторы, которые способны градуировать значения практически всех разрядов прилагательных, при условии наличия в их семантической структуре хотя бы одной качественной семы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имя прилагательное, градуирование, категория градуальности, испанский язык, семантика.

Сведения об авторе: Томилова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail: alexara@list.ru.

A. I. Tomilova

Ekaterinburg, Russia

SEMANTIC CLASSIFICATION OF SPANISH ADJECTIVES: GRADABILITY

ABSTRACT. The article under consideration deals with the research of the semantic and functional category of gradability as a key category of the adjectives. The purpose of the work is to describe from many sides the gradability of Spanish adjectives that's why the author analyses different works of the same theme on the example of different languages and uses the following methods: the continuous sampling of the material for the research from Spanish and bilingual dictionaries, component analysis to reveal the meaning of the words as well as the description and comparative analysis of the material. The author gives a brief semantic classification of Spanish adjectives that divides them into restrictive (specializing) and non-restrictive, intersectional and non-intersectional, gradable and non-gradable adjectives. Much attention is given to gradable and non-gradable adjectives because of their unstudied status in the Spanish language, frequency of the use of adjectives denoting measurable and variable feature. Also, the article covers adjectives of extreme degree (relative) that can be lexical and morphological. It is spoken in detail about the notion of gradability, its types (implicite, explicite, logical, psychological, linguistic), different gradation scales and quantifiers that are able to gradate the meaning of almost all adjectives on condition that their semantic structure has at least one qualitative seme.

KEY WORDS: adjective, gradability, category of gradation, Spanish language, semantics.

About the author: Tomilova Alexandra Igorevna, PhD in Philology, senior lecturer of the Chair of Romanic languages, Ural State Pedagogical University, 26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, 620017, Russia; e-mail: alexara@list.ru.

ВВЕДЕНИЕ

В литературе встречается немало различных классификаций испанских прилагательных: качественные и относительные; качественные и определительные, атрибутивные и предикативные и др. Подобное разнообразие объясняется, на наш взгляд, различиями в критериях в основе этих классификаций. В целом все классификации можно разделить на функциональные (А.Бельо и др.) и семантические (Р.Секо, Р.Ленц, В.В. Виноградов, О.К. Васильева-Шведе и др.).

Неоднородность, большая подвижность лексики и огромные возможности комбинаторики обуславливают постоянный интерес к содержательной стороне слов, поэтому в данной статье мы рассмотрим подробнее именно семантическую классификацию, поскольку она способствует лучшему пониманию природы имени прилагательного.

Одна из особенностей адъективной лексики состоит в том, что содержание прилагательных может складываться не только из сигнификативных и денотативных семантических признаков, как это имеет место у существительных и глаголов, прилагательные по необходимости включают и оценочный признак, который называется по-разному: оценочный, субъективный, эмотивный и т.п. [Уфимцева 1986:199].

Действительно, полезно отметить, что «некоторые прилагательные характеризуют внутренние качества и свойства существительного» (*blanco, español*), что «другие прилагательные указывают на положение предмета в пространстве» (*lejano, próximo*). Важно отметить также, что прилагательное *madriño* имеет семантическую параллель в конструкции *de Madrid*, что *muerto* не дает степеней сравнения, что *bajo* способно комбинироваться с суффиксом *-ito* (*bajito*), а прилагательное *amable* такой способностью не обладает [Васильева-Шведе, Степанов 1972:83].

В рамках семантической классификации наибольший интерес вызывает понятие градуирования (которое приводит к разделению прилагательных на градуируемые и неградуируемые), что объясняется рядом причин: градуальность является ключевой категорией прилагательных и наречий; градация качественного признака может проявляться на разных языковых уровнях (фонемный, морфологический, лексический и т. д.); существует постоянная потребность в выражении целостно-однородных и градуируемых признаков. Растущий интерес лингвистов к функционально-семантической категории градуальности, а также средствам ее выражения в языке, вполне оправдан ввиду развития когнитивной лингвистики, семантической типологии и функциональной грамматики.

1. Семантическая классификация испанский прилагательных

В современном испанском языке по семантическому признаку правомерно выделять прилагательные: **ограничивающие (конкретизирующие)** и **неограничивающие, пересекающиеся и непересекающиеся, градуируемые и неградуируемые.**

Ограничивающие прилагательные (*adjetivos restrictivos* или *especificativos*) ограничивают или сокращают характеристику или значение, которое могло бы иметь существительное при самостоятельном употреблении без этого прилагательного. Определительные прилагательные могут ограничивать (конкретизировать) объем понятия существительного (*gatos negros, día claro*), а не выделять, превозносить или усиливать какую-то одну особенность (черту) его значения (*misteriosos gatos, claro día*), что дает место так называемым эпитетам.

Неограничивающие прилагательные (*adjetivos no restrictivos*) часто играют роль этих эпитетов, усиливающих значение прилагательного. Разница между ограничивающими и неограничивающими прилагательными тесно связана с позицией прилагательного относительно существительного, с которым оно образуем номинальную группу. Ограничивающие прилагательные, как правило стоят в постпозиции относительно существительного, а неограничивающие – в препозиции, хотя есть и исключения.

Рассмотрим подробнее приведенный ранее пример: *gatos negros* – *черные коты*. В данном словосочетании мы наблюдаем ограниченное (суженное) значение существительного *gatos* – *коты*, т.к. в нем исключаются все остальные варианты расцветок котов. Роль прилагательного *negros* – *черные* в этом примере как раз и

относит его к группе таких ограничивающих прилагательных.

Напротив же в примере *los misteriosos gatos* – таинственные коты прилагательное *misteriosos* является не ограничивающим определением, которое может применяться в контексте к любым возможным разновидностям существительного *gatos* – коты, придавая им лишь признак “таинственности, загадочности” как неотъемлемого признака класса котов или же, в силу определенного артикля, некой группы, охарактеризованной в предшествующем контексте.

Данное деление частично отражено и в работе В.С. Виноградова, но отдельной номинации такой тип прилагательных не получил. Согласно автору, постпозиция русского прилагательного и препозиция испанского прилагательного в атрибутивных сочетаниях сопряжены со стилистическими оттенками: прилагательное приобретает характер естественного или ситуативного эпитета, у него появляется эмоционально-экспрессивная окрашенность, яркая или неброская. Препозиция испанского прилагательного в некоторых случаях означает то, что оно называет постоянное, неотъемлемое качество или признак какого-либо предмета мысли (*la blanca nieve, el profundo mar*) [Виноградов 1986:63]. Стоит отметить, что в испанском языке положение прилагательного в ряде случаев имеет смысловозначительное значение, т.е. некоторые прилагательные (например, *grande, bueno, malo, pobre, nuevo* и др.) в препозиции изменяют свой смысл (*большой на великий, хороший на добрый, бедный на несчастный* итд).

Пересекающиеся прилагательные (*adjetivos interseccionados*, иногда *absolutos* – абсолютные) обозначают пересечение двух независимых классов: *enano, alto, joven* и др. Значение номинальных групп, таких как *un abogado alto, un vecino simpático, dos mesas cuadradas* или *las manzanas rojas* достигается пересечением обозначенных сочетаний, т.е. некто, являющийся *un abogado alto*, обозначает его профессию адвоката и факт того, что он высокий человек. Такие прилагательные называют пересекающимися. Подобное пересечение, однако, не наблюдается в следующем примере: *Es un abogado excelente*. Данное предложение сообщает нам не о том, что некто является адвокатом и отличным человеком, а о том, что он отличный в качестве адвоката. Эти прилагательные называют не пересекающимися (*adjetivos no interseccionados*), хотя у разных авторов встречаются и иные номинации: интенциональные (*intensionales*), субъективные (*subjectivos*), иногда относительные (*relativos*) и др.

Современные теоретические грамматики испанского языка иногда относят к субъективным прилагательным и те, которые выражают:

- трудность/легкость, например: *un libro difícil* – трудная книга (понимается как трудная для прочтения, написания, продажи, распространения и т. п.), *una decisión difícil* – трудное решение (для принятия), *un problema difícil* – трудная задача (для решения);
- темпоральность, например: *actual, futuro, presente*;
- модальность, например: *probable, seguro, supuesto, presunto*.

Подобные прилагательные имеют некий адвербиальный смысл. В примере *el actual ministro de Economía* прилагательное актуальный не выражает качество определенного министра в отличие от *La noticia es actual*.

2. Понятие «градуирования»

Понятие градуирования было введено и детально разработано Э. Сепиром, который при анализе параметрических значений отметил, что «всякое суждение о количестве, выраженное в терминах мер и чисел, предполагает суждение о градуировании и шкале градаций» [Сепир 1985:43].

Под градуированием в широком смысле понимают упорядочение определенного множества в соответствии с некоторой шкалой. В системе частей речи на выражении градуальных характеристик специализируется имя прилагательное. В данный класс слов кроме собственно прилагательных можно включить также качественные наречия и адъективированные причастия. Среди специфических особенностей имени прилагательного как части речи следует отметить его универсальность, способность характеризовать практически неограниченное количество объектов, его семантическую несамостоятельность, зависимость от определяемого слова, контекста и речевой ситуации, что

обуславливается относительностью количественной нормы проявления обозначаемого им качества. Данное свойство прилагательного позволяет ему не только быть носителем объективной информации, но и выражать разнообразные субъективные оценки и служить средством реализации коммуникативных интенций говорящего [Васильева 2003].

Говоря о градуировании, нельзя обойти стороной его основные элементы, которые и определяют семантические особенности: 1) шкалу, представляющую собой графическое отражение градуируемого признака; 2) точку отсчета на шкале градаций, по отношению к которой определяется значение прилагательного, степень его интенсивности; 3) деления на шкале, или градационные кванторы, определяющие степень изменения признака [Терентьева 2016:21].

Понятие градационной шкалы разработано Э. Сепиром и определяется им как упорядоченный ряд относительных «больше» и «меньше», а примером такой шкалы является натуральный ряд чисел. По этой шкале, согласно автору, и определяются значения прилагательных. Впоследствии в литературе были выделены различные шкалы градаций: унарные и бинарные, последние, в свою очередь, могут делиться на симметричные и асимметричные [Русецкий 1985]; шкалы, фиксирующие физическую градуальность; шкалы, фиксирующие концептуальную (внефизическую, психологическую) градуальность; шкалы, фиксирующие чисто языковую градацию, основывающуюся на каком-то языковом явлении [Мезенина 1991:5-6] и др.

Также Э. Сепир разработал понятие градационного квантора и выделил пять основных кванторов: «больше, чем», «меньше, чем», «равный», «наиболее», «наименее», при помощи которых строится семантическое поле градации [Сепир 1985].

По мнению Е. В. Терентьевой, основной характеристикой шкалы градаций является ее недискретность. Это объясняется самим явлением интенсификации, ибо интенсификация недискретна. Не всегда возможно точно определить границу между различными проявлениями признака [Терентьева 2015:307].

Многие авторы правомерно связывают понятие градуирования с интенсификацией значения. Так А. Н. Ливанова под градуированием значения понимает изменение значения одного и того же слова в рамках категории интенсивности, которая представляет языковую категорию, находящую свое проявление в средствах усиления значения (интенсификаторах) и средствах ослабления значения (деинтенсификаторах) или обобщенно и те, и другие называют градаторами [Ливанова 1995:3].

Стоит отметить также, что экспрессивная функция градуирования реализуется в стилистическом приеме градации (см. подробнее в работе М.В. Плотниковой [Плотникова 2015: 53-58]).

2.1. Типы градуирования

Э. Сепир подчёркивал первостепенное значение различия **имплицитного** и **эксплицитного градуирования** с лингвистической точки зрения, важность этого различия с психологической точки зрения ввиду постоянного конфликта абсолютного и относительного взгляда на вещи. Абсолютная и релятивная градация отличаются друг от друга характером выражения степеней проявления признака качества. Их основой служат имплицитные и эксплицитные градационные потенции качественно-количественных величин, а также способность человека количественно определять и сопоставлять изменения признака качества.

Под *эксплицитным* (относительным) градуированием понимается выражение степени интенсивности качественного признака по сравнению с другими предметами-носителями данного признака. Под *имплицитным* (абсолютным) градуированием понимается выражение степени интенсивности качественного признака по сравнению с нормой его проявления [Сепир 1985].

Более детальную типологию функционально-семантической категории градуирования в грамматике, которой подвержены (или не подвержены) прилагательные, предлагает С. М. Колесникова, которая выделяет: логическое градуирование, психологическое и лингвистическое (или языковое).

Логическое градуирование, которое выделяется с позиции мыслящего

субъекта, бывает двух типов: 1) градуирование слов (выражений) по отношению к норме (нейтральной точке - нулевой ступени измерения): норма (*обычного качества; на обычном расстоянии от ...*) - ниже нормы (*ниже обычного качества = хуже; менее хороший*) - выше нормы (*выше обычного качества = лучше; неплохо...*); 2) градуирование слов (выражений) по отношению к компаративу: ниже (*низшего качества, чем = относительно хуже; относительно менее хороший...*) - выше (*высшего качества, чем = относительно лучше; относительно менее плохой...*) [Колесникова 2011:178-179].

Психологическое градуирование проявляется при соотнесении одной единицы (А) к другой (Б), являющейся либо другой единицей, либо единицей, обозначающей нейтральный признак. С.М. Колесникова выделяет пять типов психологического градуирования [Колесникова 2011: 179-181]:

I тип - градуирование открытого диапазона: А, Б, В ... Н, включающее эксплицитное и имплицитное градуирование: А больше Б = Б меньше А - эксплицитное градуирование; А мало = Б много - имплицитное градуирование.

II тип - конъюнктивное градуирование закрытого диапазона: в качестве примера С.М. Колесникова использует плавный переход цветовой гаммы. Базовая палитра образуется соотношением трех основных цветов - красного, зеленого, синего. Исходя из количественного состава одного из основных цветов, получается тот или иной цвет. Эксплицитное: А менее белый, чем Д = Д белее, чем А. - предлагаются суждения о большей (меньшей) насыщенности белого или черного, представляющие расплывчатое поле предельно белого и предельно черного цветов. Имплицитное: А, Б, В ... К являются оттенками красного. Данный тип психологического градуирования включает в себя цветовые обозначения и является последовательно полукруговым: фиолетовый ... красный

III тип - конъюнктивное круговое градуирование закрытого диапазона. Данный тип градуирования отличается от предыдущего типа (II) наличием вторичного психологического поля предельно близкого (плохого) и предельно далекого (хорошего), имеющего расплывчатый характер. Соотнесение Д : Е интерпретируется как Е - менее близкий (плохой), чем Д = Д - ближе, чем Е = Е - дальше, чем Д = Д - менее далекий, чем Е, т.е. в некоторой точке достигается максимум близкого и градуатор «ближе» заменяется градуатором «дальше» (на пространственном основании). Здесь также выделяется эксплицитное и имплицитное градуирование: эксплицитное: А меньше, чем Б = Б больше, чем А; А менее хороший, чем Б = Б лучше, чем А и т.д. Зона перехода представляет собой расплывчатое поле предельно далекого... и предельно близкого, где соотнесение А : Б интерпретируется как Б менее далекий, чем А = А дальше, чем Б = Б ближе, чем А = А менее близкий, чем Б, т.е. в некоторой точке К достигается максимум далекого, и градуатор «дальше» уступает место градуатору «ближе»; имплицитное: А, Б, В ..., К - далекий в постепенно меняющейся степени; Л, М ... - близкий в постепенно меняющейся степени.

IV тип - дизъюнктивное градуирование открытого диапазона: А [ни красный, ни синий, ни зеленый = черный], Б ... К, Л, М, Н ... Ср. плавный переход от одного цвета к другому (цвета радуги). Эксплицитное: А менее ≠ (прил. цвет. обоз.), чем Б = Б синее, чем А. При этом нейтральная зона отсутствует.

V тип - градуирование I типа, интерпретируемое в терминах дизъюнктивного градуирования («гибридный» тип, включающий в себя I и II типы): А, Б, В ..., Н интерпретируются по аналогии с IV типом. Эксплицитное: А менее горячий (старый, умный, хороший), чем Б = Б горячее ((даже) старше, умнее, (даже) лучше), чем А. В нейтральной зоне не применимы ни горячий, ни холодный, ни старый, ни молодой, ни умный, ни глупый, ни хороший, ни плохой. А менее холодный (молодой, глупый, плохой), чем Б = Б холоднее (моложе, глупее, хуже), чем А ... Нейтральная зона имеет дизъюнктивный характер (умеренный, средних лет, обычного ума, обычного качества) и может пониматься негативно: Ф - ни горячий, ни холодный; ни Ф, ни Х не являются старыми или молодыми, но Ф ближе, чем Х к тому, чтобы называться старым; Ц - ближе к глупому, чем к умному.

Лингвистическое градуирование различается по способу презентации в плане выражения. С.М. Колесникова выделяет три типа лингвистического градуирования [Колесникова 2011: 183-184]:

I тип - эксплицитное градуирование: отвлеченное - градуаторы «больше,

чем», «меньше, чем» осуществляют градуирование вверх или вниз по шкале градации, не указывая ни на класс градуируемых единиц, ни на наличие / отсутствие нормы или вершины выражаемого признака. Метаслова «больше» / «меньше», получившие специализированное употребление, носят абстрактный характер. Ср.: трудный : труднее = более, чем средней трудности = «больше».

II тип - имплицитное градуирование: отвлеченное - некоторые имплицитно градуируемые слова могут быть рассмотрены как новые точки измерения, например, много и мало, используемые к исчисляемым именам; специализированное градуирование включает в себя большое количество разнообразных единиц, образующих градуальные оппозиции, в зависимости от количества лексических единиц, которых, различают: 1) одноэлементные множества: слова, градуируемые как «больше / меньше» не имеют точного опозита, например: вместительный, удаленный, серебристый и т.п. (не употребляются в повседневной речи); 2) двуэлементные множества: - противопоставления, в которых средний член не имеет специального выражения: грубый - XX - нежный (голос); пылкий - XX - холодный (человек) и т.п.; функцию среднего члена выполняет слово с не-, т.к. других промежуточных слов нет: громкий - негромкий - тихий; вежливый - невежливый - грубый и т.п.; 3) трехэлементные множества (встречаются реже) являются обязательными для точного градуирования и связаны со второй группой, где средний член двуэлементных множеств вычленяется за счет ослабления слов выше / ниже по шкале градации, например: плохой - нормальный (средний) -- хороший; 4) при добавлении в ряд противопоставлений еще одного слова из другого семантического поля получим четырехэлементное множество: горячий - теплый - прохладный - холодный; плакать - грустить - радоваться - смеяться; 5) многоэлементные множества - это более сложные противопоставления, осложняющиеся новыми словами. Характер лексического наполнения подобных парадигм зависит от конкретных слов, к которым прилагаются данные парадигмы: красивый... симпатичный... - обычный на вид... - невзрачный... безобразный...; легкий... нетрудный - средней трудности - нелегкий трудный.

III тип лингвистического градуирования включает в себя полярное градуирование, которое обычно используется только для указания на некоторую меру неполноты собственного значения. Но данные единицы могут приобретать и другую (менее важную) функцию. Например, в ряде случаев (в зависимости от контекста!) слово совершенный (являющийся одним из самых ярких термов полярного градуирования) приобретает значение «очень хороший», что позволяет вторично упорядочить «полярные» единицы в положительном направлении. Ср.: более (наиболее) + полярный термин (совершенный). С логической точки зрения они равны (более (почти) совершенный и наиболее (почти) совершенный). С психологической точки зрения значение данных слов равно «лучший»; «самый лучший» в верхней части зоны «хороший». Имплицитно градуированные суперлативы могут стать объектом исследований, как, например, объектом исследования стали слова много/мало, более/менее [Шамшин, 2007; Емцева, 2009].

2.2. Градуируемые прилагательные в испанском языке

Категория градуальности применимо к испанскому языку практически не рассматривалась лингвистами, и проблемы градуальной функции многих испанских слов остаются неизученными.

Градуируемые прилагательные (*adjetivos graduables*) способны выражать различные степени признаков, чаще всего представлены качественными прилагательными. Данная группа прилагательных часто употребляется с наречиями, указывающими на большую или меньшую степень выраженности признака: *muy, poco, bastante, harto, qué* и др. и легко образует привычные степени сравнения прилагательных (сравнительную и превосходную). Выражение различных степеней признака у градуируемых прилагательных может выражаться и морфологически при помощи суффиксации (*pequeñito, calentico, grandecito, ingenuote, pobretón, buenazo, bonachón, delicaducha*) и синтаксически путем лексических повторов, часто усиленных эмфатией: *¡Eso sí, me voy a mercar uno con la trompeta grande, grande!* Стоит отметить, что прилагательные цвета и формы выражают большую или меньшую *приблизительность* прилагательного к

конкретному образцу: *bastante redondo* – *достаточно круглый* (достаточно приближен к типичной форме круга или шара).

Неградулируемые (*adjetivos no graduables*) прилагательные, напротив, обозначают такой признак, который не может быть представлен в большей или меньшей степени. Как правило, это относительные прилагательные, не имеющие степеней сравнения в своем прямом значении. Данные прилагательные могут сопровождаться наречиями *completamente, enteramente, totalmente, absolutamente* и др., которые не выражают напрямую степень признака, однако иногда выражают соответствие, адекватность или приверженность к выражаемому признаку: *totalmente constitucional* – *полностью соответствующий конституции*. Кроме того они могут выражать и некоторое количество, относящееся к одному из компонентов высказывания, например, в предложении «*El edificio de apartamentos está absolutamente vendido*» не имеется ввиду абсурдный смысл, что «каждая квартира продана в максимально возможной степени», а что «продано все количество квартир».

Выделяются также прилагательные предельной, максимальной степени выраженности признака (*adjetivos de grado extremo*), которые не образуют степеней сравнения. В литературе такие прилагательные получили названия элятивы (*elativos*), абсолютные суперлятивы (*superlativos absolutos*) и др. Например: *abominable, atroz, brutal, colosal, delicioso, enorme, espantoso, espléndido, excelente, excelso, eximio, exquisito, extraordinario, fabuloso, fundamental, gélido, helado, horroroso, increíble, ínfimo, inmaculado, inmenso, insignificante, magnífico, maravilloso, máximo, mínimo, minúsculo, monstruoso, perverso, precioso, sensacional, supremo, terrible, tórrido, tremendo*.

Правомерно выделять элятивы не только лексические (см. примеры ранее), но и морфологические, например, префиксы *re-, requete-, super-, hiper-, mega- o ultra-* или суффиксы *-ísimo o -érrimo*. Как видно из приведенных примеров, семантика градуирования и градуальности связана с эксплицитными и имплицитными элементами в высказывании.

Важно отметить, что в некоторых случаях одно и то же прилагательное может в одном своем значении быть относительным (*casa rústica* – *деревенский дом*), а в другом качественным (*modales rústicos* – *деревенские манеры*) и в зависимости от этого образовывать или не образовывать степени сравнения [Виноградов 1986:65].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенных исследований показывают, что средства усиления и ослабления значения слов не закреплены жестко за каким-либо определенным уровнем языковой структуры, а пронизывают всю его систему. В качестве градаторов могут выступать не только префиксы, суффиксы, специальные лексемы, словосочетания, синтаксические конструкции, фразеологические единицы, но и элементы просодики.

Материалом для дальнейшего исследования и детального анализа категории градуальности в испанском языке могут послужить особенности функционирования и употребления не только прилагательных, подверженных степеням сравнения, но и существительных с уменьшительными и увеличительными суффиксами, способы глагольного действия со значением меры, градуальные синтаксические конструкции, а также такие слова, как *даже, просто, еще* с их огромными функционально-семантическими возможностями (могут выступать наречиями, частицами, союзными компонентами и выражать различные значения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимova, Р. Р. Неология в современном испанском газетно-публицистическом дискурсе: деривационные и лексико-семантические процессы: автореф. дис... канд. филол. наук / Алимova Р. Р. – Москва, 2013. – 24 с.
2. Ахманова, О. Г. Словарь лингвистических терминов (около 70000 терминов) [Электронный ресурс] / О. Г. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с. URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (дата обращения: 31.05.2018).

3. Васильева, Н. А. Кванторы как средство модификации значения качественных слов в современном немецком языке. Функционально-семантический и прагматический аспекты [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Васильева Н. А. – Санкт-Петербург, 2003. – URL: <http://cheloveknauka.com/kvantory-kak-sredstvo-modifikatsii-znacheniya-kvalitativnyh-slov-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-funktsionalno-semantiches> (дата обращения: 31.05.2018).
4. Васильева-Шведе, О. К. Теоретическая грамматика испанского языка: морфология и синтаксис частей речи / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. – М.: Высшая школа, 1971. – 349 с.
5. Виноградов, В. С. Сопоставительная морфология русского и испанского языков / В. С. Виноградов, И. Г. Милославский. – М.: Изд-во «Русский язык», 1986. – 161 с.
6. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательных (на материале иберо-романских языков) / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
7. Емцева, О. В. Грамматический статус слов более, менее в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Емцева О. В. – М., 2009. – 21 с.
8. Колесникова, С. М. Функциональное и семантическое описание типов градуирования [Электронный ресурс] / С. М. Колесникова // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 178-185. – URL: http://koprov.ru/resources/monographs/Grammar_Studies_2011.pdf. (дата обращения: 31.05.2018).
9. Ливанова, А. Н. Категория интенсивности и градуирование значения прилагательных в современном норвежском языке: автореф. дис... канд. фил. наук [Электронный ресурс] / Ливанова А. Н. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-intensivnosti-i-graduirovanie-znacheniya-prilagatelnyh-v-sovremennom-norvezhskom-yazyke#ixzz5Gg1cyRbO> (дата обращения: 31.05.2018).
10. Мезенина, М. В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: автореф. дис.... канд. фил. наук / Мезенина М. В. – Москва, 1991. – 16 с.
11. Плотникова, М. В. Градация в оригиналах и переводах поэтических текстов / М. В. Плотникова // Сопоставительная лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 53-58.
12. Сепир, Э. Градуирование: семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – С. 43-78.
13. Терентьева, Е. В. Интенсификация прилагательных, обозначающих собственный признак предмета [Электронный ресурс] / Е. В. Терентьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 307-313. – URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2015_3_unicode/39.pdf (дата обращения: 31.05.2018).
14. Терентьева, Е. В. Интенсификация цветового признака (на примере английских прилагательных) [Электронный ресурс] / Е. В. Терентьева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С. 20-26. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/01/2016-01-04.pdf>. (дата обращения: 31.05.2018).
15. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
16. Шамшин, Ю. Н. Функционирование омокомплексов много и мало в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шамшин Ю. Н. – М., 2007. – 22 с.
17. Bello A., Cuervo R. (1960). Gramática de la lengua castellana. Edición completa, esmeradamente revisada, corregida y aumentada con un prólogo y frecuentes observaciones de Niceto Alcalá-Zamora y Torres. Buenos Aires. 541 p.
18. Criado de Val M. (1954). Fisonomía del idioma español, sus características comparadas con las del Francés, Italiano. Portugués: Inglés y Alemán, Madrid. 422 p.
19. Diccionario de la lengua española. Términos lingüísticos. RAE. Available at: <http://www.rae.es/diccionario-panhispanico-de-dudas/terminos-linguisticos> (дата обращения 31.05.2018).

20. Lenz R. (1944). *La Oración y sus Partes. Estudios de gramática general y castellana. Cuarta edición.* Santiago, Editorial Nascimento. 572 p.
21. *Nueva gramática de la lengua española* (2010). RAE. Available at: http://www.ceip.edu.uy/IFS/documentos/2015/lengua/recursos/gramatica_raenueva.pdf (дата обращения 31.05.2018).
22. Rusiecki J. *Adjectives and Comparison in English : A semantic study* (1985). London. 206 p.
23. Seco R. (1960). *Manual de gramática española, 4a ed.* Madrid. 653 p.

REFERENCES

1. Alimova, R. R. *Neologiya v sovremennom ispanskom gazetno-publitsisticheskom diskurse: derivatsionnye i leksiko-semanticheskie protsessy: avtoref. dis... kand. filol. nauk / Alimova R. R. - Moskva, 2013. - 24 s.*
2. Akhmanova, O. G. *Slovar' lingvisticheskikh terminov (okolo 70000 terminov) [Elektronnyy resurs] / O. G. Akhmanova. - M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. - 607 s. URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (data obrashcheniya: 31.05.2018).*
3. Vasil'eva, N. A. *Kvantory kak sredstvo modifikatsii znacheniya kvalitativnykh slov v sovremennom nemetskom yazyke. Funktsional'no-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty [Elektronnyy resurs]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Vasil'eva N. A. - Sankt-Peterburg, 2003. - URL: <http://cheloveknauka.com/kvantory-kak-sredstvo-modifikatsii-znacheniya-kvalitativnykh-slov-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-funktsionalno-semantiches> (data obrashcheniya: 31.05.2018).*
4. Vasil'eva-Shvede, O. K. *Teoreticheskaya grammatika ispanskogo yazyka: morfologiya i sintaksis chastey rechi / O. K. Vasil'eva-Shvede, G. V. Stepanov. - M.: Vysshaya shkola, 1971. - 349 c.*
5. Vinogradov, V. S. *Sopostavitel'naya morfologiya russkogo i ispanskogo yazykov / V. S. Vinogradov, I. G. Miloslavskiy. - M.: Izd-vo «Russkiy yazyk», 1986. - 161s.*
6. Vol'f, E. M. *Grammatika i semantika prilagatel'nykh (na materiale iberoromanskikh yazykov) / E. M. Vol'f. - M.: Nauka, 1978. - 200 s.*
7. Emtseva, O. V. *Grammaticheskiy status slov bolee, menee v sovremennom russkom literaturnom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Emtseva O. V. - M., 2009. - 21 s.*
8. Kolesnikova, S. M. *Funktsional'noe i semanticheskoe opisanie tipov graduirovaniya [Elektronnyy resurs] / S. M. Kolesnikova // Grammatika raznostrukturnykh yazykov: sbornik nauchnykh statei k yubileyu professora Viktora Yur'evicha Koprova. - Voronezh: Izd-vo «NAUKA-YuNIPRESS», 2011. - S. 178-185. - URL: http://koprov.ru/resources/monographs/Grammar_Studies_2011.pdf. (data obrashcheniya: 31.05.2018).*
9. Livanova, A. N. *Kategoriya intensivnosti i graduirovaniye znacheniya prilagatel'nykh v sovremennom norvezhskom yazyke: avtoref. dis... kand. fil. nauk [Elektronnyy resurs] / Livanova A. N. - Sankt-Peterburg, 1995. - 16 s. - URL: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-intensivnosti-i-graduirovaniye-znacheniya-prilagatelnykh-v-sovremennom-norvezhskom-yazyke#ixzz5Gg1cyRbO> (data obrashcheniya: 31.05.2018).*
10. Mezenina, M. V. *Gradual'nost' v paradigmатике leksiki nemetskogo yazyka: avtoref. dis... kand. fil. nauk / Mezenina M. V. - Moskva, 1991. - 16 s.*
11. Plotnikova, M. V. *Gradatsiya v originalakh i perevodakh poeticheskikh tekstov / M. V. Plotnikova // Sopostavitel'naya lingvistika. - 2015. - № 4. - S. 53-58.*
12. Sepir, E. *Graduirovaniye: semanticheskoe issledovaniye / E. Sepir // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. - M., 1985. - S. 43-78.*
13. Terent'eva, E. V. *Intensifikatsiya prilagatel'nykh, oboznachayushchikh sobstvennyy priznak predmeta [Elektronnyy resurs] / E. V. Terent'eva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. - 2015. - № 3. - S. 307-313. - URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2015_3_unicode/39.pdf (data obrashcheniya: 31.05.2018).*
14. Terent'eva, E. V. *Intensifikatsiya tsvetovogo priznaka (na primere angliyskikh prilagatel'nykh) [Elektronnyy resurs] / E. V. Terent'eva // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. - 2016. - № 1. - S. 20-26. - URL:*

<http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/01/2016-01-04.pdf>.

(data

obrashcheniya: 31.05.2018).

15. Ufimtseva, A. A. Leksicheskoe znachenie. Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki / A. A. Ufimtseva. – M.: Nauka, 1986. – 239 c.
16. Shamshin, Yu. N. Funktsionirovanie omokompleksov mnogo i malo v sovremennom russkom yazyke: avtoref dis. ... kand. filol. nauk / Shamshin Yu. N. – M., 2007. – 22 s.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 821.161.1-31 (Платонов А.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,444

О. Лобос

Буэнос-Айрес, Аргентина

O. Lobos

Buenos Aires, Argentina

РЕЧЕВЫЕ СТИЛИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

АННОТАЦИЯ. Перевод поэтического текста требует принимать его как цельность. Разложить его в своих лексических и грамматических видах не только означает «расстроить поэму», но и может завести переводчика в тупик. Понятие, которое подразумевает собой цельность – это стиль, а, по мнению Бахтина, «всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами». Такое понятие подразумевает некоторую стандартизацию стилей, согласно с известным жанром. «Ерифанские шлюзы» А. Платонова – повесть, у которой сюжет основан на пародическом употреблении разных стилей: барокко, мелодраматического, старославянского, приказного и др. Ввиду этого, мы будем стремиться к переводу, который использует, в виде шаблонных образцов, стильные аналоги на испанском языке: стиль хроник открытия Америки, переводы сентиментальной литературы, бюрократический язык времен Испанской империи. Жанр, по мнению Бахтина, предсуществует своему случайному содержанию, и превышает его. Этот критерий и направляет нашу пропозицию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературный перевод, жанры и стили, Платонов.

Сведения об авторе: *Омар Лобос, доктор филологических наук, доцент кафедры славянских литератур Филологического факультета Университета Буэнос-Айреса; доцент кафедры испанского языка Государственного университета Лануса. Адрес: Аргентина, г. Буэнос-Айрес, Проспект Государства Израиль, д. 4407, кв. В.; e-mail: calfucur@yahoo.com.ar.*

O. Lobos

Buenos Aires, Argentina

LOS ESTILOS DISCURSIVOS EN LA PROSA DE ANDRÉI PLATÓN OV

RESUMEN. La traducción de un texto poético exige fundamentalmente considerarlo como una totalidad. Descomponerlo en sus aspectos léxicos y gramaticales, además de “desarmar el poema”, construye un atolladero para el traductor. Un elemento que implica totalidad es el estilo, y, según Bajtín, “todo estilo está indisolublemente vinculado con el enunciado y con las formas típicas de enunciados, es decir, con los géneros discursivos”. Esta noción implica una cierta estandarización de los estilos conforme con el género de que se trate. “Las esclusas de Epifañ”, de Andréi Platónov, es un relato tramado sobre el recurso paródico a diversos estilos: barroco, melodramático, eslavo-eclesiástico, ministerial, etc. En virtud de ello, tentamos una traducción que se sirve, como modelos de referencia, de análogos estilísticos en lengua castellana: el estilo de las crónicas de Indias, las traducciones de literatura sentimental, la lengua burocrática de los tiempos del Imperio Español. El género, según Bajtín, preexiste a su contenido ocasional, y lo desborda. Ese criterio es el que guía nuestra propuesta.

PALABRAS CLAVE: traducción literaria, géneros y estilos, Platónov.

Datos del autor: *Omar Lobos, doctor en Letras por la Universidad de Buenos Aires, docente de la cátedra de Literaturas Eslavas en la Universidad de Buenos Aires, docente de la cátedra de Lengua Española en la Universidad Nacional de Lanús, investigador, traductor de literatura rusa, escritor y editor. Dirección: Av. Estado de Israel 4407, 7º B. Buenos Aires, Argentina; e-mail: calfucur@yahoo.com.ar.*

O. Lobos
Buenos Aires, Argentina

DISCURSIVE STYLES IN ANDREI PLATONOV'S PROSE

ABSTRACT: The translation of a poetic text demands that it be fundamentally considered as a totality. To discompose it into its lexical and grammatical aspects not only “dismantles the poem”, but it sets up a blind alley for the translator. Style is an element that implies totality and, according to Bakhtin, “all style is intimately linked to the statement and to the typical forms of the statement, that is, to the discursive genres”. This notion implies a certain standardization of styles according to the genre in question. “The Epifan Locks” by Andrei Platonov is a tale built on the parody of several styles: baroque, melodramatic, ecclesiastical Slavic, ministerial, etc. Because of that, we have attempted a translation that uses as models of reference analogical Spanish styles: the style of the chronicles of India, the translations of the sentimental literature, the bureaucratic language from the Spanish Empire. Genre, according to Bakhtin, is previous to its eventual content, and goes beyond it. That is the criterion that guides our proposal.

KEY WORDS: literary translation, genres and styles, Platonov.

About the author: Omar Lobos, Doctorate in Literature from the Universidad de Buenos Aires, teacher of Slavic Literature; teacher of Spanish Language at the Universidad Nacional de Lanús, translator Russian literature, researcher, writes and edits books. Address: Av. Estado de Israel 4407, 7 B, Buenos Aires, Argentina; e-mail: calfucur@yahoo.co.ar.

INTRODUCCIÓN

La traducción de un texto poético exige fundamentalmente considerarlo como una totalidad. Descomponerlo en sus aspectos léxicos y gramaticales, además de “desarmar el poema”, construye un atolladero para el traductor. Mijaíl Bajtín, en “El problema de los géneros discursivos”, ha señalado que todo enunciado se produce conforme con tipos relativamente estables que cada cultura desarrolla, a los que corresponden determinados contenidos temáticos, una determinada composición o estructuración y un estilo verbal [Bajtín 1998: 248]. De modo que estos tipos, que constituyen los géneros discursivos, preexisten a su contenido ocasional, y lo desbordan. Asimismo, señala Bajtín que “en cualquier esfera existen y se aplican sus propios géneros, que responden a las condiciones específicas de una esfera dada; a los géneros les corresponden diferentes estilos” [Bajtín 1998: 252]. La relación entre ámbito, género y estilo es, entonces, motivada e indisoluble.

Por su parte, el poeta y traductólogo francés Henry Meschonnic, traductor de la Biblia, dice que en general la traducción occidental está presa de una teoría del lenguaje que tiene en su centro al signo lingüístico, y por ello él defiende un enfoque poético que reclamaría la superación del signo (elemento discontinuo por excelencia) por el ritmo (manifestación de una continuidad), como condición del *continuo cuerpo-poema*. El ritmo entendido como “la organización del movimiento de la palabra en el lenguaje” [Meschonnic 2009: 55], un *escuchar* “el lazo entre ritmo, sintaxis y prosodia, que corre a través de todas las palabras” [*ídem*: 113].

Ambas perspectivas –con ejes, respectivamente, en la totalidad y la continuidad– son las que orientan nuestro abordaje, en vistas de su traducción al castellano, de una lengua compleja como la de Andréi Platónov, y en particular de su relato histórico “Las esclusas de Epifañ”, tramado sobre el recurso paródico a diversos estilos y géneros: barroco, melodramático, eslavo-eclésiástico, ministerial, dialectal, etc. En virtud de ello, proponemos una traducción que se sirva, como modelos de referencia, de análogos estilísticos en lengua castellana que ayuden al traductor a replicar los fuertes contrastes que hacen a la carnadura del original y a la vez puedan ser percibidos por nuestro lector como correspondientes a *una cierta entidad genérica* ya estandarizada. Tal recurso, además, contribuiría con el o los ritmos en que discurre el relato, su maleabilidad y su poesía.

1. La lengua de Andréi Platónov

El poeta Iósif Brodski escribió un posfacio a la traducción al inglés del relato-novela corta «Котлован» (*La excavación para poner cimientos*) de Andréi Platónov, donde concluye que su prosa es “intraducible”, y que tiene suerte aquella lengua a la que Platónov “no puede ser traducido” [Бродский 1973]. La tesis de Brodski es que Platónov “se subordinó a la lengua de su época, al haber visto en ella tales abismos que,

habiendo echado un vistazo en ellos, ya no podía resbalar por la superficie literaria” [*ibídem*]. El lenguaje de su tiempo (fines de los años 20, los 30, fin de la Nueva Política Económica en la URSS y paso al estalinismo puro y duro) era, en cierto modo, el lenguaje de la Utopía. Para Brodski, el lenguaje de la Utopía convierte a la gramática en su primera víctima, “pues la lengua, no pudiendo alcanzar al pensamiento, jadea en modo subjuntivo y comienza a tironear hacia construcciones y categorías fuera del tiempo” [*ibídem*]. Incluso los simples sustantivos pierden el suelo bajo sus pies. Y esa realización del absurdo en la gramática es testimonio, para Brodski, no de una tragedia privada, sino de la raza humana en su totalidad [*ibídem*]. Por eso es una suerte para una lengua si Platónov no puede ser traducido a ella.

El poeta ruso-americano Borís Paramónov señala en una entrevista radial que el secreto de la lengua de Platónov está en un léxico desplazado: “Él toma una palabra habitual, y la pone en una serie léxica, y además sintáctica, impropia. En esa neologización Platónov es como si se burlara de la lengua” [Парамонов 2013]. Veamos qué habría de ello en un fragmento como este, de «Котлован»:

До самого вечера молча ходил Вощев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочно живущий, Вощев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали. [Платонов 2007: 458]

Hemos destacado algunas de las asociaciones “particulares” que ensaya Platónov en el fragmento. Traducimos:

Hasta el atardecer mismo anduvo callado Vóshev por la ciudad, como a la expectativa de que *el mundo se vuelva de todos sabido*. Sin embargo, tal como antes *no era claro para él en la luz*, y percibía *en la oscuridad de su cuerpo* un lugar quieto, donde no había nada, pero nada era obstáculo a nada para que comenzase. Como *viviente a distancia*, Vóshev *paseaba más allá de las gentes*, sintiendo la fuerza creciente de su mente afligida y aislándose más y más *en la estrechez de su tristeza*.

Pero no hay burla en esa lengua, se apresura a decir Paramónov, no hay sátira, porque Platónov no deja nunca de ser un utopista. (Y de allí la nota de aflicción que recorre toda su obra, ante el colapso de esa utopía). Antes, su lengua es la lengua de los *iuródivui*, los débiles mentales, los locos que ven la verdad. O, como dice el traductor Andréi Serguéiev, la de los “idiotas pensantes” [citado en Голышев 2013]. En tal sentido, el traductor Víktor Gólyshev habla, bromea, sobre lo contagioso que es este estilo para los escritores:

Las particularidades lingüísticas de Platónov son tan fuertes que si te sientas trabajas traduces, hay una gran tentación de también ponerte a... hacer el idiota [...] es una prosa muy contagiosa, ¿sí? / Y toda esta incorrección y desacomodo suyo proviene de que, es la impresión, esta persona habla en ruso por primera vez, y en general por primera vez ve las cosas. Hay en ello algo muy infantil [Голышев 2013].

Es entonces la lengua del asombro, la de las palabras que tratan de juntarse con un significado, o de crearlo a partir de sí mismas y su combinación *un poco al acaso* con otras. Es la lengua de la poesía. Platónov mismo hablará de su oscura “musa”, a impulsos de la cual brota su torrente verbal.

Pues bien, nosotros, desafiando todas las prevenciones de los rusos sobre la intraducibilidad de Platónov (salvo Gólyshev, que defiende que, por ejemplo, al inglés muy bien se lo puede traducir, y que, en todo caso, algún lenguaje de Platónov como los burocratismos soviéticos también hoy día deben ser traducidos para la mayoría de los rusos), desafiando entonces su “intraducibilidad”, nos proponemos aquí pensar algunos recursos para pasar al castellano un relato histórico como «Епифанские шлюзы» (“Las esclusas de Епифан”).

2. Los géneros y estilos en “Las esclusas de Epifañ”

“Las esclusas de Epifañ” es una obra relativamente temprana de Platónov, escrita en 1926 en Tambov y publicada al año siguiente, que funge de preámbulo al fulgurante período creativo que lo revelará como un gran escritor y significará también abrir el camino hacia su proscripción y aislamiento, y a su tragedia personal. El tema del relato es cercano al propio autor tanto geográficamente (se trata de unas esclusas efectivamente realizadas en tiempos de Pedro el Grande en la región de Vorónež, de donde es oriundo Platónov) como profesionalmente (el personaje principal es un ingeniero al igual que el propio autor, empeñado en domeñar la naturaleza para hacerla útil al hombre). Pensemos que, además, el relato está escrito a las puertas del primer plan quinquenal de Stalin para industrializar el gran país campesino.

Por su temática, una característica estilística del relato, que enseguida salta a la vista, es la cierta imitación/estilización del ruso de comienzos del siglo XVIII, al que se entremezclan registros burocráticos (también históricos), una más anacrónica lengua del melodrama y el discurrir general del relato de aventuras. Como el propio autor cuenta a su mujer a propósito de la obra: “La escribí en un estilo raro, en parte al modo ornamental eslavo, cargado. Esto puede que a muchos no les guste. A mí tampoco, pero así salió...”. Se somete, se sumerge Platónov de buen o mal grado en las cálidas aguas oscuras de la creación poética: “Muy poco material histórico -se lamenta en la carta a su mujer-, habrá que de nuevo recostarse en la propia ‘musa’...” [Платонов 1975].

Así comienza, aproximadamente, el texto, con una carta que le dirige al ingeniero inglés que protagoniza el relato su hermano William, también ingeniero, desde la tierra rusa:

¡Cuán racionales son los milagros de natura, querido hermano mío Bertrand!
 ¡Cuán abundante la reconditez de los espacios es *no concebible* hasta para el más poderoso *entendimiento* y *no sensible* al más noble corazón! ¿Ves acaso, aunque sea como una *especulación*, el *domicilio* de tu hermano en la profundidad del continente asiático? *Me es sabido* que no lo *inteliges*. *Me es sabido* que tus *miradas* están fascinadas por la *tumultuosa* Europa y la *muchedumbre* de mi Newcastle natal, donde los *navegantes* son siempre *cuantiosos* y hay en qué consolar una *mirada* educada.¹

Puedo asegurar que en ruso no suena así de desmañado. Todo lo contrario. ¿Cuáles son las dificultades para una traducción como esta que pretende ser literal? Primero, que no siempre hallamos correspondencias para los arcaísmos rusos deliberados (o formas muy librescas), de los que en estas pocas líneas tenemos una decena (los señalados en cursiva: зришь -*zrish*, forma antigua del verbo “ver”-; ведомо -*viédomo*, forma antigua y adverbial de “saber”-, etc.). Segundo, porque varias de estas formas son palabras compuestas por aglutinación, recurso mediante el cual la lengua rusa se apropió de nociones extranjeras trasponiéndolas como calcos léxicos. Pero si bien hoy esas palabras no se descomponen en la conciencia de quien las utiliza (tal como nosotros, por ejemplo, no descomponemos “ferro-carril” o “agri-cultor”), su *proliferación* en una sola frase resulta hiperbólica, visibiliza la morfología y arcaiza el registro: умозрительно (*umo-zrenie*: “ver con la mente”, es decir, “especulación”), местожительство (*miesto-yítelstvo*: “lugar de vivienda”, es decir, “domicilio”), многошумной (*mnogo-shúmnaiá*: “multi-ruidosa”, es decir, “tumultuosa”), многочисленностью (*mnogo-liudstvo*: “multi-gentío”, es decir, “muchedumbre”), мореплавателей (*morie-plavátieli*: “nadador-mares”, es decir, “navegantes”). Estoy descomponiendo groseramente esas palabras, porque el caso es que Platónov las utiliza aquí justamente no en su sentido aglutinante, el que hoy tendría en ruso, sino en la suma de sus lexemas. Además, de querer dar cuenta de esos lexemas en castellano deberíamos recurrir a perífrasis: “ver con la mente” por *umo-zrenie*, “lugar de vivienda”

¹ «Сколь разумны чудеса природы, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространств, то непостижно даже самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу! Зришь ли ты, хотя бы умозрительно, местожительство своего брата в глубине азиатского континента? Ведомо мне, того ты не умопостигаешь. Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Европой и многочисленностью родного моего Ньюкестля, где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору...» [Платонов 2006: 3]

por *miestoyitelstvo*, etc.

Pero el traductor en este punto debe pensar que el tema no son las palabras, que Platónov simplemente las está utilizando aquí con una función más amplia, que es un registro extrañado, a la vez que la estilización de un lenguaje que imitaría el ruso de tiempos de Pedro. Ya hemos citado a Bajtín a propósito de la estandarización de los estilos conforme con el género de que se trate, lo cual, en el caso que estamos analizando, comporta además una cuota paródica.

• ***El barroco como arcaización y euforia***

Puesto a trabajar sobre la traducción al castellano del fragmento epistolar antes citado, se me ocurrió que un elemento de ayuda podría ser visitar textos escritos en una modalidad antigua de nuestra lengua; y orientado también por esa lengua del asombro de la que hablan los especialistas en Platónov me volví a la prosa de los cronistas de Indias. Leo en *Historia de las Indias*, del padre Las Casas:

Llegado, pues, ya el tiempo de las maravillas misericordiosas de Dios, cuando por estas partes de la tierra (sembrada la simiente o palabra de la vida) se había de coger el ubérrimo fruto que a este orbe cabía de los predestinados, y las grandezas de las divinas riquezas y bondad infinita más copiosamente, después de más conocidas, más debían ser magnificadas, escogió el divino y sumo Maestro entre los hijos de Adán que en estos tiempos nuestros había en la tierra, aquel ilustre y grande Colón. [...] creedera cosa es haberle Dios esmaltado de tales calidades naturales y adquiridas, cuantas y cuales para el discurso de los tiempos y la muchedumbre y angustiosa inmensidad de los peligros y trabajos propinquísimos a la muerte, la frecuencia de los inconvenientes, la diversidad y dureza terrible de las condiciones de los que le habían de ayudar, y finalmente, la cuasi invencible, importuna, contradicción que en todo siempre tuvo, como por el discurso desta historia en lo que refiere a él tocante, sabía que había bien menester. [Las Casas 2006]

Si desgranamos la poesía tremenda que hay en el fragmento, de puro realismo mágico, podemos advertir rasgos (que tentaremos volver recursos) sintácticos como el hipérbaton cultista, latinizante, propio de la lengua del Renacimiento (“que a este orbe cabía de los predestinados”, “creedera cosa es”, “contradicción que en todo siempre tuvo”, “desta historia en lo que se refiere a él tocante”, los adjetivos en parejas sinónimas: “divino y sumo”, “ilustre y grande”, “cuantas y cuales”), un uso “extrañado” de las preposiciones (“por estas partes”, “por el discurso”), arcaísmos morfológicos (“calidades”, “invencible”, “adquiridas”, “desta”), léxico culto (“ubérrimo”, “orbe”, “propinquísimos”), léxico que hoy día ha sufrido algún desplazamiento semántico (“el discurso” *de los tiempos*, “la muchedumbre” *de peligros*, “las condiciones” –en sentido estamental– *de sus ayudantes*, “la contradicción” *que en todo siempre tuvo*). En este castellano del Renacimiento, además, todos estos rasgos son filigranados en la exuberancia y extensión de las frases, lo que para los lectores de hoy oscurece el sentido.

Esta visita, no obstante, no tiene como objeto una imitación del estilo en que discurre el español del Renacimiento (cosa que sería fuera de todo propósito), sino recuperar algunas modalidades sintácticas y morfológicas, e imbuirnos de cierta resonancia, que nos permita la estilización, en castellano, de un registro arcaico. Ahora, entonces, un poco contagiados del discurrir del padre Las Casas, tentamos dotar de un colorido arcaico el comienzo del relato de Platónov:

¡Cuán racionales las maravillas de natura, querido hermano mío Bertrand!
¡Cuán *copiosa* la *recondidez* de los espacios, es algo inconcebible aun al más poderoso entendimiento e insondable al más noble corazón! ¿*Vees* acaso, aunque sea con la mente, la morada de tu hermano en la profundidad del continente asiático? *Bien sé* no se te alcanza. *Bien sé que* tus miradas están cautivas de la estrepitosa *Evropa* y las muchedumbres de mi natal Newcastle, donde los *hombres de mar* abundan siempre y una mirada culta *ha* en qué solazarse.

Algunas palabras y construcciones suenan raras, cierto. “Recondidez” es una nominalización a partir del adjetivo “recóndito”, que se registra en la RAE como “reconditez”, pero me parece más lascasiano con la “d”. Y si bien la perífrasis “recondidez de los espacios” está calcada de Platónov, encontramos en Las Casas perífrasis semejantes, como es el caso de “la muchedumbre y angustiosa inmensidad de los peligros”, “la frecuencia de los inconvenientes”, etc. Todas nominalizaciones a partir de adjetivos. Tomo del castellano formas arcaicas, como “vees” con dos “e”, el uso de “haber” con valor de “tener”, la frase un tanto retórica “bien sé”, formas más librescas como “copiosas” en lugar de “abundantes”, “hombres de mar” en lugar de “navegantes”, etc.

Bien, este comienzo es la cita de la carta de uno de los personajes, estamos dentro del género epistolar de entonces. El narrador del relato, por su parte, no sostiene este barroco. Estiliza, sí, las frases e introduce alguna que otra forma antigua o marcadamente dialectal. A veces simples *realia*, términos que designan un rasgo cultural particular y que no tienen correspondencia en otra lengua. Traduzco como ejemplo:

Tras decirse unas mutuas palabras aburridas se separaron: el *emisario* real se fue a su casa a comerse su sémola, el *agregado* inglés a su buró, y Bertrand, al *aposeno* destinado a él cerca del *depósito naval*.²

En este caso, el estilo arcaizante está dado por el recurso a términos históricos hoy en desuso como *poslánieç* (más literalmente, “enviado”, pero que traducimos como “emisario” real para volverlo más libresco), *rezident* (forma antigua para “cónsul”, que el propio autor aclara en nota al pie, por eso elegimos *extrañar* un tantito la traducción con “agregado”) y *zejgaus* (adaptación de la voz alemana *Zeughaus*, utilizada en la jerga militar, que significa “depósito”). Finalmente, “aposeno” intenta reproducir la forma arcaica y elevada rusa *pokoi*.

Pero la arcaización quizá no sea el rasgo más relevante del registro estilizado del narrador, aunque este salpique aquí y allá con términos históricos y viejas formas anidadas en los dialectos regionales. Antes, la lengua poética en que discurre se asienta en la recurrencia de algunas determinadas figuras retóricas.

• ***Oxímoron, prosopopeya e hipálage en la voz narrativa***

En los aposentos todo era limpio, vacío, discreto, pero angustioso *de silencio y de confort*. En la ventana veneciana *batía* el *desierto* viento del mar, y el fresco desde ella más le *hablaba* a Bertrand de la soledad.³

Los recursos poéticos que sobresalen en este fragmento, correspondiente al discurrir del narrador omnisciente del relato, son el oxímoron (“angustioso de silencio y de confort”), la prosopopeya, esto es, la animización de lo inanimado, con su costado ominoso (el viento que bate en la ventana, el fresco que habla a Perry de la soledad) y la hipálage, que implica abreviaturas que desfamiliarizan los objetos (¿Por qué “desierto” el viento del mar? En todo caso, sería desierto el espacio que rodea el alojamiento de Perry, o el propio mar).

Más allá de algunos ejemplos puntuales en tanto figura retórica, el oxímoron cumpliría asimismo una cierta función estructural en el relato, aspecto que no desarrollaremos aquí pero que lateralmente se insinúa en muchos de los ejemplos que proponemos (sobre los ejes naturaleza-razón, belleza-horror), y que tienen su fundamento en la “extranjería” del protagonista. Con respecto a las prosopopeyas e hipálages podemos aún relevar:

A Karl Bergen *lo roía la cruel aflicción* por su germana mujer, pero él había firmado con el zar un acuerdo por un año, y no se podía irse en antes: áspera era en la época la punición rusa. Por eso el joven alemán temblaba de horror

² “Сказав друг другу скучные слова, они расстались: государев *посланец* пошел до- мой есть гречневую кашу, английский *резидент* к себе в бюро, а Бертран - в отведенный ему покой близ морского *цейхгауза*.” [Платонов 2006: 4]

³ “В поках было чисто, пусто, укромно, но тоскливо от тишины и уютности. В ве- нецианское окно бился пустынный морской ветер, и прохлада от окна еще пуще гово- рила Бертрану об одиночестве.” [Платонов 2006: 5]

y de angustia *familiar*... [...] Los otros alemanes también se deprimieron y lamentaban haber venido a Rusia por tan *largos* rublos.⁴

La prosopopeya del caso es clara y remanida, pero las que merecen algún desmenuzamiento son las hipálages: “angustia familiar” traslada al adjetivo la motivación de la angustia, y “largos rublos”, la duración del tiempo que demandaba ganar ese dinero. Otro ejemplo curioso:

Los corceles de avena lo captaron y marcharon a todo lo que daba, *de consuno* con los hombres impacientes.⁵

“Corceles de avena” refiere a que los caballos están bien alimentados (con avena), pero el sintagma, al compactar el sentido, extraña, poetiza el modificador del sustantivo. En el ejemplo, mencionemos de paso, tenemos también la combinación de esta forma poética con un registro más popular (“marchar a todo lo que da”) y un burocratismo (que hemos traducido como “de consuno”).

La ironía humorística también está presente en el registro del narrador, y asoma sobre todo en los choques estilísticos.

Y el nuevo voivoda, Grigori Saltykov, recorría hecho una furia el voivodato sin pausa ni clemencia; los bastimentos carcelarios estaban atestados de muyiks insumisos, y el tribunal de penas voivodal, también pieza de azotes, obraba de continuo, metiéndoles a látigo razón a los muyiks por el trasero.⁶

En el ejemplo, al cierto registro libresco, que juega con la aliteración del realia histórico “voivoda” (voivoda, voivodato, voivodal), se entremezclan burocratismos (obrava de continuo), aclaraciones formuladas con recursos dialectales (el verbo *liutovát*: “mostrar furia, ferocidad”), como otra voz que se entromete (pieza de azotes también), así como la literarización mordaz de imágenes groseras (meter razón por el trasero a puro *knut*). Imagen que por otra parte es un anticipo amortiguado del final ignominioso que espera al propio Perry.

• *La lengua ministerial*

Los burocratismos son pertinentes en el relato, donde lo que moviliza la acción es un proyecto oficial. La llamada “lengua burocrática”, o “lengua ministerial”, fue una especie de *lingua franca* instituida en los tiempos de la expansión moscovita (siglo XV) para codificar y transmitir las órdenes del monarca a todos los rincones del vasto territorio. En los tiempos de Pedro (fines del siglo XVII-comienzos del XVIII) esta lengua fue la lengua privilegiada, por ser la más permeable –por su carácter práctico– a la adopción y aceptación de términos de distintas áreas de la ciencia, la administración, la técnica, tomados de diversas lenguas occidentales. Así, sobre la base de la lengua práctica, se mezclarían y unificarían formas del discurso oral con eslavismos y europeísmos. Claro que todo ello conspiraría contra la *homogeneidad* de esa lengua, constituyéndose en una suerte de “esperanto”.

De este modo discurre, aproximadamente, el zar Pedro en un pasaje del relato: –¡Master Perry! Conozco a tu hermano William, ese envidiable naviero fluvial aun con la gloria hermanar puede la fuerza acuática mediante hábiles constructos. Mas a ti, a diferencia, se te encarga labor harto industriosa, con que pensamos los principalísimos ríos de nuestro imperio ligar por los siglos en un solo cuerpo acuático [...] En pro de ello te encargo a los trabajos dar comienzo sin tardanza: ¡ese corredor naval será! / Y a los que resistencia hayan de hacerte –tú denúnciamelo con los correos–, vivo y pronto

⁴ “Карла Бергена грызла жестокая скорбь по своей германке-жене, но он подписал договор с царем на год, а ранее уехать было нельзя: в ту пору лиха была русская расправа. Поэтому молодой немец дрожал от ужаса и семейной тоски [...] Остальные немцы тоже заплошали и жалели, что приехали в Россию за длинными рублями.” [Платонов 2006: 13]

⁵ “Овсяные кони схватили и понесли полной мочью, в соучастие нетерпеливым людям” [Платонов 2006: 10]

⁶ “А новый воевода, Григорий Салтыков, лютовал по воеводству без спуску и милости; тюремные дома были туго населены непокорными мужиками, а особая воеводская расправа, порочная хата тож действовала ежедневно. Кнутом вбивая разум в задницу мужиков”. [Платонов 2006: 16]

escarmiento. He aquí mi mano, ¡mi garante! Arranca firme, lleva la obra con sapiencia, y puedo agradecer, ¡mas también sé zurrar a los apáticos al bien del estado y opósitos a la voluntad del zar!⁷

Este discurso, o mejor, este estilo “inventado” en castellano, *tiene la cierta exigencia* de aparentar una determinada inscripción genérica, en este caso, los géneros estandarizados de la mencionada lengua ministerial. Como totalidad, creemos que no difiere demasiado de este otro:

Yo conozco cuán provechosa ha sido vuestra persona para la pacificación de esa tierra e la reducir a nuestro servicio, [...] he acordado de mandaros tomar residencia para me informar de la verdad, porque sabida haya mejor lugar para honrar vuestra persona, y os hacer las mercedes que yo tengo voluntad [...] de todo bien y cumplidamente, en guisa que vos no mengüen de cosa alguna, y que por ello ni en parte de ello embargo ni contrario alguno vos non pongan nin consientan poner; [...] y mandamos que todos se conformen con vos, y vos den y hagan dar todo el favor y ayuda que les pidiéredes y menester hubiéredes para el uso y ejercicio del dicho oficio e para todo lo demás que dicho es. [en Fernández Navarrete 1842: 101-105]

Extractos de oficios y ordenanzas del emperador Carlos V a Hernán Cortés. Carlos V, quien hablaba muy mal el castellano, aunque podamos presumir que la carta está redactada o al menos corregida por sus amanuenses.

Volviendo al estilo del zar Pedro, la manera en que Platónov lo hace hablar aparece de algún modo prefigurada por esta observación que en la carta inicial hace a Bertrand su hermano William, al invitarlo a Rusia:

El zar Peter es persona asaz poderosa, aunque disperso y ruidoso en balde. Su raciocinio es semejante a su país: oculto por la abundancia, pero salvaje por la evidencia de bosques y fieras.⁸

• *El registro extrañado*

Como ya mencionáramos, es la mirada extranjera del protagonista, un inglés, la que facilita a Platónov el “extrañamiento” (остранение) en sentido shklovskiano respecto de sus impresiones sobre la tierra rusa, sus hombres y sus modos, proyectando el relato al género de aventuras:

Dejando atrás Moscú, los ingenieros largamente recordaron su música de campanarios y el silencio de las vacías torres de tormento en cada esquina del Kremlin. Especialmente admiró a Perry el templo de Basilio Beato, este terrible esfuerzo del alma de un artista grosero por lograr la sutileza y - junto- el fasto redondo del mundo dado al hombre en don.⁹

Un perceptible hilo de horror recorre el texto del comienzo al fin. Es también el horror contenido en lo sublime, en sentido kantiano, el pavor de lo grandioso, que estremece y subyuga. En la cita, a la impresión comprensible causada por el tañer de las campanas se agrega la más inquietante y sobrecogedora: los ingenieros recuerdan en contraste “el silencio en las vacías torres de tormento”. Hay silencio en las torres justamente porque están vacías, de otro modo el tormento es grito, gemido, llanto. Ya se

⁷ “-Мастер Перри! Я знаю твоего брата Вильяма, тот завидный речной корабельщик и на славу водяную силу братать может искусными устройствами. А тебе, не в пример ему, поручается зело умный труд, коим мы навеки удумали главнейшие реки империи нашей в одно водяное тело сплотить [...] Через то я поручаю тебе к работам приступить немедля - судовому ходу тому быть! / А что сопротивленью тебе будут чинить - про то доноси мне гонцами - на живую и скорую расправу. Вот моя рука - тебе порука! Держи начало крепко, труд веди мудро - благодарить я могу, умею и сечь нерадетелей государева добра и супротив- щиков царской воли!” [Платонов 2006: 7]

⁸ “Царь Петер весьма могучий человек, хотя иразбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью”. [Платонов 2006: 3]

⁹ “Минувши Москву, инженеры долго помнили ее колокольную музыку и тишину пустых пыточных башен по углам Кремля. Особо восхитил Перри храм Василия Блаженного - это страшное усилие души грубого художника постигнуть тонкости - вместе - круглую пышность мира, данного человеку задаром”. [Платонов 2006: 9]

ha mencionado: “brava era en la época la punición rusa”. El silencio es más pavoroso, ese vacío figura una disponibilidad, encarna una potencia, que en el caso de Perry será puesta finalmente en acto. Justamente, es la potencia lo que admira y va conduciendo fatalmente a Perry a lo profundo de Rusia, “las inmensas turberas junto al bosque atraían a Perry, y sentía en sus labios el gusto de una riqueza increíble, oculta en estos oscuros suelos”¹⁰, y luego, “Perry se dio vuelta, advirtiendo la terrible altura del cielo sobre el continente, imposible sobre el mar y sobre la estrecha isla británica”¹¹. Pero a diferencia de su hermano, que saluda en el comienzo la “racionalidad” de las maravillas de Natura, él va comprendiendo oscuramente que no le será dado domeñar la recóndita naturaleza rusa.

Una vez al mediodía un cochero revoleó el látigo sin necesidad y silbó desorbitado. Pararon los caballos.

-¡Tanais! -gritó Karl Bergen, asomándose de la diligencia. Perry detuvo el carruaje y bajó. En el remoto horizonte, casi en el cielo, brillaba como una fantasía de plata una franja viva. Como la nieve en la montaña.

-¡Ahí está, el Tanais! -pensó Perry, y se horrorizó del designio de Pedro: tan grandiosa resultaba la tierra, tan señalada la vasta naturaleza a través de la cual había que construir el corredor de agua para naves. En los croquis en San Petersburgo era claro y fácil, pero aquí, en el cruce del mediodía hasta el Tanais, resultaba falaz, difícil y tremebundo.¹²

“Tanais”, “Tanaide”. Esa evocación de la antigua civilización griega que se cuela con el viejo nombre del río Don, la exclamación que delata que ya era de algún modo conocido (de mentas, legendariamente), contrasta con el entorno apabullante e inculto y abona la idea del oxímoron estructural que mencionáramos. Todos los epítetos del fragmento están reservados a la naturaleza: *remoto* horizonte, *grandiosa* la tierra, *señalada* la *vasta* naturaleza, y en contraste flagrante con lo racional europeo.

• **La lengua del melodrama**

También hay ironía en el registro de las cartas de Mary Carboround, novia de Bertrand, propio del melodrama sentimental-romántico, un anacrónico estilo epistolar “femenino” con cierto propósito análogo de caracterización de la sensibilidad de las mujeres al que puede encontrarse, por ejemplo, en nuestro Manuel Puig:

¡Mi bravo Bertrand! No esperas tú esta nueva. Me resulta difícil afligirte pues, probablemente, mi amor por ti aún no me ha dejado. Pero ya arde en mí un nuevo sentimiento. Y mi razón lastimera se empeña en atrapar tu imagen querida, que tan afligidamente adoraba mi corazón. Mas tú eres ingenuo y cruel: en pos de oro navegaste a una tierra lejana; por una gloria extraña arruinaste mi amor y mi juventud que esperaba ternura. Soy mujer, soy débil sin ti, como una ramita...

Y agrega:

¿Recuerdas, mi bravo Bertrand, a Thomas Reis? Es él quien se ha convertido en mi marido.¹³

¹⁰ “Огромные горфяники под лесом прельщали Перри, и он чувствовал на своих губах вкус невероятного богатства, скрытого в этих темных почвах”. [Платонов 2006: 9]

¹¹ “...отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом” [Платонов 2006: 9]

¹² “Однажды в полдень ящик махнул кнутом без нужды и дико свистнул. Лошади взяли. - Танаид! - крикнул Карл Bergen, высунувшись из кареты. Перри остановил экипаж и вышел. На дальнем горизонте, почти на небе, блестела серебряной фантазией резкая живая полоса. Как снег на горе.

- Вот он, Танаид! - подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водяной ход кораблям. На планшетах в Санкт-Петербурге было ясно и сподручно, а здесь, на полуденном переходе до Танаида, оказалось лукаво, трудно и могущественно”. [Платонов 2006: 10]

¹³ “Мой славный Бертран! Ты не ждешь этой вести. Мне трудно тебя огорчать, наверно, любовь к тебе меня еще не оставила. Но уже новое чувство жжет меня. И жалкий разум мой напряжен, чтобы поймать твой милый образ, который так скорбно обожало мое сердце. Но ты наивен и жесток - ради наживы золота ты уплыл в дальнюю землю; ради дикой славы ты погубил мою любовь и мою ждущую

Casi como otra parte del mismo discurso podemos leer en una traducción española de *La nueva Eloísa*, de Jean-Jacques Rousseau:

La imposibilidad de ser feliz avivó en mí un fuego que hubiera debido apagar. Una halagadora ilusión me sostenía en mis penas; perdí, con la misma ilusión, la fuerza para soportarlas [...] ¡Ay! Es siempre el alma del más débil la que lleva las penas de los dos. La decisión que usted me propuso fue el colmo de mis dudas. El infortunio de mis días estaba asegurado; la inevitable elección que me quedaba era añadir a mi infortunio el de mis padres y el de usted... [Rousseau 2007: 385]

Es común en los dos casos la exaltación retórica del sentimiento amoroso como algo supremo y la ruina que se deriva de su irrealización. Pero en el caso de Platónov el efecto es también de un humor amargo, y conlleva una cierta burla autoral en la caracterización de Mary. La pena y soledad de Bertrand en una tierra extraña es agravada ahora por el despecho infantil –en su crueldad y vengatividad– que alienta en esta primera carta de su ex novia. El *crescendo* habla por sí mismo, así se despidе ella:

Ya hace dos semanas que fue nuestra boda con Thomas. Él es muy feliz, y yo también. Creo que ya hay un niño agitándose bajo mi corazón. ¡Ves, qué pronto! [...] ¡Adiós! No te entristezcas, y si estás por Newcastle, visítanos, estaremos contentos. Y si mueres, te lloraremos con Thomas. *Mary Carboround-Reis*¹⁴

CONCLUSIÓN

Podrían relevarse todavía otros registros, sobre todo el dialecto popular, el que hablan los muyiks, e incluso el propio voivoda. Traducir esas formas excesivamente locales tiene sus dificultades. Advierte el traductólogo francés Antoine Berman –¡que entre otros ha traducido a Roberto Arlt!– que, en determinados casos, dar cuenta de un término vernáculo extranjero por uno local (traducir, por ejemplo, recurriendo al argot de París una voz lunfarda de Buenos Aires, o hacer hablar a los cosacos como los gauchos) puede tocar la vulgarización. “Desgraciadamente”, dice, “solo las koinés, las lenguas ‘cultivadas’, pueden entretraducirse” [Berman 1999: 64]. Nosotros no vamos ahora a polemizar con él, si bien *a priori* consideramos que aun en ese terreno el traductor podría encontrar recursos. No en vano señala Meschonnic que las posturas de Berman también son deudoras de una concepción centrada en el signo lingüístico.

Así, hilvanados por un discurrir narrativo donde domina la nota lírica (teñida, podría sumarse, de un humor tremendamente cáustico), son diversos los estilos (ligados a géneros específicos) que conviven en “Las esclusas de Epifañ” y de los que el traductor debe dar cuenta. Es que Platónov quiere visibilizar en tanto tales estos estilos estandarizados. Nuestra tarea en este esbozo ha sido relevarlos, examinar algunas de sus características y tratar de encontrar análogos en castellano que puedan ayudarnos a reproducirlos *como totalidad*, en tanto estilos y géneros que se puedan reconocer y asociar con otros que guardamos en nuestra experiencia de la lengua nativa. Descuidar esos relieves en la traducción y homogeneizar el registro dejaría del otro lado buena parte de la sustancia poética del relato.

нежности молодость. Я женщина, я слаба без тебя, как веточка, [...]

Ты помнишь ли, мой славный Берг, Томаса Рейса? Вот он стал моим мужем...» [Платонов 2006: 8]

¹⁴ «Две недели уже, как вышла наша свадьба с Томасом. Он весьма счастлив, и я тоже. Кажется, у меня ребенок тревожится под сердцем. Видишь, как скоро! [...] Прощай! Не печалься, а будешь в Ньюкестле – навести нас, мы будем рады. А умрешь – мы заплачем с Томасом. Мери Карборунд-Рейс» [Платонов 2006: 8]

BIBLIOGRAFÍA

1. Бродский, И. Послесловие к "Котловану" А. Платонова ("Posfacio a *La excavación*, de Andréi Platónov") [Электронный ресурс] / И. Бродский. - 1973. Disponible en http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt.
2. Голышев, В. Как читать «Котлован»? ("Cómo leer *Kotlován*"). Transcripción de la clase "La lengua en un callejón sin salida", dictada en el centro de prensa de RIA Nóvosti en Moscú) [Электронный ресурс] / В. Голышев. - 2013. Disponible en <http://www.colta.ru/articles/specials/959>.
3. Парамонов, Б. Платонов для американцев ("Platónov para los americanos"). Entrevista en Radio Svoboda [Электронный ресурс] / Б. Парамонов. - 2013. Disponible en <http://www.svoboda.org/content/transcript/24824249.html>.
4. Платонов, А. А. Епифанские шлюзы / А. А. Платонов. - München, ImWerden, 2006.
5. Платонов, А. А. Чевенгур. Котлован. Рассказы / А. А. Платонов. - М.: Эксмо, 2007.
6. Платонов, А. А. Письмо за 1927 год № 113 (Carta de 1927 № 113). [Электронный ресурс] / А. А. Платонов. - 1975. Disponible en <http://platonov-ar.ru/materials/letters/1927/113>.
7. Bajtín M. (1998). El problema de los géneros discursivos. *Estética de la creación verbal*. Buenos Aires: Siglo XXI.
8. Berman A. (1999). La traduction et la lettre ou L'auberge du lointain. Paris: Du Seuil.
9. Fernández N., Martín et al. (1842). Documentos inéditos para la historia de España. Madrid: Calero.
10. Las Casas, B. (2006). Historia de las Indias. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. Disponible en http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-las-indias--0/html/d31cc52d-acd9-4776-a069-ee37b963f399_12.html.
11. Meschonnic H. (2009). Ética y política del traducir. Buenos Aires: Leviatán.
12. Rousseau J.-J. (2007). Julia, o la nueva Eloísa. Madrid: Akal.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия ежегодного Международного научного рецензируемого журнала *«Сопоставительная лингвистика»* приглашает к сотрудничеству специалистов по *сопоставительной лингвистике* и смежным областям: *переводу и межкультурной коммуникации*.

Журнал зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий с присвоением международного стандартного номера ISSN **2414-4843**, статьи размещаются в системе РИНЦ и на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: www.journals.uspu.ru.

Разделы журнала:

1. Проблемы сопоставительной лингвистики
2. Проблемы общей лингвистики
3. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации
4. Методика преподавания иностранных языков (в т.ч. русского как иностранного) и перевода.
5. Рецензии. Обзоры. Хроника.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 Филологические науки

Дополнительная специальность: 13.00.00 Педагогические науки

В журнал принимаются статьи на русском, английском, французском испанском и немецком языках.

Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

В целях соответствия Международным требованиям (ведется работа по включению журнала в международные базы данных) все статьи проходят *слепое рецензирование* по следующим параметрам:

- структура рецензируемой статьи,
- качество оформления,
- соотношение обзорного и исследовательского компонентов статьи,
- теоретическая / прикладная значимость исследования,
- стиль и логика изложения,
- репрезентативность практического материала,
- иллюстративность приводимых примеров, таблиц, количественных данных и т.д.,
- наличие выводов, отражающих авторский вклад в решение рассматриваемой проблемы, их обоснованность, перспективность исследования,
- общая грамотность и правильность оформления библиографического списка и внутритекстовых ссылок.

Требования к оформлению материалов

Требования к оформлению научных статей составлены в соответствии с международными стандартами и требованиями зарубежных индексов цитирования, РИНЦ и реферативных баз данных¹.

Объем статьи – минимум 6 страниц с учетом списка литературы.

Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 12; межстрочный интервал — 1,5; поля по 2 см.

Статья должна помимо основного текста содержать следующие сведения **на русском и английском языках**.

1. Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, звание, должность; полное и точное место работы автора; подразделение организации; контактная информация (e-mail).

¹ см.: Редакционная подготовка научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования: методические рекомендации /авт-сост. О.В. Кириллова. М.: ФГУН ВИНТИ РАН, 2012 // <http://www.viniti.ru/download/russian/conf/DOP/01.pdf>

2. Название статьи.
3. Аннотация должна представлять собой краткое резюме статьи в объеме **150-250 слов**, желательно повторить структуру статьи и включать следующие аспекты ее содержания: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; заключение/выводы. Как написать хорошую аннотацию и примеры на английском языке можно посмотреть здесь: <http://www.emeraldgroupublishing.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=1>
4. Ключевые слова (5-7 слов).
5. Ссылка на грант (при наличии).

В структуре статьи обязательно должны быть выделены в отдельные пункты с заголовками:

Введение (определяется научная проблема, цель и задачи, актуальность, новизна предприняемого исследования, обзор работ по данной проблеме),

основная содержательная часть (дается соответствующее название, делится на пункты и, при необходимости, на подпункты, раскрывающие методы и ход исследования),

Заключение или **Выводы** (делаются выводы, соотносимые с поставленными задачами, указывается практическая значимость исследования и намечаются его дальнейшие перспективы).

Для публикации статей в рубрике Рецензии. Обзоры. Хроника. не требуется аннотации и ключевых слов, нет необходимости следовать описанной выше структуре.

Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Петров 2014: 25-26]. Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Ожегов, Шведова URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Panaceja-44417.htm>].

Список литературы по алфавиту (не менее 15) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008. Предпочтительны авторские ссылки на современные и актуальные источники информации, желателен анализ работ зарубежных авторов по теме исследования, а также ссылки на публикации из базы данных *Web of Science* и/или *Scopus*.

Для оформления списка литературы рекомендуется обратиться к сервису <http://snoskainfo.ru/>, который сам выстраивает элементы в нужной последовательности, учитывая пунктуацию в соответствии с ГОСТом.

После списка литературы размещается транслитерированный список русских источников. Для автоматической транслитерации использовать программу на сайте <http://www.translit.ru>, вариант BGN (Board of Geographic Names).

Для удобства оформления текста статьи рекомендуем воспользоваться шаблоном, который Вы можете найти на сайте журнала.

Просьба не включать в текст сложные таблицы и не нумеровать страницы.

Название файла: Номер раздела_Фамилия ИО, например: 3_Иванов ИИ.

Материалы направляются по электронной почте на адрес: jvbog@yandex.ru. Все вопросы, касающиеся публикации, Вы можете направить главному редактору Юлии Валерьевне Богоявленской по адресу: jvbog@yandex.ru.

Статьи, присланные позднее установленного срока, не рассматриваются.

Минимальный порог оригинальности принимаемого к рецензированию текста в системе «Антиплагиат» - 75%. Авторы сами осуществляют проверку в системе и высылают скриншот справки вместе со статьей.

Научный журнал

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
2018. № 7

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра романских языков (каб. 465).

E-mail: uspu@uspu.me

Формат 60×84/8.

Гарнитура «DejaVuSerif».

Уч.-изд. л. - 32,6. Усл. печ. л. - 37,1.